
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 36 СЕНТЯБРЬ 1976

1

И СНОВА ШКОЛЬНЫЙ

2

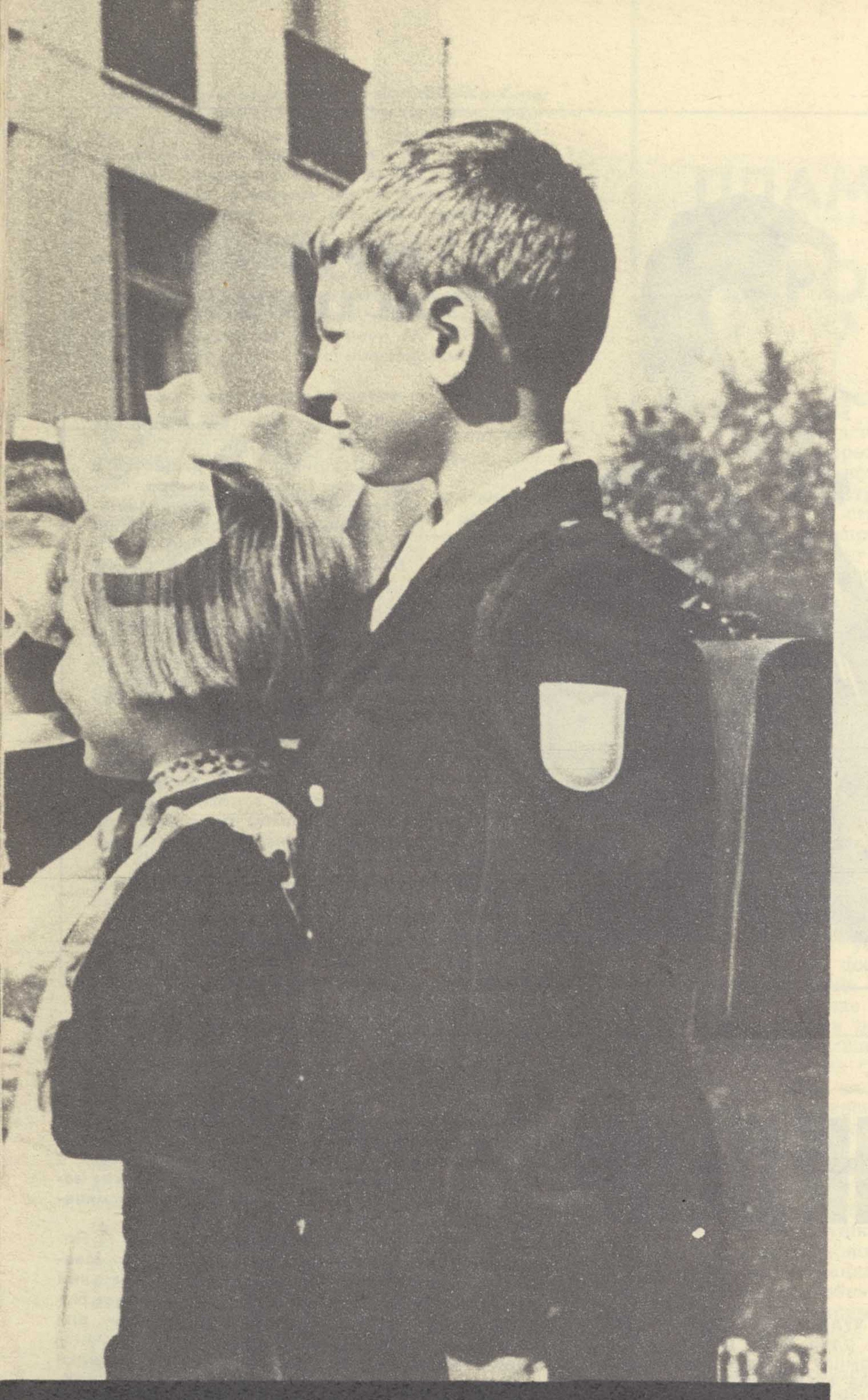

3

4

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 36 (2565)

4 СЕНТЯБРЯ 1976

ЗВОНОК

Фоторепортаж
Анатолия БОЧИНИНА

Первое сентября. Этого дня ждали все наши ребятишки. И особенно нетерпеливо те, кто только вчера ходил в детский сад. Они-то даже ночью просыпались, чтоб еще разок взглянуть на новехонькую форму. А днем бегали полюбоваться своей школой. Очень нравилась она первоклашкам — все равно какая: огромная, белоснежная городская или скромная, маленькая сельская. Ведь это их школа!

Мечтая о первом уроке, мальчишки и девчонки готовились к нему: водили непослушными еще пальцами по глянцевитым страницам книги, заставляя буквы складываться в слова. Готовились к торжественному дню мамы и папы — тщательно выбирали форму: не морщит ли где? Накупали побольше тетрадей, карандашей, ручек: ведь не напасешься, эти сорванцы если не сломают, так потеряют...

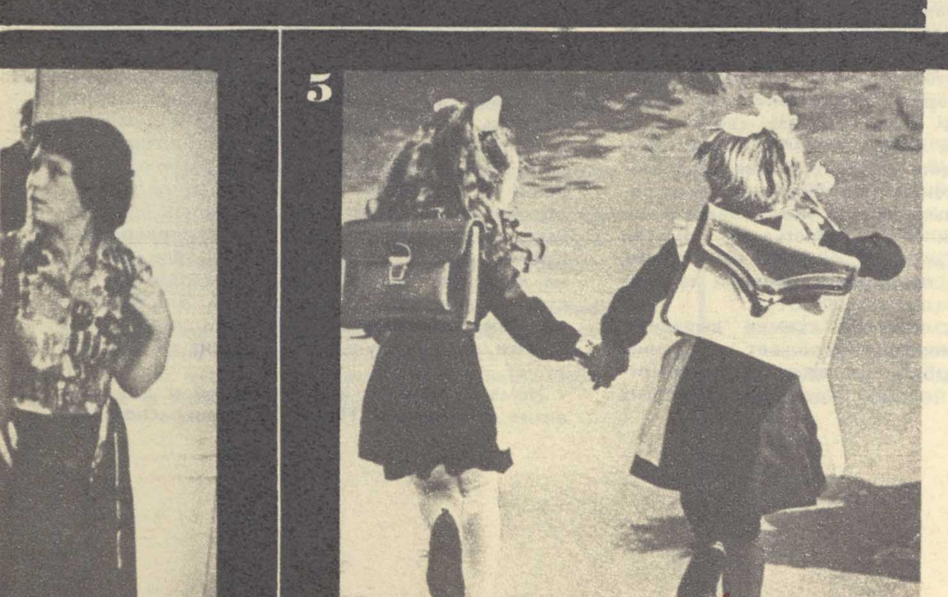
Готовилась к первому сентября многомиллионная армия людей, так или иначе причастных к ученическим заботам. Строители спешили сдать светлооконные дома — только в Москве ныне входит в строй еще двадцать три школьных здания. Полиграфисты печатали учебники. В Ашхабаде создано новое издательство — «Магарыф», что по-русски значит «Просвещение». По всей стране шумели школьные базары. Даже транспортники не остались в стороне: на Украине состоялось совещание, где шла речь и о том, как распределять автобусы, доставляющие учеников в сельские школы.

Но больше всего, конечно, хлопотали учителя. Задолго до первого сентября, например, педагоги высокогорного Цунтинского района Дагестана обошли дома своих будущих питомцев, познакомились с ними и с родителями. Ныне в этом районе сядут за парты четыреста новичков.

Вообще-то для учителей учебный год начинается намного раньше, чем для их учеников. Уже к 15 августа школы были полностью готовы к приему ребят. А во второй половине последнего летнего месяца проходил традиционный августовский педсовет. В повестке дня стояли задачи, поставленные перед народным образованием XXV съездом КПСС. Речь шла о дальнейшем совершенствовании средней школы, о том, что к концу десятой пятилетки в нашей стране прочно закрепится всеобщее среднее образование молодежи, и о том, что в 1976/77 году фактически завершается введение современных учебных планов и программ, начавшееся почти десять лет тому назад. Вот какой он важный и ответственный, предстоящий учебный год. Потому-то так серьезно готовились к нему не только ветераны просвещения, но и около ста пятидесяти тысяч молодых учителей, начинающих ныне свое служение школе. От души желаем им успеха на долгом, трудном и благородном пути.

...Первое сентября. Первый звонок. Его заливистая трель радостно отзывается и в тех, кто пришел первый раз в первый класс, и в тех, кто начинает свой последний школьный год.

Н. ВЕРИНА

5

1 Клавдия Ивановна Тертерова уже тридцатый раз ведет на первый урок малышей московской средней школы № 22.

2 Прикинем еще раз.

3 Школьные секреты.

4 Светлана Леонидовна Блинова (с л е в а) впервые пришла учительницей в родные классы. Здесь же, в столичной школе № 128, будет преподавать и ее однокурсница Людмила Борисовна Трещева.

5 Подружки.

ДРУЖЕСКАЯ ВСТРЕЧА

27 августа член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов принял находящегося в Советском Союзе директора государственного племенного хозяйства «Валье-де-Пикадура» (провинция Гавана) Рамона Кастро Рус.

Между товарищами М. А. Сусловым и Рамоном Кастро Рус состоялась дружеская беседа, прошедшая в теплой, сердечной обстановке.

На беседе присутствовал посол Республики Куба в СССР Северо Агирре дель Кристо.

Фото В. Христофорова (ТАСС)

КОСМИЧЕСКИЕ НЕДЕЛИ

В. ЛЕВСКИЙ,
научный сотрудник

Они не стали дожидаться, когда опустится первый вертолет и им помогут выйти. Открыли люк и ступили в теплую земную ночь. Слегка кружилась голова, вдруг сразу отяжелели ноги и руки. Но все это ощущалось как бы вне, помимо нахлынувшего запаха родной земли, шелеста пшеничного поля.

Так постояв несколько мгновений, они снова обернулись к капсуле спускаемого аппарата, а затем вошли в нее, чтобы взять то, ради чего они и отстояли эту семинедельную вахту на орбитальной станции «Салют-5»...

Эти пленки, технологические образцы, биологические препараты и другие материалы исследований, проведенных космонавтами Б. В. Волыновым и В. М. Жолобовым, еще только-только поступили к ученым, и рано говорить о результатах. Доскональное изучение материалов займет куда больше времени, чем сам полет. Но уже одно ясно: работа в космосе проделана огромная и новый экипаж успешно продолжил дела своих космических предшественников.

Еще недавно статьи, посвященные космонавтике, изобиловали глаголами сослагательного наклонения: «Из космоса можно было бы проводить, можно было бы исследовать...»

Но вот, кажется, наступает время иных глаголов. Уже с первых полетов раз и навсегда утвердила свои исключительные права космическая съемка как качественно новое средство разведки земных недр, оценки состояния растительности, снежных и ледовых скоплений, облачных образований и многого другого, от чего так зависит жизнь на нашей планете. На космических снимках стали видны многие не обнаруженные ранее разломы земной коры, по которым некогда поднимались к поверхности рудоносные сплавы. Все чаще теперь поисковые маршруты геологов намечаются по данным фотоматериалов, доставляемых с околоземных орбит. Более точные сведения о разломах земной коры стали учитываться и при проектировании крупных строек, в частности гидросооружений. Так, например, предшественники Б. Волынова и В. Жолобова космонавты П. Климук и В. Севастьянов помогли обнаружить три мощных разлома на Памире, что было учтено при проектировании каскада плотин на реке Вахш.

Благодаря космической съемке выявлены участки почвы, которым угрожает засоление. Полученные с орбиты фотоматериалы помогли составителям атласа залегания грунтовых вод в Крыму.

Растущие темпы роста производительных сил привели к быстрому «старению» карт, к необходимости их частого обновления. Съемка с самолетов уже не способна выполнить всех задач. Ей на помощь пришла съемка космическая, широкообзорная и всевидящая.

В 1974 году экипаж станции «Салют-3» П. Попович и Ю. Артюхин отсняли полуострова Мангышлак и Бузачи, и в результате специальной обработки фотоматериалов в этих районах было выявлено 57 структур, перспективных для поиска нефти и газа. Экономистами подсчитано, что ускорение темпов нефтегазоразведки всего лишь на 5 процентов обещает ежегодный народнохозяйственный эффект в 2 миллиарда рублей.

По космическим снимкам в районах полуостровов Мангышлак и Бузачи выявлены залегающие на небольших глубинах грунтовые воды, запас которых огромен. А местность здесь, как известно, пустынная. Нетрудно понять, какую роль сыграла космическая съемка в разработке перспективного плана этой богатейшей природной кладовой страны.

Интересно, что экономический эффект фотосъемки земной поверхности, выполненной только экспедицией Климука и Севастьянова, оценен в 50 миллионов рублей.

За семь недель полета Б. Волынов и В. Жолобов отсняли несколько миллионов квадратных километров территории нашей страны — большую часть в средних и южных широтах, то есть там, где пролегала орбита станции. А это как раз районы, очень важные для нашей экономики. Причем многие пространства и объекты фотографировались в течение длительного полета неоднократно, что обещает и бо́льшую выразительность полученных материалов и бо́льшую достоверность. Кроме того, в течение семи недель многое на лике планеты изменилось: например, состояние посевов, рек, ледников. Эти изменения тоже получили отражение на снимках. Вот видите, какие результаты приносит длительный полет.

Немало сделано космонавтикой и для развития астрономии. Начну с инфракрасной аст-

рономии, буквально заново родившейся с началом космической эпохи. Земная атмосфера не только плохо пропускает инфракрасное излучение к наземной аппаратуре, но и сама рождает инфракрасные лучи. Так что при исследованиях создается почти такое же незавидное положение, как если бы астроном стал наблюдать звезды днем с помощью телескопа, да еще освещенного изнутри. В прошлом году, выступая на страницах «Огонька», руководитель «инфракрасных» экспериментов, проводившихся с борта станции «Салют-4», доктор физико-математических наук М. Н. Марков рассказывал о работе с инфракрасным телескопом.

В этом году на борту орбитальной станции «Салют-5» опять установлен инфракрасный телескоп. Я спрашиваю Михаила Николаевича Маркова, какие результаты мы можем ожидать.

— Обработав материалы, мы поняли, что пришел конец давним спорам о том, какой газ является источником инфракрасного излучения, идущего из верхних слоев атмосферы. Оказалось — окись азота. Эта новость очень важна для глубокого понимания механизма воздействия солнечной активности на земную атмосферу, а значит, и на многие процессы на Земле.

Высказывается гипотеза,— продолжает Михаил Николаевич,— что потоки заряженных частиц, рождаемые на Солнце при вспышках, задерживаются верхней атмосферой нашей планеты. При этом в одной из происходящих реакций рождается окись азота, а энергия этих частиц переходит в инфракрасное излучение, доходящее до Земли. Оно может оказывать существенное влияние на формирование погоды. Оправдает себя эта гипотеза или нет — покажет полная обработка результатов экспериментов, выполненных экипажем «Салюта-5».

Просвечивая инфракрасным телескопом атмосферу, космонавты также «вылавливали» частицы, заброшенные сюда цивилизацией, те частицы, что получили печальную известность вредных примесей. Этот вопрос тесно связан с охраной нашей атмосферы и околоземного пространства от засорения. Высказываются тревожные предположения, что уже к 2000 году содержание аэрозольных частиц в атмосфере может возрасти на 60 процентов по сравнению с сегодняшним днем. Тогда ощутимо снизится на Земле и солнечное излучение, наступит похолодание. С другой стороны, некоторые специалисты считают, что за счет промышленных выбросов содержание углекислого газа в атмосфере за сто лет настолько возрастет, что температура повысится на 10 градусов. На Земле начнется таяние морских и материковых льдов. Выводы, как можно видеть, разные, но одинаково тревожные. Нужны срочные меры, и прежде всего контроль за состоянием окружающей среды. Космический дозор при этом — дело убедительное и серьезное. Экипаж станции «Салют-5» привез очередную серию важных наблюдений.

Изучали космонавты и наше Солнце. Интерес к нему ученых неуклонно растет. На станции «Салют-4» работал могучий инструмент ОСТ — орбитальный солнечный телескоп, настроенный на ультрафиолетовый диапазон излучения. На станции «Салют-5» солнечные эксперименты велись инфракрасным телескопом. При этом установлено — около 80 процентов выделения всей солнечной энергии приходится на долю инфракрасного излучения.

С помощью телескопа исследовался молекулярный состав солнечной атмосферы. Так, например, получены результаты о содержании в ней угарного газа. Чем интересны эти данные? Есть предположения, что угарный газ несет ответственность за тот мощный разогрев, который происходит в солнечной атмосфере — от 6 тысяч градусов на поверхности Солнца до миллиона в его короне. Понять причину этого разогрева, разобраться в его механизме — значит решить одну из важнейших задач гелиофизики.

Много лет назад великий мечтатель из Калуги нарисовал грандиозные картины преобразования суши, океанов, атмосферы и космоса для блага общества.

Для того, чтобы они стали явью, трудились в космосе Б. Волынов и В. Жолобов. Они сделали свое трудное дело и вернулись с результатами, которые получены ценой тонкой работы и полной самоотдачи.

ПЛАМЯ НАРОДНОГО ГНЕВА

Юрий ПОПОВ

Каждый день приносит известия о новых выступлениях южноафриканских трудящихся против нечеловеческих условий жизни, против политики апартеида, за свободу и независимость. Трагедия в Соуэто, где в июне были расстреляны десятки демонстрантов, послужила толчком к выступлениям против режима Форстера по всей стране. Преторию, Порт-Элизабет, Кейптаун охватила мощная волна массовых народных выступлений. Против участников маршей протеста и забастовщиков было вновь применено оружие. В результате — сотни убитых и раненых, тысячи брошенных в тюремные застенки.

Июньские расстрелы в Соуэто не испугали африканских трудящихся, и в конце августа в этом пригороде Иоганнесбурга состоялась мощная трехдневная забастовка, в которой приняли участие 200 тысяч человек. Забастовка остановила работу на большинстве промышленных предприятий и парализовала всю деловую жизнь города.

Продолжается упорная борьба в соседней Родезии, где против незаконного режима Яна Смита ведут боевые действия партизанские соединения. В порабощенной южноафриканскими расистами Намибии ширится фронт освободительной борьбы, возглавляемой Народной Организацией Юго-Западной Африки (СВАПО), требующей немедленного провозглашения независимости страны.

Крушение последних бастионов колониализма на африканской земле — дело уже недалекого будущего. Однако именно сейчас силы международной реакции активизировали свою деятельность с целью затормозить этот процесс или перевести его в русло, более устраивающее империалистические круги западных стран.

Для спасения режима Форстера в Южную Африку направляются новые партии оружия и большие суммы денег. Привлекает внимание международной общественности и усиленная дипломатическая активность государственного департамента США, посылающего в Южную Африку своих эмиссаров для различных «консультаций» и переговоров. Свою лепту в сохранение расистских порядков в Южной Африке спешат внести и сионистские круги Израиля, которых связывает с расистскими режимами не только идейная платформа расового превосходства, но и ряд соглашений, положенных в основу оси Претория — Тель-Авив.

Стратегия сил империализма разработана достаточно тщательно. Правящие круги США, например, формально, выступают сейчас за приход к власти в Родезии африканского большинства, а в Намибии — за осуществление решения ООН о предоставлении независимости и освобождении от южноафриканской оккупации. Однако практически речь идет о том, чтобы под вывеской фальшивой политической независимости поставить у власти марионеточные правительства, замаскированные под африканские. Естественно, реальная власть оставалась бы при этом в руках тех, кому принадлежат экономические рычаги в стране,— той же богатой верхушке белых, действующих заодно с многонациональными империалистическими монополиями.

Активизация деятельности империалистических сил в Южной Африке объясняется, в общем, мотивами попросту хищническими. Американские монополии вложили, например, в экономику ЮАР полтора миллиарда долларов. Прибыли на этот вложенный капитал достигают зачастую восемнадцати процентов. Из них лишь незначительная часть остается на месте. Большинство же вывозится из страны и оседает в сейфах заморских компаний.

Что же касается южноафриканских трудящихся, то на их долю практически ничего не остается, за исключением голода, нищеты, безработицы. «По Южно-Африканской Республике бродит призрак безработицы,— пишет английская газета «Гардиан»,— особенно среди африканцев». Один из исследователей Кейптаунского университета подсчитал, что к концу нынешнего года из 18 миллионов африканцев почти 2 миллиона окажутся безработными. По мнению иоганнесбургской газеты «Файнэншл мейл», каждый пятый африканец не может найти работу. «Безработица,— отмечает «Гардиан»,— может стать новым опасным моментом в расовой ситуации, особенно учитывая то обстоятельство, что черные еще не успокоились после волнений в поселках».

Для успеха национально-освободительной борьбы есть хорошие перспективы. На стороне борцов сочувствие и поддержка всего прогрессивного человечества, выступающего за отмену расовых барьеров, за равноправие всех народов и рас. Форумы Организации африканского единства, недавняя конференция неприсоединившихся стран в Коломбо показали, что в вопросах борьбы против колониализма, за свободу и независимость африканского континента существует полное единство взглядов.

Политика разрядки международной напряженности, последовательно осуществляемая Советским Союзом и другими социалистическими странами, суживает возможности империализма, помогает сдерживать выпады наиболее оголтелых кругов реакции. Соотношение сил, как показывают происходящие на международной арене события, все больше на стороне народов, ведущих национально-освободительную борьбу.

Выступая на XXV съезде КПСС, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев сказал: «Наша партия оказывает и будет оказывать поддержку народам, которые сражаются за свою свободу. Советский Союз при этом не ищет никаких выгод для себя, не охотится за концессиями, не добивается политического господства, не домогается военных баз. Мы поступаем, как велят нам наша революционная совесть, наши коммунистические убеждения».

Нет сомнения, что народы Южной Африки добьются свободы: для этого созданы все предпосылки, и все честные люди нашей планеты желают им успехов в этой упорной и тяжелой борьбе.

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

ЛЕНИНГРАД

ЖИВАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Многие тысячи километров отделяют Филиппины от нашей страны, но это не помеха для деловой связи известных в мире научных учреждений — Международного института рисосеяния в Маниле и Всесоюзного научно-исследовательского института растениеводства (ВИР) в Ленинграде.

— У нас с каждым годом развивается рисосеяние,— рассказывает доктор сельскохозяйственных наук, профессор Э. Т. Мещеров.— И потому постоянный обмен новыми высокоурожайными сортами семян риса взаимно полезен. А вообще ВИР связан более чем с 750 исследовательскими учреждениями и семеноводческими фирмами стран — участниц СЭВ, Югославии, США, Канады, Франции, Италии... Ежегодно в коллекцию института поступает около десяти тысяч образцов культурных растений и их диких сородичей, имеющих большое практическое значение как исходный материал в селекции новых сортов...

Каждый образец растения на строгом учете, каждый бережно сохраняется. Это в традиции ВИРа: в голодное блокадное время научные сотрудники в холодных комнатах падали замертво, но не тронули ни одного зернышка. Коллекция классифицирована по роду культур: отделы зерновых, крупяных, зернобобовых, бахчевых, овощных... ВИР — единственное в стране научное учреждение, систематически собирающее образцы всех ценных сельскохозяйственных культур как в зонах отечественного земледелия, так и в зарубежных странах. Недавно экспедиция вировцев высадилась в тайге для обследования районов на трассах БАМа.

Коллекции ВИРа насчитывают без малого четверть миллиона единиц, и все они поддерживаются в живом состоянии. В зависимости от культур в среднем каждые пять лет семена берутся из хранилища и высеваются на опытных плантациях, расположенных в разных природных участках страны. Это дает возможность непрерывно пользоваться коллекцией для селекции новых сортов.

На XXV съезде КПСС Леонид Ильич Брежнев назвал рост зернового производства наиболее актуальной задачей, ударным участком работы всех сельских тружеников. Он обратил внимание и на необходимость развития селекции и семеноводства. Все это имеет прямое и непосредственное отношение и к ВИРу. Одно из ведущих мест в производстве зерновых занимает пшеница, насчитывающая в фондах сорок тысяч образцов. Новаторы сельского хозяйства, практики и ученые, агрономы, семеноводы на протяжении многих лет держат связь с институтом и, пользуясь его живой коллекцией, создают новые высокоурожайные сорта пшениц.

Русские пшеницы использованы при создании многих сортов за границей. На сортах Украины базируется стекловидная пшеница Северной Америки. Пшеница горной Армении получила прописку в Австралии. Стародавняя пшеница с приладожских полей легла в основу лучших сортов Канады. Многие семена, завезенные в свое время в США, и сейчас еще сохраняют русские названия: кубанская, бархатная, одесская, крымская...

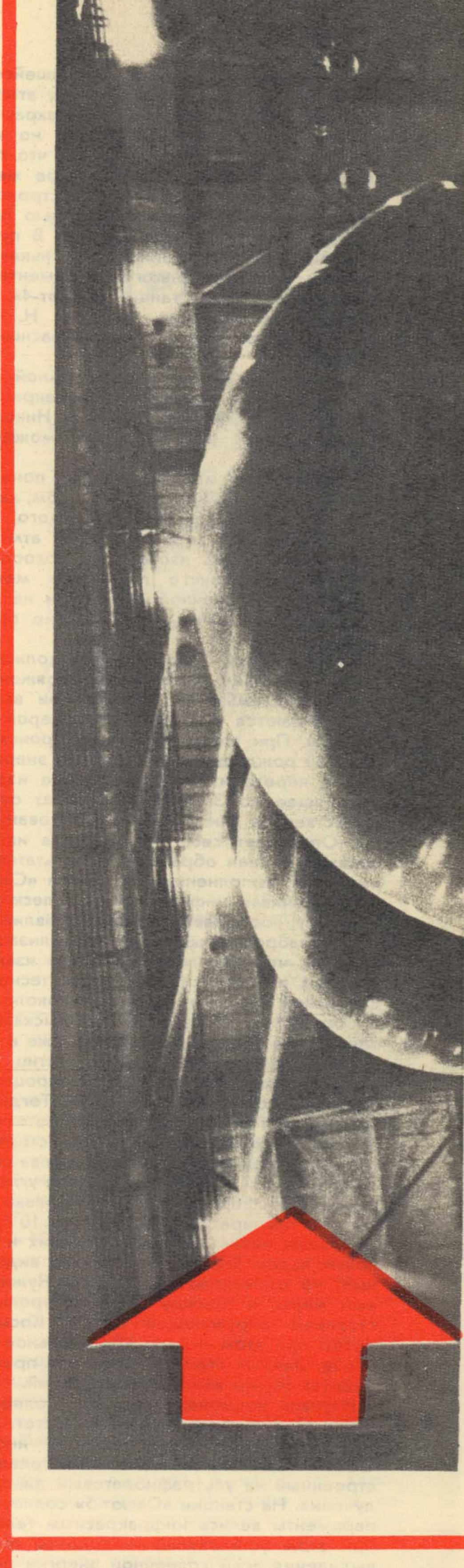
И это только пшеницы, а ведь мировая коллекция ВИРа играет большую роль в непрерывном пополнении и улучшении сортового состава не одних зерновых, но и всех земледельческих культур.

К. ЧЕРЕВКОВ

В отделе овощных и бахчевых культур ВИРа старший научный сотрудник З. Д. Артютина (справа) и старший лаборант Л. Чернова проводят описание плодов различных видов тыквы.

Фото Н. Ананьева.

ГРУЗИЯ

АКАДЕМИЯ ЧАЯ

«Это будет настоящая академия чая» — так сказал Данг За, заместитель министра продовольствия и пищевой промышленности Социалистической Республики Вьетнам, по поводу проекта, созданного специалистами проектного института «Грузгипропищепром».

Красивое здание из бетона и стекла станет научной базой чайной промышленности Вьетнама. Его назначение — разработка рекомендаций по возделыванию, сбору и переработке чайного листа, изучение оптимальных методов производства чая в климатических условиях Вьетнама.

Научный центр будет располагать тремя основными отделами: технологии чая, механизации производства и технической биохимии. Все оборудование поставит Советский Союз. В основном это электронно-оптические приборы. В научном центре будет работать около ста сотрудников, часть из них прошла обучение в Грузии.

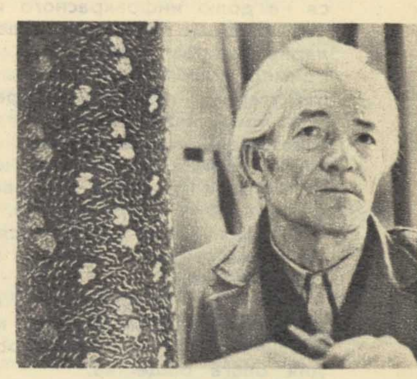
Грузинские специалисты не впервые оказывают помощь вьетнамским друзьям. По проектам наших архитекторов в СРВ построено уже пять фабрик, которые положили начало промышленному производству чая в стране.

С. КИЛАДЗЕ

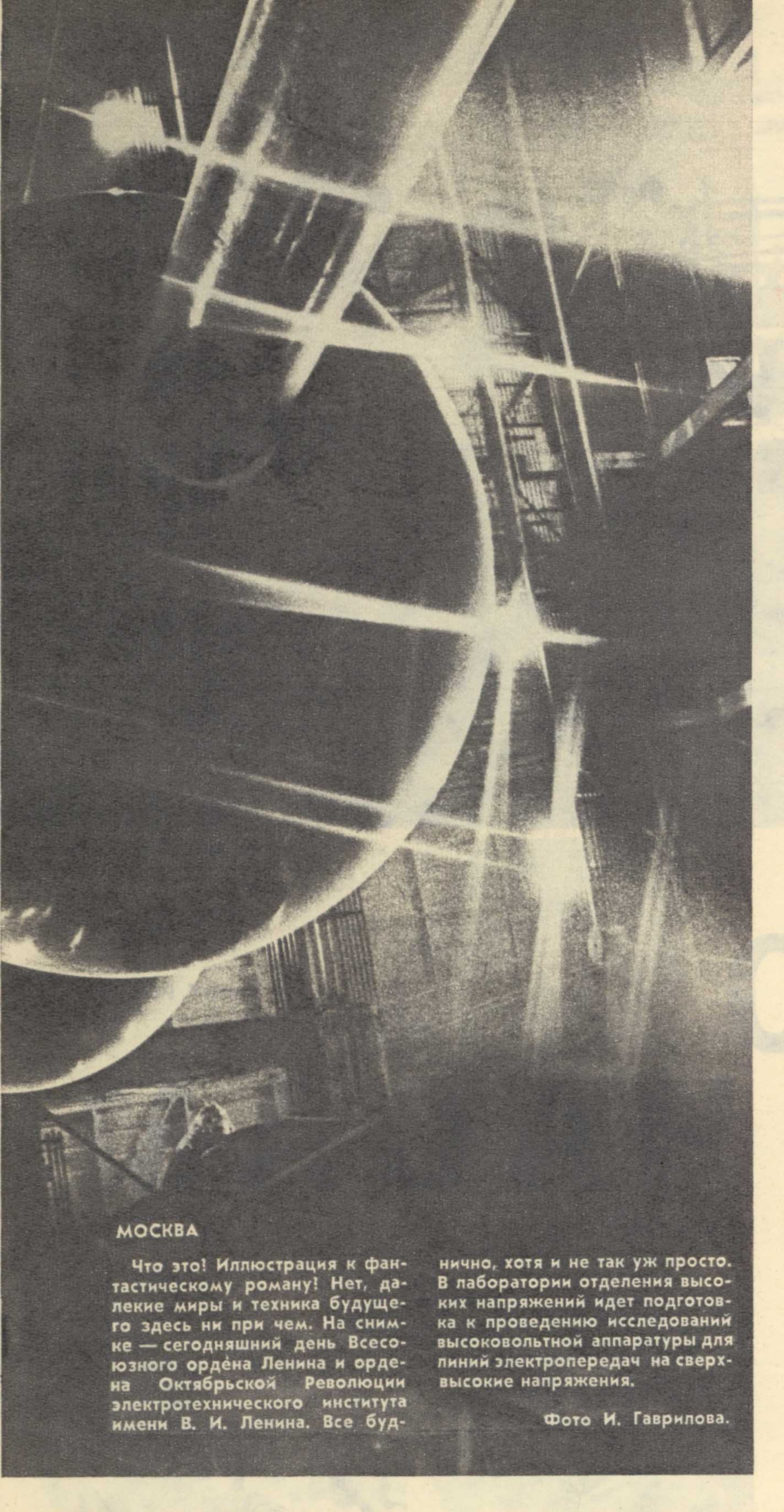

Так будет выглядеть здание центра чайной промышленности во Вьетнаме.

ЛАТВИЯ

ЧЕЛОВЕК РЕДКОЙ ПРОФЕССИИ

МОСКВА

Что это! Иллюстрация к фантастическому роману! Нет, далекие миры и техника будущего здесь ни при чем. На снимке — сегодняшний день Всесоюзного ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции электротехнического института имени В. И. Ленина. Все буднично, хотя и не так уж просто. В лаборатории отделения высоких напряжений идет подготовка к проведению исследований высоковольтной аппаратуры для линий электропередач на сверхвысокие напряжения.

Фото И. Гаврилова.

РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

КОНФЕРЕНЦИЯ В ПУХЛЯКОВСКОМ

Анатолию Вениаминовичу Калинину исполнилось шестьдесят лет. На Дону, в хуторе Пухляковском, где писатель поселился сразу после войны, состоялась организованная журналом «Огонек» творческая конференция, в которой приняли участие писатели, литературоведы, критики из разных городов нашей страны. Они приехали на донскую землю, туда, где живут люди, вдохновившие писателя на создание произведений, ставших значительным явлением советской литературы.

Серьезный, интересный разговор, состоявшийся на конференции, затронул многие аспекты творчества А. Калинина. Питомец «шолоховского литературного гнезда», А. Калинин постоянно в гуще жизни. Она питает его книги, в ней находит он темы и героев своих произведений.

В докладах, посвященных повестям, романам, очеркам, литературоведческим работам А. Калинина, был не только рассмотрен творческий путь талантливого художника, но и освещен целый ряд актуальных проблем современного литературного процесса.

На торжественном заседании А. В. Калинину был вручен орден Октябрьской Революции, которым писатель награжден за заслуги в развитии советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения.

На снимке: в президиуме торжественного заседания. На трибуне — первый секретарь Ростовского обкома КПСС И. А. Бондаренко.

Фото В. Проскурнина.

Работает на нашем заводе Константин Васильевич Судюков. Пришел он сразу после окончания Великой Отечественной войны. Был дважды ранен, награжден орденом Красной Звезды и медалями. И вот офицер запаса попросил себе небольшую комнатку на втором этаже старого кирпичного здания. Устраивался он в ней основательно: поставил верстак, сделал полки для инструмента, стенд для валков. Инструмент у него незатейливый: керны, напильнички, надфили. В руках молоточек. С утра до вечера раздается «тук-тук». И рождаются под его руками рисунки очень красивые, нежные, непохожие друг на друга. Придешь другой раз, тихонько станешь и смотришь, как на металле возникают ветви ели и туи, капли дождя, перья диковинных птиц... Потом эти рисунки будут на линкрусте, которым отделывают вагоны метро, каюты теплоходов, дворцы культуры.

Я спросила как-то у Константина Васильевича, где, когда он обучался своему искусству. И очень удивилась, когда узнала, что ничего не кончал он по этой линии. Перенял любовь к художественному мастерству от отца, который в чувашском селе работал по дереву и по металлу.

Наш завод — единственный в стране, на котором производится линкруст. Работы в десятой пятилетке у Судюкова прибавилось: заводу предстоит выпустить линкруста в два раза больше, чем в девятой пятилетке.

Гунта МИШКИНА,
инженер-химик
Центральной заводской лаборатории
линолеумного завода

Лиепая.

ЭСТОНИЯ

МОДА ДЛЯ МУЖЧИН

Каких только сорочек не носили мужчины за всю историю человечества! Плетенные из тростника и прочих растительных волокон. Из атласа и тончайшего батиста с белопенным кружевным жабо. Были рубашки с накрахмаленными до твердости жести и даже с целлулоидными воротничками, были и с мягкими отложными, как бы подчеркивавшими пластичность мужского характера. Желтые кофты с большими черными бантами. Недавно вошли в моду облегающие трикотажные рубашки с изображением львов и мышей.

Что же предложит мужчинам мода-77?

Об этом, как никто, знает тартуская художница Реэт Курм. Она тщательно изучает вкусы мужчин в области сорочек, а также динамику этих вкусов. Вот что она рассказывает:

— Мужчины постепенно отказываются от петушиных расцветок и возвращаются к одноцветным, к мелкой клетке или неброской редкой полоске. Им уже разонравились чрезмерно длинные, в четырнадцать сантиметров, «собачьи уши», то есть воротники с длинными концами, и они решительно требуют, чтобы длина не превышала десяти сантиметров. Позже они, вероятно, станут носить воротнички с высокой, до четырех с половиной сантиметров, стойкой, рельефно выстроченные по краям. И еще входит в моду планка — от воротника до низа рубашки.

Мужские сорочки шьет в Эстонии тартуская фабрика «Сангар». Шьет на уровне лучших мировых образцов. На фабрике работают хорошие швеи, и среди них лучшая молодая портниха республики Улла Валс. Сделав все, что в их силах, для красоты мужских рубашек, женщины мечтают теперь о хороших тканях — немнущихся, гигроскопичных, прочных. Нынче на фабрику «Сангар» поступило 75 тысяч метров специальных сорочечных тканей из Японии, ФРГ, Югославии. Нет сомнений, что эстонские сорочки, по крайней мере года на два, станут «гвоздем» мужской моды.

Н. ХРАБРОВА

Реэт Курм — художница фабрики «Сангар».

Фото А. Плетневой.

Герой Социалистического Труда Харитон Алексеевич Тимонин в эту жатву впереди...

Утро большого хлеба.

СТРОГО ПО ЧАСАМ

Фото Г. РОЗОВА

идет жатва

Вокруг сияет золотая степь. И везде — комбайны.

— Докуда глаз хватает, а то и дальше — хлебные поля бригады,— говорит Харитон Алексеевич Тимонин, Герой Социалистического Труда, руководитель тракторно-полеводческой бригады совхоза имени Жданова, Приуральского района, Уральской области Казахстана.

...Убранные поля. Ночью прошел короткий дождь, и копны отдают свежим пекарным духом.

— Переменился ветерок, с востока пошел, значит, дождя не принесет... Поехали к Гайсе Тюмамбаеву: у него, небось, уже бункер полный...

Всего несколько секунд простоял комбайн этого механизатора, только и хватило, что на короткий разговор. Густо и сочно лилось в кузов грузовика зерно.

— Тюмамбаев на этот час — лидер жатвы,— поясняет Харитон Алексеевич.— Наивысший намолот. Семь тысяч центнеров зерна.

Вскоре уже я расспрашивал о нынешней страде директора совхоза. Андрей Захарович Демченко — в Приуралье фигура авторитетная, кавалер двух орденов Ленина. Долгое время работал вместе с Пашей Ангелиной. Удивительно спокойный человек, смотрит тепло, говорит негромко.

— Жатва к концу идет, нынче она у нас строго по часам. Наш совхоз — инициатор социалистического соревнования в области. Ношу взвалили на себя нелегкую, но пока, спасибо погоде, справляемся.— Андрей Захарович улыбнулся.— Подходим к двум миллионам пудов да еще и с гаком.

— А велик ли «гак»?

— Сначала приняли обязательство засыпать в закрома полтора миллиона пудов. Но призыв краснодарских хлеборобов и нас зажег... Вот посмотрите на работу Владимира Козынченко и Петра Бондина. Они с Тюмамбаевым всю жатву по очереди меняются первыми местами — возглавляют борьбу за урожай. Один из лучших шоферов, Виктор Александрович Виснер, по пятьдесят — шестьдесят тонн за смену вывозит на ток от комбайна, а рекорд его — шестьдесят семь тонн...

На жатве сейчас не только хлеборобы. В разгаре трудовой семестр студентов. Пришла подмога и из Уральска — тысячи автомобилей. Страдой живет все Приуралье. И она ходко приближается к концу, к заветному рубежу.

Лимарий СЕМЕНОВ

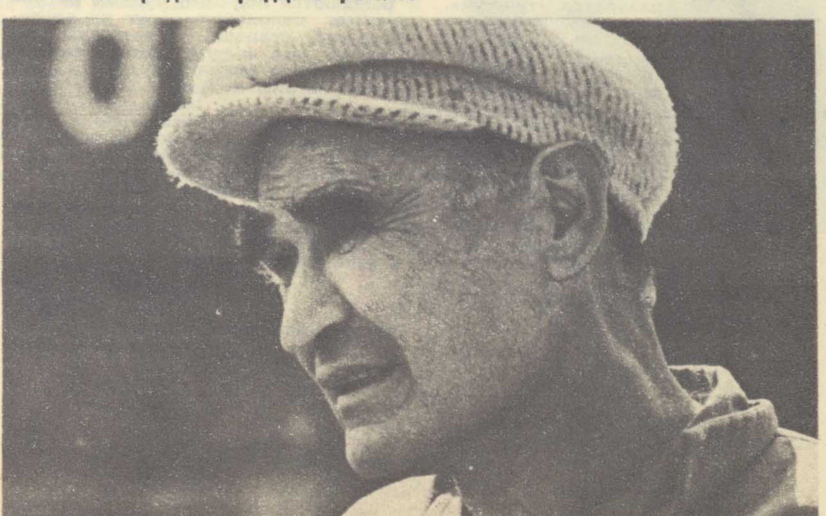

Гайса Тюмамбаев.

Еще одна «вершина» студенческого труда. Они — из Минска.

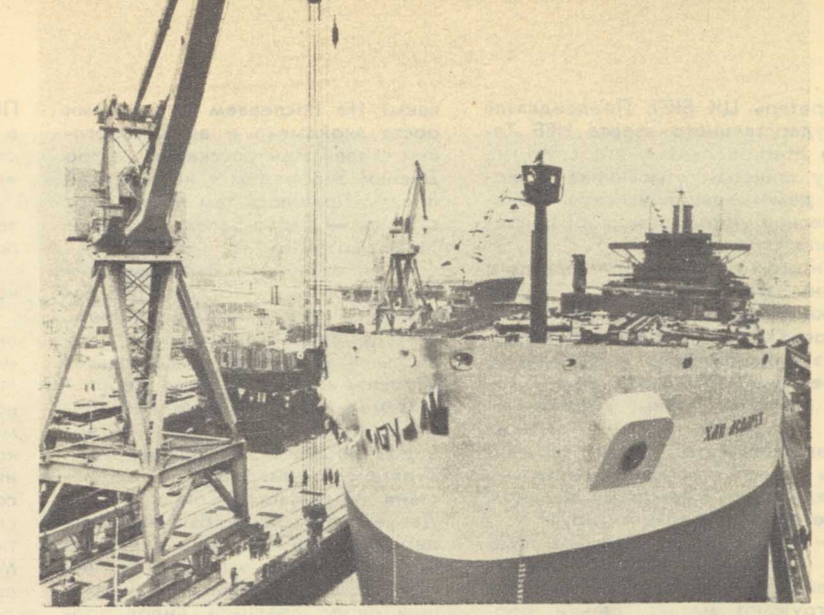
Для директора совхоза имени Жданова Андрея Захаровича Демченко нынешняя страда — тридцать третья...

Галя Донскова — лучшая на току...

Флагман болгарского флота — танкер «Хан Аспарух».
Фото П. Христова (агентство «София-пресс»).

Сентябрь в Болгарии — месяц праздников. 9 сентября страна отметит 32-ю годовщину социалистической революции — День свободы, а 15 сентября исполняется тридцать лет со дня провозглашения Болгарии народной республикой.

ПОЕЗД ИДЕТ ПО ВОДЕ

Л. ЛЕРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Вернулся из командировки в Болгарию и сказал друзьям, что был в Варне и Бургасе. Они понимающе заулыбались:

— О, конечно! Чудесные курорты: «Золотые Пески», «Албена» — архитектурная симфония...

Да, всему миру известна болгарская индустрия отдыха.

— Но знаете ли вы, что эта индустрия в экономике округа занимает лишь четвертое место? — спросили меня в Варненском окружном комитете партии.

И далее пошли цифры, которые я не могу не привести — очень гордятся ими варненские коммунисты: 80 процентов всего тоннажа новых судов Болгарии, более трети двигателей, все радионавигационные станции, 60 процентов электроприборов, 100 процентов кальцинированной соды — все это производится здесь, по соседству с «Золотыми Песками». В окружкоме рассказали о больших перспективах, открываемых решениями XI съезда Болгарской коммунистической партии, подчеркивали огромную роль братства и сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами в осуществлении этих замыслов.

...В Варне, у главного входа на крупнейший в республике судостроительный завод имени Г. Димитрова, транспарант: «Болгарское судостроение рождено болгаро-советской дружбой». Здесь хорошо помнят, как более четверти века назад было создано болгаро-советское общество по строительству и ремонту судов, как приехали сюда советские специалисты и как СССР безвозмездно предоставил оборудование завода. А совсем недавно, в канун XI съезда БКП, на воду был торжественно спущен первый танкер из серии стотысячников — флагман болгарского морского флота. Проект танкера разработали специалисты Варненского института судостроения совместно с польскими инженерами, а в ходе строительства широко использовался опыт советских корабелов. И в речи на заводском митинге Первый

секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ Тодор Живков сказал, что спуск на воду танкера-стотысячника — яркая демонстрация успехов экономической интеграции социалистических стран.

Интеграция! Как воплощается в жизнь это понятие, в Болгарии можно видеть на каждом шагу. И особенно наглядно — в порту.

Из окна Богдана Караденчева, директора порта Варна, видны море, причалы, краны, корабли — те, что вернулись из дальних странствий, и те, что готовы поднять якоря. Богдан пристально вглядывается в панораму за окном и неторопливо комментирует:

— Видите вдали большое судно? Сухогруз-углевоз. Уголь из Жданова. А у другого причала разгружают металл, станки, оборудование. Это из Ильичевска. А от нас к вам пойдут контейнеры с мебелью, шерстью, трикотажем, кальцинированной содой. Контейнерный причал — последнее слово техники.

О контейнерах директор может говорить долго и вдохновенно — это предмет его неустанных забот.

— Вы прикиньте, сколько леса, металла, специальной ткани тратится на упаковку, сколько времени и сил уходит на выгрузку, скажем, партии обуви или приборов в ящиках. А контейнер — чем бы он ни был загружен — с помощью крана можно легко и быстро переставить из трюма корабля в вагон или на машину. Производительность труда возрастает в несколько раз. И условия работы совсем иные. Докер становится оператором. Сегодня у контейнерного причала советское судно, завтра его место займет болгарское. Так изо дня в день. Это постоянная линия Варна — Ильичевск. Мы ее называем линией дружбы. А причал — символ СЭВ. Краны там из Болгарии, Венгрии, ГДР, сейчас монтируют советские.

Весело поблескивают темно-карие глаза директора, объясняется по-русски он непринужденно, но с легким акцентом.

— Я окончил институт инженеров морского флота в Одессе. И женился там.— О годах, прожитых в Одессе, Богдан говорит слегка мечтательно, слегка с юморком.

— Сердце учащенно бьется каждый раз, когда попадаю в Одессу или когда к нам приезжают одесситы. А это бывает часто. И портовики, и экипажи судов, и школьники дружат. Для варненских ребят большая честь получить алый галстук из рук капитана на борту советского судна... А Барановский Анатолий? Вы, конечно, знаете его?

— Докер Ильичевского порта?

— Он самый... Очень популярный здесь человек. Опыт его комплексной бригады у нас в большом почете. Он приезжал к нам, работал бок о бок с болгарскими докерами, обучал их. В честь одиннадцатого съезда нашей партии много бригад в порту стали работать по его методу. Эффективность? Раньше за сутки обрабатывали пятьсот — шестьсот тонн, сейчас за смену — тысячу. У каждого докера теперь две-три профессии.

Директор внезапно умолк, глотнул остывшего кофе и тяжело вздохнул:

— Причалов, техники стало больше, и тем не менее не успеваем! Не поспеваем за темпами роста экономики и внешнеторговых связей. Вам рассказывали про Девню? Это рядом с нами, рукой подать. Пришлось там новый порт строить — Варна-Запад. Поезжайте, посмотрите.

...Мы ехали по бывшему дну Черного моря — когда-то оно колыхалось тут, а потом отступило, оставив озера, окаймленные болотными топями да камышовыми зарослями. Три десятка небольших мельниц, несколько маслобоек да цех винной кислоты — вот и вся «индустрия» здешних мест. В пятьдесят четвертом при содействии Советского Союза тут, в Девненской долине, был построен первый завод — содовый. Прошло несколько лет, и вырос гигантский химический комбинат, выпускающий около двадцати видов продукции. Мощный промышленный комплекс заставил Черное море вернуться на круги своя. Двадцатипятикилометровый канал соединил химический гигант с морем. Появился порт Варна-Запад.

— В скором времени он станет самым крупным в Болгарии, — утверждает Георгий Петров, заместитель директора порта Варна-Запад.— Это естественно. Все, что дает Девня, надо по морю в разные концы отправлять. И в первую очередь к вам и в другие социалистические страны. Молодой порт наш потому и появился здесь. Недаром Девню называют долиной СЭВ. Почему? Девненский промышленный комплекс — это десять химических заводов, это предприятия, дающие цемент, удобрения, сахар. Так вот, в строительстве комплекса принимали участие более двадцати научно-исследовательских и проектных институтов СССР, десятки ваших заводов, сотни специалистов.

— Спросите наших докеров, какие марки стоят на грузах, что шли и продолжают идти в Девню из разных стран. Они назовут вам: СССР, ГДР, Чехословакия. Венгрия, Польша...

Георгий Петров повел меня на причалы и в пути увлеченно рассказывал, как за четыре года — первое судно пришло в 73-м — росло количество судов на постоянных грузовых линиях, соединяющих Варну-Запад с портами СССР.

— Вчера принимали судно из Бердянска с пиритным концентратом для Девни, из Рени на Дунае кокс прибыл, только что ошвартовался «Мургаш» — я когда-то старпомом плавал на нем, привез апатит из Мурманска. Прямо по эстакаде — и на химкомбинат. От нас соду возьмет. Здесь принимаем донецкий уголь для Девненской ТЭЦ. А в недалеком будущем по морю между советскими и болгарскими портами станут ходить не только корабли, но и поезда...

Да, я слышал о гигантском морском пароме, который должен связать Ильичевск с болгарскими портами. Желание получить сведения об этом из первых рук привело к заместителю министра транспорта Народной Республики Болгарии Эмилу Э. Захариеву. И сразу приятный сюрприз — о языковом барьере можно не беспокоиться: наш собеседник хорошо говорит по-русски. Дед его был профессиональным революционером и после восстания 1923 года со всей семьей эмигрировал в Советский Союз. Отец Эмила учился в Москве, женился на русской. После войны Захариевы вернулись в Софию, а Эмил вновь отправился в Москву — учиться в институте инженеров транспорта.

— Я увлекался кибернетикой, защитил диссертацию, а работать послали сюда, в министерство.

— И пришлось проститься с наукой?

— Нет, зачем же... Сейчас на любом посту приходится решать много научно-технических проблем. Вот вы спрашиваете о паромной железнодорожной переправе между СССР и Болгарией. Это же комплекс сложнейших научно-технических задач. Решать их будут советские специалисты в содружестве с нами. Основной проектировщик — бакинские инженеры. Мы выступаем тут в роли первопроходцев.

Было время, когда ученые иронически улыбались по поводу любого предложения использовать путешествие поездов по морю. А в последнее время эти смелые технические идеи находят горячую поддержку. Это весьма прогрессивный метод транспортировки грузов. В порту отправления они остаются в вагонах, которые въезжают по рельсам на специальные суда. В порту назначения вагоны перекочевывают на берег, формируются в составы и отправляются в глубь страны. Никаких перегрузок. Представляете, как удобно, просто, дешево?

— У нас в Советском Союзе уже есть такие паромы.

— Ценный опыт советских специалистов—прекрасное подспорье для решения проблем, возникших при сооружении парома Варна — Ильичевск. В СССР морские паромы связали порты Каспийского моря, связали Сахалин с Большой землей. Теперь впервые будет строиться паром, который соединит расположенные на одном побережье порты двух социалистических государств. Сначала будут курсировать четыре судна — два советских, два болгарских. Проект предусматривает дальнейшее увеличение их числа до шести. Каждый примет на борт сто восемь четырехосных вагонов. Сперва их подадут на среднюю палубу, а отсюда мощные подъемники опустят часть из них в трюм, а часть поднимут наверх.

Главная трудность — стыковка парома с берегом. Нужны специальные пирсы, переходные мосты. Ведь при загрузке судно изменяет осадку, значит, и мосты должны быть подвижными. Паром замышляется как универсальный, способный принять не только вагоны, но и большие контейнеры, трейлеры. Паром позволит значительно увеличить объем перевозок на наших железных дорогах. Больше, быстрее, экономичнее!

— В какой стадии находятся работы по сооружению парома?

— Уже второй год советские и болгарские специалисты трудятся в тесном контакте. В Болгарии эта стройка объявлена ударной. Близ Варны начинается строительство береговых сооружений.

...Путешествие в Болгарию закончилось в Бургасе. И снова — порт. И рассказ о «лесном конвейере»— болгарские портовики знают, что лес к ним идет из Коми АССР, что рубят его там их земляки. Рассказ о советской нефти, которая без «пересадки» следует с моря на нефтехимкомбинат: ежедневно в Бургас из Новороссийска приходят три-четыре танкера и по нефтепроводу «черное» золото поступает в распоряжение болгарских мастеров нефтехимии.

В Бургасе, как и в Варне, очень популярно имя советского докера Анатолия Барановского. Но тут ученики нет-нет да и перегонят учителей. Заместитель директора порта Христо Минков смущенно — долг вежливости, гостеприимства — показал мне алый вымпел со словами признания трудовой доблести болгарских товарищей: «Победителю интернационального социалистического соревнования портов Бургас — Жданов за первый квартал 1976 года».

...И снова о рекордах болгарских докеров. Фамилии, имена, цифры. И вдруг слышу:

— Одна из лучших бригад — это бригада Ленина Маринова...

— Ленина?

— Да, да, Ленина. Ленин Маринов родился в тридцать втором, когда отец, Илия, старый коммунист, сидел в тюрьме. Илию схватили ночью, и, прощаясь с беременной женой, он завещал ей: «Если родится сын, назови Лениным».

И, наконец, последние встречи на болгарской земле. Древний Созопол. Мы долго бродили по узким улицам города рыбаков, причудливо разбросанного среди островов, скал, бухт, каменных мысов. И, разглядывая овеянные ветрами столетий деревянные домики, увешанные гирляндами вяленой рыбы, мысленно уносились в гриновские города. Потом заглянули в таверну, которую здесь называют казино. Под потолком покачивалась высушенная рыба — «морска лястовичка»—добрая фея капитанов рыболовных кораблей, что сидели сейчас за столиками, пили «ясное» созопольское вино и обменивались последними новостями. Известный болгарский писатель Славчо Чернышев, здешний старожил, охотно принял на себя обязанности нашего гида. Мы услышали много легенд о бывшей эллинской Аполлонии и смешную историю о какой-то наглой американской кинофирме, предлагавшей болгарскому правительству продать Созопол за большие деньги: американцы снимали исторический фильм, который должен был завершиться пожаром города. На пепелище Созопола предполагалось построить нечто во флоридском роде...

Славчо привел нас в музей, где хранится великолепная коллекция драгоценных амфор. Тут он вспомнил о своих встречах с Паустовским. Писатель гостил у Славчо, и Чернышев подарил ему греческую амфору.

— Ей две тысячи пятьсот лет. Рыбаки достали ее со дна моря и подарили мне, а я—Паустовскому. Учителю от ученика. Вы читали его очерки «Живописная Болгария», «Амфора»? Там и о Созополе и о той амфоре.

Славчо повез нас на мыс Колонито, где стоит деревянный домик-мемориал, в котором все— письма, книги, фотографии, документы — напоминает о днях, проведенных советским писателем в Созополе.

С высоты мыса, врезанного в морскую гладь, хорошо смотрится далеко-далеко окрест. Плывут по морю корабли с металлом и углем, пунцовыми помидорами и золотистым виноградом, держат курс на Варну и Бургас, Одессу и Жданов.

АНДРЕЙ ПАВЛОВИЧ КИРИЛЕНКО.
К 70-летию со дня рождения.

Фото И. Филатова.

по следам наших выступлений

«С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РАДУГА»

Так назывался критический репортаж, опубликованный в № 26 «Огонька» за нынешний год. Почему Витебская фабрика КИМ, заслуженно пользующаяся доброй славой, выпускает добротные, но некрасивые носки из эластика? Задавшись этим вопросом, корреспондент журнала прошел по цепочке, связывающей витебскую фабрику с поставщиками, и выяснилось: тусклость, разнотонность витебских носков во многом вызвана плохим качеством капроновых нитей, которые выпускает Руставский завод химического волокна.

Редакция получила несколько официальных откликов на репортаж. Пришли два письма из Рустави, с завода химического волокна,— от директора И. М. Грдзелидзе и секретаря парткома Ш. Я. Шарабидзе.

«Дирекция, партийная, профсоюзная, комсомольская организации завода обсудили статью на общих собраниях цехов, участков, бригад и смен,— пишет И. М. Грдзелидзе.— Статья справедливо указывает на имевший место в прошлом выход за пределы завода продукции пониженного качества.

В процессе критического разбора были вскрыты причины, порождающие возможность выработки продукции пониженного качества, намечены пути устранения их и дальнейшего повышения качества продукции, а также повышения персональной ответственности каждого работника, разработаны организационно-технические мероприятия».

Трезво, по-деловому воспринимая критическое выступление в адрес завода, директор вместе с тем отмечает и объективные трудности, способствовавшие выпуску продукции пониженного качества. Коллектив серьезно занимается улучшением качества продукции,— утверждает И. М. Грдзелидзе и приводит в подтверждение такой факт: «В июле государственная комиссия подписала акт представления 2 видов продукции на присвоение Знака качества».

Далее тов. Грдзелидзе перечисляет конкретные меры, предпринимаемые коллективом в ответ на критику. Вот некоторые из них. На заводе организован новый отдел — управления качеством. Будет ужесточен контроль за технологическим режимом, за качеством полуфабрикатов и готовой продукции. Монтируются новые емкости для хранения сырья. Это позволит производству работать более ритмично. Сейчас решается вопрос нормального обеспечения предприятия качественным сырьем и другими ресурсами.

Кроме того, руководство завода решило направить своих представителей на Брестский чулочный комбинат для более детального изучения его потребностей и требований, предъявляемых к качеству капроновых нитей.

Секретарь парткома завода химволокна Ш. Я. Шарабидзе сообщает редакции:

«Партийный комитет завода на своем заседании имел специальное суждение по поводу статьи «С чего начинается радуга» и принял соответствующее постановление, способствующее улучшению качества выпускаемой продукции.

Постановлением парткома начальникам крутильного и перемоточного цехов членам КПСС тт. Н. С. Джанджалия и Г. Н. Разmадзе за допущение выпуска некачественной продукции объявлен строгий выговор, а технологу цеха члену КПСС тов. Л. А. Васадзе — выговор с занесением в учетную карточку. За необеспечение должного контроля над соблюдением технологических режимов и допущение неоднократных случаев выпуска некачественной продукции решением парткома предложено дирекции завода считать нецелесообразным дальнейшее пребывание на должности технологов цеха тт. Л. А. Гаспарова и Н. З. Хелашвили».

Пришло в редакцию письмо и от начальника объединения Союзхимволокно тов. Б. А. Мухина. Он сообщает, что после опубликования репортажа «С чего начинается радуга» на Руставский завод химволокна выезжала инженер Союзхимволокна Н. И. Матвеева вместе со специалистами Союзазота для того, чтобы на месте оказать помощь, рассмотреть вопросы, связанные с обеспечением завода качественным капролактамом, получением из него нитей лучшего качества. В конце июля на этот завод был командирован заместитель начальника Союзхимволокна тов. Снетков совместно со специалистами Всесоюзного научно-исследовательского института синтетического волокна.

Было установлено, что факты поставки Брестскому чулочному комбинату капроновых нитей с повышенной оттеночностью, внутрипаковочными дефектами, загрязненными паковками имели место.

«Выполнение разработанных мероприятий и принятые меры,— пишет тов. Б. А. Мухин,— дают основания ожидать, что Руставский завод химического волокна сумеет решить вопросы обеспечения Брестского чулочного комбината капроновыми нитями надлежащего качества».

На выступление «Огонька» откликнулось Министерство легкой промышленности СССР. Заместитель министра П. И. Максимов сообщает, что репортаж «С чего начинается радуга» был рассмотрен Минлегпромом совместно с Министерством химической промышленности. «По договоренности с Минхимпромом вопрос обеспечения предприятий легкой промышленности качественными капроновыми нитями будет обсужден в Минлегпроме СССР с участием представителей Витебской чулочно-трикотажной фабрики и Брестского чулочного комбината... О результатах редакции будет сообщено дополнительно».

Витебская чулочно-трикотажная фабрика имени КИМ также отозвалась на репортаж «С чего начинается радуга»: пришло письмо от директора А. Д. Севостьяновой. Она пишет, что вопросы, поставленные в репортаже, актуальны, что выступление «Огонька» правильно устанавливает причины производства непривлекательных мужских носков из эластика. Директор витебской фабрики перечисляет целый комплекс мер, предпринимаемых коллективом для того, чтобы носки не только хорошо носились, но и радовали глаз. Создана коллекция новых рисунков, переплетений и цветосочетаний — более рельефных, контрастных по цвету и ярких. На будущий год заказано большое количество яркого эластика, с учетом требований моды и покупательского спроса. Разработан новый вид носков. С первого квартала 1977 года намечается расширение ассортимента: выпуск женских синтетических колготок и детских — из хлопка с эластиком. Внедрены новые красители для хлопчатобумажной пряжи: оранжевый, синий, красный, желтый, а также впервые применена смесь разных закрепителей. Кроме того, в будущем году фабрика рассчитывает получить новую технику.

Будем надеяться, что результат всех предпринимаемых мер скоро ощутят покупатели — на прилавках магазинов появятся не только добротные, но и красивые, яркие, изящные носки Витебской фабрики КИМ.

кино

ВСЕ ВРЕМЕНА ГОДА

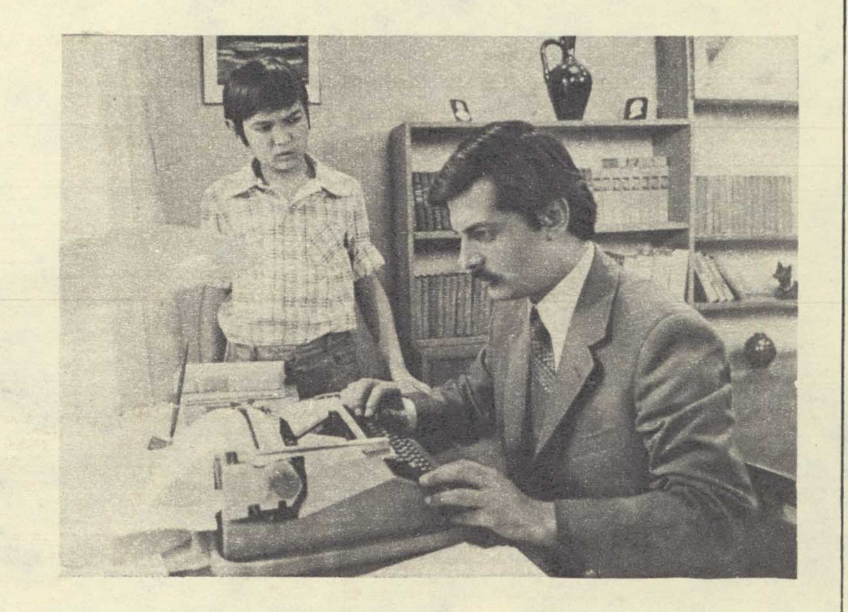
Картину «Четыре времени года» режиссер Хаджи Ахмар поставил на киностудии «Узбекфильм» по собственному сценарию. А одну из главных ролей в картине сыграл Искандер Хаджа Ахмар, сын постановщика.

Картина — результат серьезных размышлений автора о больших нравственных проблемах сегодняшней жизни, об этическом и гражданском облике писателя, художника, творца.

Хабиб — главный герой, психологически тонко сыгранный одаренным артистом Исаматом Эргашевым, предстает как подлинный поэт современности, взыскательно и глубинно осмысливающий свою эпоху и свое место в ней. У него оказалось немало трудностей, но он отстаивает выношенные им принципы без всяких уступок. И одерживает победу. Тем более радостную, что и сын его — совсем еще мальчик — уже неравнодушен к благородным поступкам и творческим волнениям отца, сочувствует им всей душой.

На снимке кадр из фильма «Четыре времени года». Перед нами центральные персонажи узбекского фильма в исполнении Исамата Эргашева и Искандера Ахмара.

Н. ПАВЛОВА

◀ Утро в лесу. Фото М. Савина.

1

2

ЧЕТЫ

3

1 Владимир Семенович Каменев возглавляет совхоз-завод «Феодосийский».

2 Просторный зал, окруженный колоннадой... Таков интерьер винного завода в Феодосии.

3 Перед отправкой винограда в симферопольские магазины.

4 Дебаты на планерке.

РНАДЦАТЫЙ

твой современник

Олег МИХАЙЛОВ
Фото И. ГАВРИЛОВА

Директор поднимается в пять. Узких мест еще много. И главное — нехватка воды. Здесь основное богатство — виноград. Халили, Ранний ВИРа, Чауш, Сильванер, Рислинг, Ркацители, Мускат, Кокур... Около двух тысяч гектаров занимают поля, утыканные шпалерными кольями, кото-

рые выровнены строго по ниточке. Виноградниками покрыты и плоские, как стол, степные просторы и библейски пологие холмы, которые так любил рисовать поэт и художник Максимилиан Волошин.

По виноградарству совхоз «Феодосийский» один из крупнейших в Крымской области. И как манны небесной ждут здесь воды. Собственно, в Крым она уже пришла, пришла далекая, днепровская. Но на поля этого совхоза, расположенные на востоке полуострова, она только-только начала поступать. Первыми, скупыми дозами. Лишь двести гектаров виноградников под силу было поливать совхозу, а без орошения трудно рассчитывать на высокий урожай. В особо жаркое лето, какое, кстати, выдалось в этом году, подсыхают гроздья.

— Вот,— радуется директор совхоза В. С. Каменев,— построили два водохранилища. Воды хватит... В этом году получим три поливальных машины, «фрегаты»...

В «Феодосийском» В. С. Каменев работает три года. Он четырнадцатый его директор.

Владимир Семенович — коренной крымчанин. В давние времена, когда солдатчина на Руси длилась четверть века, прадед его был направлен на службу в Керчь. После солдатчины осел в Крымском Приморье.

С землей, с садоводством и виноградарством связана жизнь всех отчич и дедич Каменева. Дед садовничал у известного в Крыму генерала Маркса, который при Деникине за поддержку большевиков был посажен в тюрьму и спасен наступающей Красной Армией. Отец, Семен Николаевич, с двенадцати лет пошел на заработки, стал знатным мастером-виноградарем и за успехи на этом поприще был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Сам Владимир Семенович из своих сорока пяти лет четверть века отдал знаменитому не только в Крыму, но и во всей стране, ордена Трудового Красного Знамени виноградно-винодельческому совхозу «Коктебель», в котором бессменно директорствовал Герой Социалистического Труда Михаил Андреевич Македонский.

Это был человек-легенда, руководивший в пору фашистской оккупации партизанским соединением. Его книга «Пламя над Крымом» — взволнованный рассказ о ратной доблести крымчан. В победном сорок пятом году Македонский возглавил разрушенное войной хозяйство и сумел в короткий срок создать отличный коллектив, слава о котором прогремела по всей стране. Были рядом с ним неутомимые искатели нового, такие, как главные агрономы С. А. Меркулов и И. К. Шлапак, агроном А. Ф. Пиварюнас, управляющие отделениями А. Д. Овакимян, И. С. Дябин, А. И. Лапыгина. А звеньевая Мария Александровна Брынцева, дважды удостоенная звания Героя Социалистического Труда, известна всей стране. Она родилась в совхозном центре — поселке Щебетовка, воспитала шестерых сыновей, оставшихся у нее на руках после расстрела мужа фашистами. На протяжении многих лет Брынцева получала небывалые урожаи винограда. Здесь, в Щебетовке, установлен ее бронзовый бюст.

Каменев начал работать в Щебетовке в 1948 году учеником слесаря: дробил кувалдой камни на строительстве гаража.

— Потрудился месяц-другой, вижу, что слесарному мастерству на такой работе вряд ли научишься,— улыбаясь, вспоминает он.— Пошел на курсы шоферов в Феодосию, потом полтора года крутил баранку в совхозе...

А потом служба в армии, в морской авиации. Там ему помогли закончить десятилетку, а по истечении срока службы командир части по-отечески посоветовал отличнику боевой и политической подготовки сержанту Каменеву сдавать вступительные экзамены в сельскохозяйственный институт. Поступил. Учился на факультете механизации заочником и продолжал трудиться в родном совхозе.

Великолепный организатор, знаток людской психологии, Македонский цепко приглядывался к голубоглазому пытливому механику. Директор поддерживал каждое дельное предложение Каменева и видел, что у главного механика совхоза растет хороший преемник.

Уже в то время двадцатидевятилетний техник и студент-заочник твердо решил, что только интенсивная механизация трудоемких процессов в виноградарстве поможет решить самые сложные задачи. В совхоз прибыли новые машины, но возможности их были весьма ограничены. Резервы нашлись благодаря совхозным изобретателям и рационализаторам. Бригадир тракторной бригады Д. А. Сухоборов предложил свой плужок для обработки почвы поближе к виноградному кусту, плужок, освободивший многих людей от тяжелого ручного труда, а позднее создал комплекс машин для механической уборки лозы.

В 1963 году Владимир Семенович стал старшим инженером по сельскохозяйственной технике, а в следующем году его избрали секретарем парткома.

С утра — в горком партии, затем прием новой техники, выезд на поля, партийные дела, заседания бюро. И только поздним вечером удавалось выкроить время, чтобы обсудить с Македонским итоги дня. Но странное дело — от соединения в одних руках хлопотных партийных и хозяйственно-технических дел неразберихи не происходило. Напротив, складывалась единая линия руководства.

По степени механизации совхоз среди виноградарских хозяйств вышел на первое место в республике, а затем и в стране. Опыт большой работы Каменев подытожил, готовясь к всесоюзному совещанию по комплексной механизации обработки виноградников и уборки винограда. Совещание-семинар было проведено в марте 1970 года в самом «Коктебеле». Каменев выступил с основным докладом. Он уже четыре года был главным инженером совхоза, а вскоре его назначили заместителем директора.

В 1971 году Македонского не стало. Для Каменева это была тяжелая утрата: ушел из жизни учитель, наставник. Но свою творческую, «македонскую» закваску директор «Коктебеля», видимо, передал ученику. Передал и решительность, упорство в достижении цели. И когда Каменеву предложили в 1973 году стать директором соседнего совхоза «Феодосийский», он согласился, хоть и хорошо знал: положение там тяжелое. Совхоз систематически не выполнял план, в нем было немало случайных людей, недооценивалась техника. Тринадцать директоров, его предшественников, не создали крепкого хозяйства.

Пришлось начинать сначала.

Надо было изыскивать средства, нажимать на технику, создавать оросительную систему.

Совхоз страдал прежде от текучки кадров. Чтобы люди не уходили, их нужно было обеспечить жильем. По новому проекту возведен пятиэтажный дом, строятся двухэтажные коттеджи.

Еще одна беда — хранение винограда. Прежде много винограда портилось, а ответственные люди обвиняли один другого и сетовали, что, мол, не тот климат, что плохой виноград, что нельзя создать необходимые условия для его сохранности. Каменев обратился в научно-исследовательский институт, где специалисты рассчитали оптимальный вариант и дали схему. Реконструировали холодильник на тысячу тонн, и с осени 1975 года виноград прекрасно сохраняется.

Совхоз продолжает набирать силу. На трудном этом пути происходил естественный отсев: ушли те, кто не хотел работать в полную силу, остались дельные специалисты. Систематически перевыполнял план управляющий четвертым отделением Герой Социалистического Труда Л. М. Иванцов. Рабочий, бригадир; студент-заочник сельскохозяйственного техникума, наконец, управляющий, он прошел ту же трудовую школу, что и сам Каменев.

Директор искал новых людей. И нашел. Они заняли ключевые должности: главный инженер-механик, инженер по технике безопасности, заведующий мастерскими, технолог по холодильникам...

— И, конечно, пришла молодежь. Смотреть приятно, как она растет. Вот старший агроном по многолетним насаждениям Смага,— размышляет вслух Каменев,— добросовестный, инициативный, горячий в работе... А Смага рекомендовал мне своего однокашника по институту — Клиценко. На должность инженера по реализации. Хлопотное это дело! Каждый день отгружаем пять вагонов продукции.

— Значит, с молодыми кадрами дело обстоит хорошо?

— Нет, это не так. Я говорил о молодых специалистах, которые выбрали любимую профессию, учились, получили дипломы. А вот с теми, кто заканчивает у нас среднюю школу, куда сложнее...

В чем дело? У совхоза две школы. Одна из них, № 17, держит первое место по Феодосии: хороший клуб, спортивные секции...

— Рядом город,— объясняет Каменев.— И молодежь тянется туда: два выходных, да и зарплата чуть повыше, чем у нас. А тут? Попробуй-ка поработай на обрезке лозы... Здесь еще много проблем, которые надо решать...

Есть у совхоза два винно-соковых завода. Два завода, расположенные в Феодосии. Около одиннадцати тысяч тонн винограда получил совхоз в минувшем году, и основная масса пошла на вино, соки. Но тут свои проблемы. У совхоза нет собственных подвалов, а это означает, что завод может производить лишь ординарные, а не выдержанные марочные вина.

— Собирались в свое время строить подвалы неподалеку от города, на Лысой горе.— Анна Александровна Шайтуро, заместитель директора по промышленности, показывает в окно на круглую вершину, поднимающуюся над Феодосией.— Да Македонский инициативу перехватил. А когда он выстроил у себя подвалы в «Коктебеле», другим уже трудно было получить средства. Вот и передаем сырье для марочных вин «Коктебелю».

Гордость завода — цех красных вин. Построенный по болгарскому проекту, он полностью механизирован — всеми процессами управляет один человек. За необычный вид — цех напоминает шатер — его называют тут «цирком». Другой предмет гордости — цех виноградного сока. Высококачественный виноградный сок «Ркацители» — ценный продукт, и прежде всего в детском питании. Он удостоен Знака качества.

Совхоз «Феодосийский» первым в районе успешно завершил девятую пятилетку. И это несмотря на тяжелые погодные условия прошлого года. Но директор эти успехи воспринимает лишь как начало. Он озабочен завтрашним днем.

— Работы прибавляется с каждым месяцем. Сам удивляюсь, как успеваю читать, следить за художественной литературой,— говорит Каменев.

Мы сидим у него дома, в кабинете. На полках — сотни книг. Классика, иностранная литература — от Лукиана до Жоржи Амаду, мемуары.

С большим интересом прочел он первые две книги «Войны» И. Стаднюка. Любит серию «Жизнь

замечательных людей» и следит за новыми выпусками.

Потомственный виноградарь, Каменев не может забыть о делах даже тогда, когда говоришь с ним о литературе или о семье: сын Сергей поступил в этом году в сельскохозяйственный институт, по стопам отца пошел. Директор тут же переходит к совхозным заботам:

— Подвела нас погода. Небывало морозная зима. Весной и летом — сухмень, бездождье. И тем не менее мы ожидаем результатов не ниже прошлогодних... Сейчас все у нас работают с большим подъемом. Дел много. Идет первый год пятилетки, год Двадцать пятого съезда партии... Для нас решения съезда — это прежде всего проблема качества продукции. Мы добились Знака качества для виноградного сока. Теперь стремимся получить высококачественное полусухое вино. Реконструируем сады и виноградники, чтобы внедрить наиболее рентабельные сорта,— это тоже борьба за качество.

— Владимир Семенович, вы недавно вернулись из Италии. Расскажите о ваших впечатлениях.

— Я ездил в составе группы виноградарей — директора совхозов, виноделы, технологи, агрономы. Мы познакомились с классическим районом виноградарства во Флоренции: виноградниками и винодельческими заводами в районе Кьянти. Тут есть чему поучиться. В общем, поездка была полезной и дала толчок новым поискам.

Новые поиски! Они должны привести к большим переменам в жизни хозяйства, к переменам, продиктованным велением времени, постановлением ЦК КПСС «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции». Совхоз «Феодосийский» необычный для Крыма. Крупнейший виноградарский, он в то же время крупнейший в районе и по количеству рогатого скота, и по свиноводству, и по зерновым культурам. Есть тут и кролико-ферма и табачные плантации. Такой многоотраслевой характер производства становится тормозом экономического и научно-технического прогресса, ведет к распылению материальных и трудовых ресурсов. И здесь, в Крыму, как и во многих других краях страны, люди заняты разработкой планов практического, последовательного осуществления специализации и концентрации производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции. Конечно, строго учитываются местные условия, накопленный опыт.

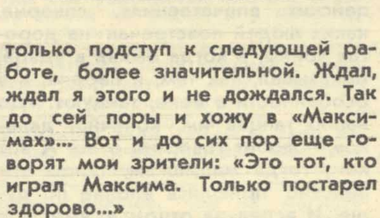
...Уже погасли окна в соседних домах, а директорское все еще светится. Завтра областное совещание в Симферополе, надо хорошо подготовиться, еще и еще раз взвесить обязательства, проверить цифры, факты...

НУЖНЫЙ ЛЮДЯМ ЧЕЛОВЕК

Фото И. Ефимова

Л. ЛУКЬЯНОВА

«...Выходит парень. Самый веселый парень Нарвской заставы, любитель французской борьбы, почитатель «Антона Кречета». Самый верный товарищ и самый трогательный кавалер. И вот такого парня начинает учить жизнь. Начинает учить жестоко и неумолимо. Старшие товарищи показывают ему путь борьбы. Начинается формирование характера большевика...» Это Григорий Козинцев написал о Максиме. О Максиме, которого знают все.

Когда постановщики трилогии о Максиме Григорий Козинцев и Леонид Трауберг работали над второй частью — «Возвращением Максима», они, роясь в архивах завода Лесснера, натолкнулись на одну из анкет, присланную редакции «Истории фабрик и заводов». На вопрос «В чем заключалась ваша партийная работа на заводе?» был дан ответ: «В моей жизни, товарищи историки». Это послужило ключом к созданию образа Максима во второй и третьей частях.

Герой, ставший символом времени... Мы не часто задумываемся над тем, что значат эти слова. А они значат, что все главное, запечатленное в сердцах десятков тысяч людей, удивительным и непостижимым образом слилось в характере одного человека. Максим — это эпоха. Эпоха борьбы за высшую справедливость. Непросты и ответственны высокие эти слова. Какой трудной представляется задача актера сыграть такую эпоху. Сыграть человека, который мог бы ответить, как тот неизвестный, заполнявший анкету...

В своей книге «Рассказы о творческом пути» Борис Петрович Чирков признался: «Вижу, что многое из того, что казалось мне важным и значительным, даже и следа не оставило на моем пути, а то, о чем думал я когда-то как о вступлении, о пробе сил, оказалось самым главным и большим делом всей жизни.

Так получилось у меня с Максимом. Когда делали мы трилогию, мне казалось, что роль эта — только подступ к следующей работе, более значительной. Ждал, ждал я этого и не дождался. Так до сей поры и хожу в «Максимах»... Вот и до сих пор еще говорят мои зрители: «Это тот, кто играл Максима. Только постарел здорово...»

Признание обезоруживает прямотой и осознанием себя, своего дела. Максим действительно главное в его жизни. А главное в жизни единственно. Оно не бывает дважды, и неважно, сколько лет было человеку в его звездный час — тридцать или семьдесят, начало это было или итог. Главное — что было.

Нелегко ответственное бремя максимовой цельности, чистоты, нравственных высот. Чирков пронес его через всю жизнь. Пронес достойно: ведь не только Чиркова-актера мерили Максимом — Чиркова-человека судили по Максиму.

Нет нужды, наверное, говорить о мастерстве актера — об этом написано много. Мастерство—как отказ, как пересмотр — пришло к Чиркову рано. Он мог отказаться от того, что уже умел, смело шел вперед, к неизвестному.

И удивительная, загадочная простота Максима рождалась как результат мастерства актера Чиркова. Но сплав пламенного революционного пафоса и человеческой ясности создавался Чирковым-человеком.

После фильма многие писали, что актер был ближе к самовыражению, чем перевоплощению. Оставим этот упрек, хотя Чирков, чье амплуа при поступлении в институт определили как «комик-простак», казалось, как нельзя более не подходил внешне для исполнения роли героя-большевика. Широкоскулый, нос картошкой, лукавые, чуть прищуренные глаза — какой уж там герой. Но дело и не в этом. Самовыражение требует от актера огромной глубины и богатства. Уж если честен и добр твой герой, ты должен быть вдвое честней, добрей, отважней. Потому что, если ты сыграл лишь ровно столько, сколько требуется по роли, зритель сразу почувствует, что дальше-то — пусто, нет ничего. В Чиркове была эта глубина. Ему верили, писали письма, называли Максимами своих сыновей. Большевик Максим Чиркова стал совестью эпохи. Он был непостижимо чист и целен.

Еще в «Юности Максима» был выведен человек тонкого интеллекта и благородных устремлений, он скорбно говорил нашему герою: «Душа моя сидит в Петропавловской крепости. А я — не живу». И так же уходил: неся свою высокую скорбь на гладком челе — веселый, сытый, отлично одетый. Шел радостно встречать Новый год в своей уютной, хорошей квартире. И это: «А я — не живу» — не было даже лицемерием, это была вера в то, что и я, мол, не без идеи, не хуже других.

Такого никогда не могло быть с чирковским Максимом. Его святая вера в справедливость была частью его самого, куском его плоти, горячей, полной крови. У него не могло быть идеи вообще — или он дрался за нее, перегрызал глотки врагов, или просто не воспринимал ее как данность.

Максим не ходячая пропись, не сборник добродетелей. Он реален.

Чирков вспоминает, что перед съемкой третьей части авторы заволновались: а не слишком ли хорош наш Максим, даже не ошибся ни разу, вдруг зритель заскучает? Когда у Чиркова спросили его мнение, он взволновался еще больше. Максим, ставший частью его самого, был реальным, живым, а вот ошибиться не мог. Он не был голубым героем, его безгрешность не возводилась в абсолют. Он просто был из тех, кто не имеет права на ошибку. Ведь есть на земле такие, очень нужные ей люди...

Сейчас мы читаем юбилейные статьи о Чиркове, слушаем передачи по радио, смотрим телевизор — Борису Петровичу 75 лет. Своим Максимом, своей яркой долгой жизнью в искусстве Чирков еще раз доказал, что есть такие люди...

ИНТЕРВЬЮ ЧЕРЕЗ ЧЕТ

красота человеческая

З. ХИРЕН

Все началось с этой вот тетради, над которой склонилась в Колонном зале самая юная делегатка Всесоюзной конференции сторонников мира Лина Пассар, прилетевшая в Москву из Николаевска-на-Амуре. Лина и ее сосед сидели в президиуме и рисовали по очереди в одной и той же тетрадке.

...В ту пору тоже шел сбор подписей под Стокгольмским воззванием. Первым! И среди 500 миллионов подписей, поставленных тогда под ним, одна принадлежала ей, Лине Пассар. У нее-то я и брал интервью для «Огонька».

— Расскажу вам обо всем по порядку,— говорила девушка.— Моим соседом оказался вьетнамец, и мне захотелось узнать о жизни его страны. Но оба мы были, как говорят, «без языка». Тогда сосед пододвинул к себе тетрадь и начал рисовать. Он рисунок — я в ответ другой; так мы все и узнали друг о друге.

— Мне семнадцать лет,— продолжала Лина.— Родилась я в маленькой нанайской деревушке, на берегу Амура. Самая веселая пора у нас — зима. Все — на охоте. Ухожу с отцом и я: промышлять в тайге белку. Впрочем, это я похвалилась,— «промышлять белку». Ружья отец не дает, называет меня своим «старшим поваром». Таких слов у нас прежде не знали. Отец их с войны привез. Был солдатом. Дошел до Вены. Не он один из односельчан воевал — есть нанайцы, штурмовавшие Берлин. Максим Пассар, мой однофамилец, погиб под Сталинградом. Отец, когда вернулся домой, очень много рассказывал нам и вообще всем деревенским о своих европейских впечатлениях, говорил, каких людей повстречал на дорогах войны, а когда бывал в ударе, показывал, как там, в Европе, а в особенности в Вене, танцуют. «До наших танцев им, конечно, далеко»,— любит говорить отец. А вот нам, тогда малышкам, танцы эти венские пришлись вполне по душе. И вслед за отцом я вместе с подружками кружилась в вальсе, хлопала в ладоши, мурлыкала себе под нос.

Мой отец только год всего проучился, да и то у попа, заплатив за учение тюками беличьих шкурок. А я окончила семилетку, учусь в Николаевске-на-Амуре в педагогическом училище и собираюсь стать учительницей. Все я нарисовала в тетрадке, даже мечту свою изобразила. Да, да, в виде здания МГУ, куда мы, делегаты конференции, ходили на экскурсию...

Тут я прерву воспоминания и вернусь к нашим дням.

Лина Пассар.

Теперь Лина Николаевна Иванова (Пассар) — учительница истории.

Известен ли вам почтовый штемпель «Поселок Решающий, Хабаровского края»? Думаю, что нет. Не знал о нем и я, пока не получил письмо с этим штемпелем.

Вот начало письма:

«Прошло так много лет с тех пор, как мы с вами встречались, и вы уже забыли о семнадцатилетней девчонке, которая попала с Татарского пролива в Москву на конференцию сторонников мира. С тех пор я постоянно читаю «Огонек», иногда в нем напечатаны статьи за вашей подписью. Вы только извините, что я вам решила написать. Не знаю, чем объяснить это письмо. Коротко о себе. Работаю в школе. Окончила педучилище в 1954 году, а Хабаровский пединститут, исторический факультет,— в 1968 году. У меня большая семья. Муж и три дочери. Старшая, Наталья, учится в медицинском институте на 1-м курсе, Марина — в 4-м классе, младшая, Надежда,— в 1-м классе. Живем хорошо. Муж работает киномехаником, любит тайгу, он врожденный следопыт-охотник. Вот, пожалуй, и все. Живем в поселке лесорубов, поселок растет быстро. Стройка! Расположен он между сопок, в шести километрах от Амура. На востоке возвышается Шамангора, она всегда покрыта снегом. Поселок носит мужественное название «Решающий». Со всех сторон окружен сопками и лесом. Живут здесь лесорубы, трудолюбивые и добродушные люди.

Но я очень жалею Джуен, где мы прожили 13 лет. Там живут нанайцы-рыбаки. Село расположено на берегу озера Болонь, дома раскинуты на сопке, словно гнезда ласточек. Озеро гладкое, большое, веет от него теплом, свежестью. Вода всегда теплая, а ребятишки, как лягушата, бултыхаются и кричат от избытка чувств, тоже как лягушата. Скучаю по этим местам. Высылаю несколько фотографий любительских, вы увидите то, чего я не могу описать. Еще раз извините за письмо. Если у вас найдется время, напишите. А лучше приезжайте к нам на Дальний Восток, вы увидите Амур, красоту и нежность нашей амурской природы, людей, приветливых и гостеприимных.

Иванова».

СОВРЕМЕННОСТЬ ТРАДИЦИЙ

Первая книга молодого критика и литературоведа Юрия Селезнева под названием «Вечное движение» посвящена анализу прозы 60-х — начала 70-х годов. Конечно, не случайно внимание автора привлекла советская литература этого периода. Именно тогда уверенно заявила о себе целая группа писателей, ряд характерных черт творчества которых дал возможность критикам объединить их понятиями «деревенская проза», «лирическая проза» и т. д. Но со временем рамки этих определений стали тесны. Юрий Селезнев предлагает иной, более емкий термин. Он считает, что такие писатели, как В. Астафьев, В. Белов, Ф. Абрамов, В. Лихоносов, В. Потанин, В. Шукшин, В. Распутин и некоторые другие, являются представителями традиционной школы в советской литературе. За внешне поверхностной терминологической «игрой» скрывается немалый смысл. Эволюция творчества этих художников показала, что с годами они все более расширяют границы своей прозы, стремятся к «синтетическому отражению мира», уходят от локальных сиюминутных проблем, постигая на современном материале нравственные глубины народного характера.

«Эта проза традиционна,— пишет автор,— не в смысле формального следования принципам русской литературы XIX века, но она вполне осознанно стремится к творческому освоению тех органических начал русской классики, которые сделали ее литературой высокого полета, позволили ей, оставаясь национально-самобытной, стать всемирной».

Итак, критерий, с которым подходит Ю. Селезнев к творчеству представителей «традиционной школы» (признав удачной, будем пользоваться его терминологией), предельно высок. Выявляя генеалогию «традиционной школы», автор называет имена Толстого, Достоевского, Горького, Шолохова, Пришвина, подчеркивая этим значительность того явления, которое сформировалось в советской литературе в конце 60-х годов.

Книга Ю. Селезнева представляет собой ряд коротких очерков, каждый из которых посвящен одному или в некоторых случаях двум писателям. Прослеживая индивидуальные особенности каждого художника, критик постоянно стремится выявить то общее, что свойственно прозе «традиционной школы», и позволяет говорить о ней как об утвердившемся и интересном явлении в советской литературе.

Кажется закономерным, что в первых очерках автор обращается к творчеству писателей, прошедших Великую Отечественную войну и постоянно в своих произведениях к ней возвращающихся. Виктор Астафьев и Василь Быков не только по возрасту самые старшие из тех, о ком пишет Селезнев,— за их плечами суровый опыт военных лет. Война — тема повестей Быкова. Критик находит в его художественном методе непосредственное влияние Достоевского и Толстого, выразившееся в стремлении раскрыть событие изнутри, «больше морально... с духовной, так сказать, стороны». Действительно, в творчестве В. Быкова явственно ощущается напряженное желание показать изначальную, противоестественную отвратительность войны и в то же время естественность подвига, жерт-

Юрий Селезнев. Вечное движение. М., «Современник», 1976, 240 стр.

ВЕРТЬ ВЕКА

Так, чуть ли не четверть века спустя, я узнал о судьбе одной из сборщиц подписей под Стокгольмским воззванием, тогда Пассар, а ныне Ивановой. Прочитав четвертушку бумаги в клеточку, я тут же заказал по телефону поселок Решающий. К профессиональной любознательности прибавилось и нечто сугубо личное: Дальний Восток — моя молодость, боевое крещение, любовь. Когда-то исколесил тот край. Шторм на Амуре застиг однажды наш утлый катеришко, на котором мы разыскивали крылатую тройку женского экипажа самолета «Родина». А сейчас, в век космических и межконтинентальных полетов, название некогда героической трассы Москва — Хабаровск звучит обыденно, словно это трамвайный маршрут.

Все это пронеслось в памяти, когда я читал письмо из поселка Решающего. Вновь вспомнил «земной народ» (так звучит по-русски слово «нанайцы»). Нанайцы тогда немало потрудились, чтобы разыскать самолет, совершивший вынужденную посадку в глухой тайге. Жили они в дымных ярангах, над колыбелью младенца вместо побрякушек вешали пустые ружейные гильзы или зубы рыси, а если посчастливится отцу ребенка, так и зуб самого тигра. Знамениты охотниками, звероловами и рыбаками прослыли нанайцы.

...Вот о чем думалось в ожидании телефонного разговора.

— Решающий на проводе! — слышу я в телефонную трубку.

— Добрый день, Решающий, соедините меня, пожалуйста, со школой, с учительницей истории Линой Николаевной Ивановой.

— Видимо, вы хотели сказать, добрый вечер,— поправляет телефонистка. — Сейчас позвоню в школу, но боюсь, там никого не застанете. Не волнуйтесь, разыщу Лину Николаевну.

И вот через тысячи километров чуть ли не через четверть века пробился голос:

— Получилось как в сказке,— доносится до меня.— К нам так трудно дозвониться! Особенно сейчас, после ледохода. А виноват во всем наш батюшка Амур. Снесло много телеграфных столбов, а поднять не все успели. И вдруг звонок, меня вызывает Москва... Вы спрашиваете об особенностях нашей жизни. Так вот слушайте: когда я тут начала работать, и дети были другими и родители другими. Тогда самые интересные сведения ученик узнавал от учителя, а теперь наоборот. Учитель едва успевает узнавать о том, что уже известно ученику. Дети у нас в поселке получают столько информации, что у них возникает ошибочное мнение, будто они все знают, все видели, все слышали, все умеют. В действительности они все такие же, как раньше. И в особенности когда сталкиваются с реальной жизнью.

Семья у нас дружная, мы никогда не унываем, даже если в чем-нибудь и не повезет... В институт я поступила после рождения второй дочери, в 1958 году. Учиться было очень трудно. Когда я уезжала на сессии, муж оставался и за маму и за папу для маленьких дочек. Он мне очень помог, если бы не он, я бы, наверное, не смогла получить высшее образование. А дочь Наталья меня переросла. Ей восемнадцать лет. Я вам пришлю ее снимок. Младшей, Надежде,— восемь...

Муж зовет в Якутию, он якут по национальности, а я не могу представить себя без Амура.

— Мои планы на время каникул? Уезжаю в Хабаровск, а потом во Владивосток, отправлюсь путешествовать по морям и землям Дальнего Востока.

После этого первого разговора по телефону я стал получать одно за другим письма из поселка лесорубов. Время от времени мы переговаривались с Линой Николаевной и по телефону. И до такой степени привык я к письмам этим и к переговорам, что иногда кажется, будто сам переехал в поселок Решающий, перезнакомился со всеми его жителями, сдружился с ними. Это, конечно, заслуга Лины Николаевны, ее писем. И тут же другая мысль: ведь все это — и письма и то, что я из них узнал о крошечном поселке дальневосточных лесорубов, и доверительный тон моей далекой корреспондентки, и судьба ее семьи, ее коллег, ее учеников — и есть живые черты советского образа жизни.

«...Все эти дни,— читал я с болью,— не могла написать Вам обещанное письмо: у меня трагически погиб братишка, я болела. Но вот наконец пишу Вам. Очень рада, что Вы не забываете нас... Мы живем по-старому. Мир и согласие, дети растут. Наталья сдала зимнюю сессию на четыре, Надюшка закончила третью четверть на пять, а Марина учится на три. Я вам о ней писала. Анатолий все увлекается охотой. И дома почти не сидит, а у меня одна дорога: школа — ребятишки. Дела в школе в этом году лучше... Школа наша трудная — родители работают в лесу. Уезжают рано и возвращаются поздно. Дети предоставлены самим себе. В этом есть свои плюсы и свои минусы. Я лично люблю самостоятельных, умеющих постоять за себя детей, бедовых, на таких надежды больше, чем на мягкотелых, похожих на медуз. А какие умные ребятишки есть! Да, о них я могу писать бесконечно. Этим мы, учителя, и отличаемся. Даже за праздничным столом сядут два учителя — уже «педсовет». Такова наша работа. Знаете, у меня уже есть последователи. Двое моих учениц: Ким Рита и Бельды Светлана в этом году оканчивают педучилище — прошли на «четыре» практику. Написали мне письмо-отчет. Было им очень трудно, я это знаю по себе, но радостно, что не разочарованы и ждут с нетерпением, когда впервые войдут в класс педагогами. Стараются представить себе, каким будет этот класс. Я горжусь своими учениками. Ким Аркадий окончил механический техникум; Ходжер Рита — в мединституте на пятом курсе; Ван Рита — в институте культуры и т. д. Все они мне пишут, не часто, но важнейшие события своей жизни сообщают. И я рада обо всем этом читать.

Я обещала вам написать о своих впечатлениях от путешествия. Очень довольна им. До чего же хороша наша земля! Видели мы олений питомник, вулканы, поднимались на вулкан Эбеко! Кратер — как большой котел, в котором булькает каша. Прошли по реке пятнадцать километров. Красота! Эти места называются Курильским Петергофом. После круиза на Курилы у нас еще осталось свободное время, и мы всей семьей поднимались по Амуру на своей лодке до озера Болонь, где находится Джуен... Там живут мои родичи. Не зря Григорий Ходжер писал: «Амур — река родственников...»

Еще два слова о Курилах. Во время путешествия были в нашей группе люди из Москвы, Ленинграда, Минска и других городов. Казалось, весь Советский Союз вместился в наш комфортабельный теплоход «Приамурье». Вечером давали в салоне концерты самодеятельности, и зал всегда награждал нас бурными аплодисментами. Мне особенно повезло. Я встретила на теплоходе человека, умеющего говорить по-нанайски, и мы часто говорили с ним на моем родном языке. Это было для меня счастьем. Его зовут Орест Петрович, автор учебников для нанайских школ, он ученый-нанаевед. У него красивая, милая жена... Они ленинградцы. Была среди нас Аннушка, москвичка. Энергичная, неутомимая, общительная, прекрасная женщина. Она вносила столько смеха и задора в нашу и без того веселую, полную впечатлений жизнь. А мы с Орестом Петровичем пели нанайскую песню.

У нас говорят друзьям: мой дом — ваш дом, приезжайте к нам на Амур. Тем более, что Вы были когда-то здесь. Наш край стал красивым — это стройка, красивые дома, добрые люди, широкий Амур, отливающий золотом, сопки, деревья, крепко держащиеся за землю, чтобы устоять от ветров, не согнуться под толщей снега. Красота и мужество, доброта и щедрость — вот наш дом. Приезжайте, не пожалеете. Наш поселок растет, даже есть двухэтажные дома. Скоро сдадут детсад на сто мест, будут строить новую школу. Все рабочие перекочуют в новые дома.

В нашем доме собираются друзья. Если приедете, то вам не будет скучно с нами. Среди них люди разных профессий, характеров: книголюбы, охотники, рыболовы, а то и просто любители пирожков, но это я шучу».

...Вот что писала Лина Николаевна в одном из своих писем.

Таким оказалось продолжение интервью, с которого я начал свой рассказ.

вы во имя человека, подвига, продиктованного моральной твердостью и убежденностью. То, что в свое время критика несколько свысока называла «окопной правдой», есть не что иное, как раскрытие характера простого русского человека, ставшего по воле судьбы солдатом, раскрытие суровое, правдивое, реалистическое. Мне кажется точным наблюдение Селезнева, что не столкновение двух полярных, воюющих сил движет сюжеты повестей Быкова, а столкновение личностей, характеров, натур. Критикуя В. Быкова за некоторые «случайности» и «натяжки» в его повестях, Ю. Селезнев не всегда последователен. Для войны характерна цепь случайностей, перерастающая в закономерность, и Быков не грешит против правды, ставя своих героев в ситуации, кажущиеся порой невероятными, тем более что именно в этих ситуациях, обостренных до крайности, и раскрывается то тайное, что зовется человеческой совестью.

«Философию войны», считает автор книги, сконцентрировал В. Астафьев в современной пасторали — повести «Пастух и пастушка». Я не буду останавливаться на интересных рассуждениях критика по поводу такого необычного в наши дни жанрового определения, но не могу не привести слова, в которых выражен взгляд Ю. Селезнева на лучшее пока произведение Астафьева:

«Реалистическая повесть Астафьева об одном из эпизодов Отечественной войны, повесть об одной из миллионов маленьких трагедий — в то же время и прекрасная повесть-притча о вечной трагедии поступательного движения человечества, вынужденного отдавать на жертвенный алтарь во имя общего счастья своих лучших детей. Притчевая морально-философская ткань повести не схематизирует реальную историю, но лишь раздвигает ее горизонты, включает частный эпизод в общую жизнь мира». Пожалуй, осмысление событий мировой истории через частные эпизоды характерно для многих из писателей, которых относит Ю. Селезнев к «традиционной школе».

Можно было бы сказать о многих верных и интересных мыслях в книге молодого критика. Но представляется важным подчеркнуть один момент, постоянно присутствующий в его рассуждениях. Это утверждение об основополагающей ценности традиций тысячелет-

ней истории русской культуры.

В очерке, посвященном Виктору Лихоносову, Селезнев рассматривает сложные и животрепещущие проблемы отношения человека к истокам, Родине, к России. «У каждого должно быть свое "Михайловское",— цитирует критик Лихоносова, утверждая, что именно через чувство «малой родины» приходим мы часто к познанию Отечества.

Рамки короткой рецензии не позволяют рассказать обо всех включенных в книгу очерках, посвященных талантливым художникам. Читаются они с интересом, рожденным своеобразным критическим взглядом автора. Конечно, работа Ю. Селезнева не свободна от недостатков. Можно было бы говорить и о некоторой неравноценности ее частей, о излишне обильном цитировании классиков и о порой слишком легковесном сравнении писателей — наших современников с великими именами. Но это частности, а в целом на страницах книги Ю. Селезнева состоялся серьезный разговор о путях и судьбах современной советской прозы.

В. ЕНИШЕРЛОВ

Ник. КРУЖКОВ

ЕВСЕЙ МОИСЕЕНКО

Я давно знал картины Евсея Евсеевича Моисеенко, давно с уважением и любовью относился к его своеобразной творческой манере, к его полотнам, неизменно вызывающим интерес у зрителей своей живописностью, оригинальной компоновкой, неожиданным ракурсом. Знал, что он живет и работает в Ленинграде, и он представлялся мне изысканным, почему-то худощавым, сдержанным, строгим, отмеченным холодноватой вежливостью. Но знакомство состоялось, и созданное моим воображением представление о художнике мгновенно рухнуло. Я увидел перед собой плотного, с сильной фигурой человека, привыкшего не только действовать кистью, но и рубить, пахать, строить; я увидел типичного крестьянина, еще не растерявшего примет своего происхождения. Широкое добродушное лицо его освещалось приветливостью, мягкая певучая речь выдавала в нем белоруса. С первых же минут показалось, что я знаю Моисеенко очень давно. Если бы я встретился с ним на сельской улице, то непременно решил бы, что это тракторист или комбайнер. Но мы говорили в его квартире на Суворовском проспекте в Ленинграде, кругом шумел и погромыхивал огромный прекрасный город.

Вот он, Евсей Евсеевич Моисеенко, уроженец села Уваровичи, что на Гомельщине, прославленный художник, лауреат Ленинской премии, академик и профессор, почти ровесник революции, круто изменившей судьбы людей из народа. Посмотрел бы сейчас на него дед — первый воспитатель и поводырь по жизненным путям, прививший ему крестьянское трудолюбие, обучивший его остро ощущать красоту и силу зреющего поля, посвист певчих птиц, шелест рощи, запах дорожной пыли. Подивился бы Прокофий Наумович своему внуку, всплеснул бы руками и сказал: «Важный ты стал, Евсей, человек. Удивительно, откуда что взялось!..»

Не к такой жизни готовил он своего внука, готовил из него доброго крестьянина, такого же, как он сам, и подарил ему любовь к родной земле — великое и высокое чувство, без которого нет и не может быть настоящего художника, в какой бы области искусства он ни творил.

Давно нет в живых Прокофия Наумовича, а в сердце внука не угасает признательность к деду, заменившему ему отца, умершего еще до рождения Евсея Евсеевича.

Как Моисеенко стал художником? В сельской семилетней школе сидели рядом за партами такие же, как он, малолетки — мальчишки и девчонки, учили азбуку, арифметику, читали одни и те же книжки. Чем отличался от других внук Прокофия Наумовича, белобрысый Евсейка? Почему именно у него родилась способность изображать на бумаге все, что попадалось на глаза,— лошадь, траву, собаку, облака на дневном небе и ночные звезды, ручей, бегущий по заболоченному лугу, и трепещущий лист на придорожном дереве? Дед часто брал с собой внука в ночное, на полевые работы, но так же поступали и другие деды, и отцы, и матери, и старшие братья. Видимо, у деда и внука были одинаковые поэтические души, позволявшие им видеть то, что другие не видели, чувствовать то, что другие не чувствовали. А это и есть талант восприятия, рождающий талант изображения. Евсей Моисеенко любил рисовать. Учитель был им доволен, но вряд ли ему приходила в голову мысль, что этот ученик станет в будущем крупным мастером, академиком. Вряд ли подобная мысль приходила в вихрастую голову и самого мальчишки. Но вот однажды ему попался в руки старый комплект журнала «Вокруг света». Боже, какие там были рисунки — тонущие корабли с рваными парусами, необыкновенные звери, необыкновенные люди, неслыханной красоты тропические леса, бескрайние азиатские пустыни, снежные горы, виднеющиеся вдали. «Я буду художником»,— десятки раз повторял Евсей, перелистывая рыжие листы старых номеров, от которых пахло чердачной пылью.

В 1931 году он окончил семилетку — теперь он уже взрослый, почти взрослый, сам должен решать свою судьбу. «Буду художником»,— сказал юноша. И отправил заявление о приеме в Киевское художественное училище. Оттуда пришел ответ: «За недостатком мест вы не приняты». Такое решение способно было бы охладить любую горячую голову, но Моисеенко не растерялся. «В Киеве не попал, в Москве попаду»,— заявил он и послал бумаги в Московский художественно-промышленный техникум, но ответа не получил. «Поеду так, авось повезет»,— решил он и отправился в столицу с большими надеждами и мешком деревенской снеди «на первые дни». Москва поразила его грохотом движения, высокими домами, многолюдьем. Увидев Кремль, он долго стоял в изумлении и восторге: какая красота!

В техникуме его ждала радость: он допущен к экзаменам и через три дня должен сделать эскиз блюда. «Если пройдете по конкурсу, будете приняты»,— сказали ему.

«Что изобразить?» — думал Моисеенко. Деревенские сюжеты тут явно не годились, нужно было что-то громкое, сильное, могучее. И решил Евсей Моисеенко поразить строгих экзаменаторов индустриальным мотивом. Эскиз предлагал создать блюдо с огнедышащими домнами на фоне заводских труб, с лиловыми дымами и тучей, подкрашенной огнем. Сюжет не блистал оригинальностью, но в компоновке деталей было что-то привлекательное.

«Вы приняты»,— сказали ему.

Не прост был путь к мастерству, к искусству, к настоящему большому творчеству. Много впереди было всяких преград, неудач, трудностей. Но было заложено в нем крестьянское упорство, сопряженное с желанием творить, действовать, добиться желаемого. Учился Евсей Моисеенко упорно, настойчиво, но не все нравилось ему в техникуме. Пропал вкус к прикладному искусству, хотелось пробовать свои силы в станковой живописи, мечталось о больших полотнах, о сюжетах больших и волнующих. Преподаватели в техникуме были отличные. Сколько лет прошло, а до сих пор сохранил художник любовь и сердечную привязанность к Борису Николаевичу Ланге — ученику и последователю великого Валентина Александровича Серова. Ланге сам водил студентов по музеям и выставкам, учил понимать живопись, прививал уважение к творчеству знаменитых русских мастеров, знакомил с тайнами корифеев итальянского Возрождения, умел внушить своим ученикам мысль о высоком назначении художника.

В 1935 году Моисеенко окончил техникум и получил звание «художник по металлу и папье-маше».

В своем отзыве преподаватели характеризовали его «как талантливого художника-живописца, выявившего в процессе учебы склонность к станковому искусству», и сочли «целесообразным продолжение его учебы в высшем художественном учебном заведении». Это было благословение на дальнейшее совершенствование.

Вскоре случай свел Моисеенко с великолепным художником и педагогом Василием Николаевичем Яковлевым, человеком строгим, но благожелательным. Ознакомившись с работами молодого художника, он заметил, как всегда, суховато и сдержанно: «Незаурядный талант». И тут же написал записку Исааку Израилевичу Бродскому, директору ленинградской Академии художеств: «Дорогой Исаак! Очень прошу тебя принять участие в судьбе исключительно одаренного юноши Евсея Моисеенко. Я знаю твою всегдашнюю отзывчивость и верю, что ты ему поможешь».

Весной 1936 года парень из села Уваровичи с трепетом перешагнул заветный порог академии.

О, как все было сложно и ответственно! Навыки, приобретенные в техникуме, здесь нередко отвергались, требования к учащимся были иными, куда более сложными. Преподаватели казались суровыми, строгими, непреклонными, с ними и говорить-то было страшновато. Но эти строгие люди знали, чего добивались. В лице Евсея Моисеенко они видели драгоценный камень, который надо было отшлифовать, чтобы он заиграл всеми своими гранями. Ему внушались высокие понятия о гражданственности искусства, о социальном назначении художника. На четвертом курсе академии он услышал вдохновенные слова профессора Александра Александровича Осмеркина: «Форма, лишенная содержания,— ничто; пока мы, художники старшего поколения, не поняли этого, мы были беспомощны в первых попытках создания картин, несмотря на высокую живописную культуру. Картина — это выражение идей времени в высокой художественной форме». Эти слова профессора навсегда врезались в сознание молодого художника и стали для него непреложной заповедью.

Шло время, и Евсей Моисеенко начал готовиться к самостоятельной работе. Он задумал написать картину «Щорс», в которой намеревался создать образ украинского героя, бесстрашного воина, увенчанного славой. Уже были сделаны первые наброски, этюды, уже складывалась в деталях композиция, картина виделась в мечтах уже готовой, сверкающей свежестью красок. Но грянула война...

Художник отложил кисть, взял в руки винтовку и вместе с многими друзьями-товарищами добровольцем ушел на фронт защищать Ленинград.

Нелегка была солдатская судьба рядового Моисеенко: жестокие бои, фашистский плен, освобождение, служба в 3-м гвардейском кавалерийском корпусе — так очерчивается круг его военной жизни. Только в 1946 году, после демобилизации, он смог вернуться в академию.

Все пережитое в те годы жестоких испытаний, все передуманное позволило ему в новых картинах идти не от литературных реминисценций, а от той жизненной правды, которую он познал сполна. Сначала он выбрал тему «Угон советских граждан в фашистскую неволю» и, хо-

Е. Моисеенко. Род. 1916. ЗЕМЛЯ. 1964.

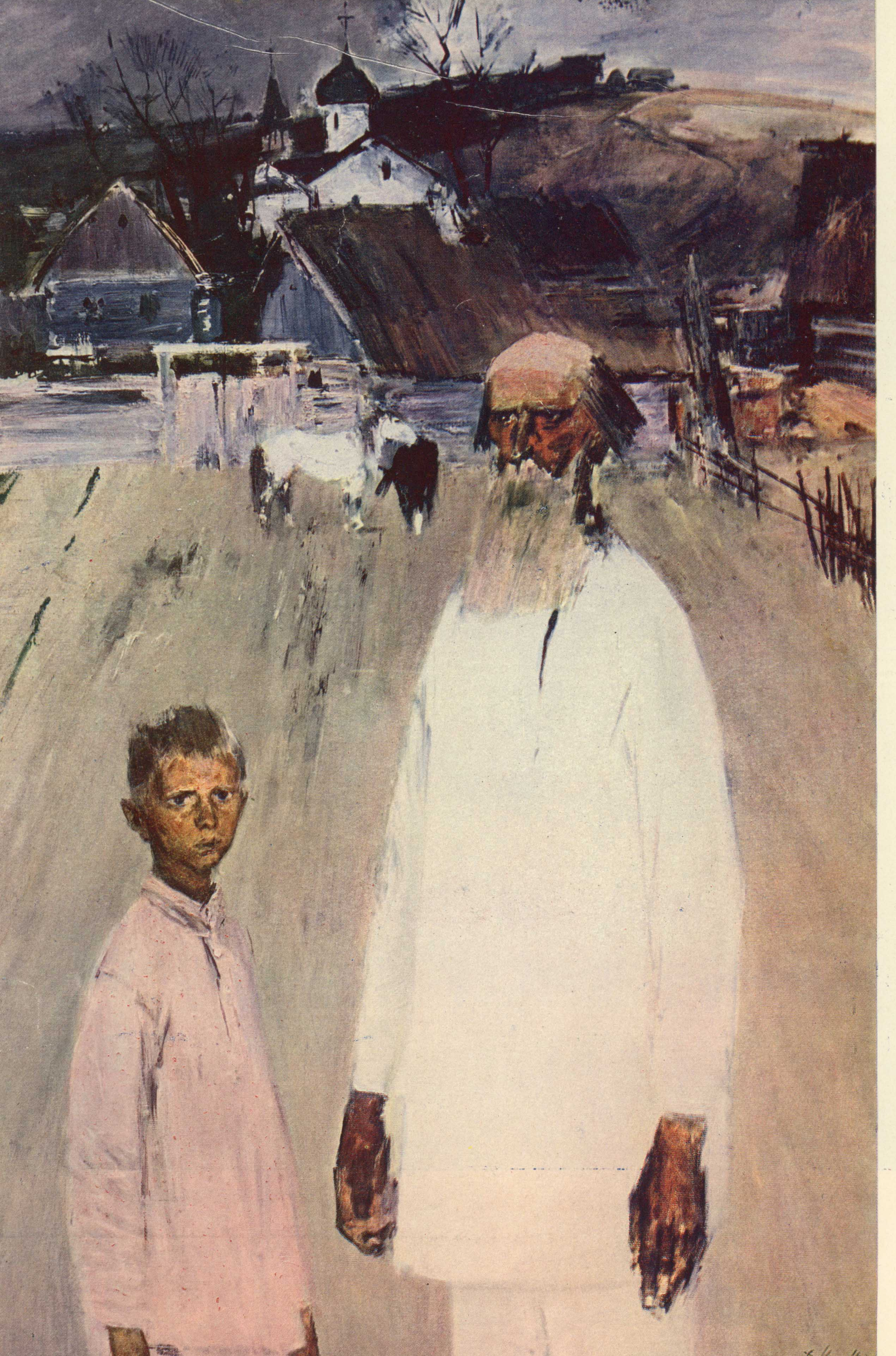
Государственный Русский музей. Ленинград.

Е. Моисеенко. КРАСНЫЕ ПРИШЛИ. 1961.

Государственный Русский музей. Ленинград.

Е. Моисеенко. СЕРГЕЙ ЕСЕНИН С ДЕДОМ. 1964.

Государственный Русский музей, Ленинград.

тя ее одобрили, передумал,— уж очень не соответствовал сюжет настроению, какое давала долгожданная Победа.

После долгих раздумий он решил написать полотно «Генерал Доватор». Это не был портрет прославленного полководца. На картине показано противостояние добра и зла. Ведут пленных, взятых во время конного рейда по тылам противника, и Доватор, сидящий на коне, пристально осматривает с высоты холма жалкую толпу людей, высокомерно вообразивших себя победителями. Тень от туч перемещается по полю, вереница пленных погружается во мрак, фашистский генерал пытается сохранить надменность взгляда, но он ничтожен в своем тщетном намерении. В этом произведении нет сражения, но во всей его композиции, в характере персонажей угадываешь, узнаешь будущих победителей.

Картина имела успех. Она свидетельствовала о появлении нового, сильного таланта.

Дебют стал торжеством молодого мастера. Его приняли в Союз художников СССР. А еще через три года он выступил с картиной «За власть Советов», в центре которой — блистательный Котовский со своей прославленной конницей. Все солнечно, ярко в этой картине, золотой тон господствует на холсте, знамена бушуют на фоне синего жаркого украинского неба. Новая работа Моисеенко также имела успех. Затем появились «На новостройки», «Партизаны», «62-я переправа», «Первая конная»... Уверенно и твердо поднимался Евсей Моисеенко по ступеням нелегкой лестницы признания и славы. Он уже известен, о нем говорят, спорят на вернисажах. Можно было бы и успокоиться — все хорошо, отлично! Но он искал новых, своих путей.

Еще в академии Осмеркин говорил о нем: «Это художник, который компонует совершенно свободно, совершенно свободно владеет формой, причем формой он владеет как настоящий мыслящий человек, идет он от большой формы и у него это очень индивидуально и настолько заразительно, что он влияет на многих своих товарищей, многие делают эскизы по методу Моисеенко, и тут я бессилен». Это было и утверждение и прорицание.

В 1961 году появляется его замечательная работа «Красные пришли». В ней Моисеенко отказался от привычной трактовки, от пышных знамен и торжествующих горнистов. Словно вихрь врывается в сонный городок — эти огненные кони и люди. Их ведет Революция, они победили.

В картине пленяет прежде всего движение, переданное с такой силой, что кажется, будто ты и сам охвачен тем могучим вихрем, напряжением и вдохновением, которые владели людьми, изображенными на полотне. И все это произведение воспринимается как символ Революции.

Есть у Евсея Моисеенко картина «Матери, сестры». Сюжет ее прост и посвящен военному времени: родные провожают своих близких на фронт. На переднем плане полотна — провожающие. Художник смотрит на них глазами тех, кто уезжает. Сложную гамму переживаний показывает мастер — скорбь, боль, тоска и надежда на возвращение. Здесь нет боевых схваток, но война рядом, ее дыхание ощущают все. Еще минута, другая, и сыны, мужья, братья уедут туда, где льется кровь. Средствами изобразительного искусства Евсей Моисеенко размышляет о войне и судьбах людей. Его мысли остры и тревожны, остра и стремительна его кисть.

В ленинградском Русском музее экспонируется его полотно «Черешня». После боя или после долгого перехода эскадрон расположился на отдых. Люди притомились, спят, а черешни, спелые ягоды с темно-красным отливом, лежат в фуражке, небрежно брошенной на землю. Произведение скомпоновано смело, свежо и темпераментно. Это батальная картина без баталии, дающая тревожное ощущение короткого затишья.

Когда знакомишься с работами Моисеенко, невольно поражаешься широте диапазона его творчества. Он свободно владеет искусством жанра, пейзажа, портрета, он умеет все. И на всем лежит отпечаток его творческой манеры — острой и колючей, пронзительной и влекущей. Зрелого, нынешнего Моисеенко ни с кем не спутаешь. Грани его таланта сверкают особым блеском, присущим именно ему и никому другому. Его картины запоминаются, они волнуют, зовут к размышлению.

По моему суждению, Евсей Моисеенко — прежде всего лирик. Недаром любимый поэт художника Есенин, о нем он готов говорить часами. Поэтому так поэтичны и нежны на его полотнах ивы в дождь, вспаханная земля, лошадь с жеребенком под летним грибным ливнем. Ему как художнику дороги и мечтательный Коктебель, полный жарких красок, и старая Бухара с ее древностями, и окраины Пскова или Новгорода. Я видел его работы, привезенные из Испании, где он был два года назад. Страна Веласкеса и Риберы, Ибаррури и Диаса, Сервантеса и Лопе де Вега предстала передо мной, овеянная поэтическим восприятием художника.

Всмотритесь в его картину «Сергей Есенин с дедом». Как пытливы глаза будущего поэта, как могуч его дед с иконописным ликом и высоким лбом мудреца. И вспоминаются есенинские строки:

Черепки в огне червонца.
Дед — как в жамковой слюде,
И играет зайчик солнца
В рыжеватой бороде.

Работая над этой картиной, Моисеенко, думается мне, вспоминал своего Прокофия Наумовича, научившего его понимать жизнь и постигать ее красоту. Отзвуки личной биографии всегда вплетаются у художника — будь он живописцем или писателем — в его творения, усиливая остроту чувств.

Увидеть в обыкновенном необыкновенное — свойство истинного таланта. Вот возвращаются люди после полевых работ. За ними — вспаханная земля. Нелегок был их труд, о том свидетельствуют их утомленные лица и усталые руки. Но в глазах — удовлетворение. Картина называется «Земля», и само это название зовет к философскому осмыслению темы. Много было написано подобных картин разными мастерами, но «Землю» Моисеенко не поставишь в общий ряд: она звучит густой, торжественной струной.

Летучесть, стремительность, вроде бы даже легкость живописных приемов Моисеенко оборачиваются для него каждодневным тяжелым трудом. Вопрос «как?» не решен для него навсегда. Он ищет. Слова Маяковского «твори, выдумывай, пробуй» — его девиз. Сейчас мастер готовится писать картину к шестидесятилетию Октября. Какой она будет?

— Я еще не знаю,— говорит художник.— Непременно поеду в свои Уваровичи, поговорю с людьми, знакомыми и незнакомыми, поброжу по родным местам, подумаю, займусь этюдами, набросками. Вероятно, картина расскажет о нынешнем крестьянине. Но как я подойду к ней, с какого края начну — неясно. Пока неясно.

...Нет, разумеется, эта картина не будет парадно юбилейной. Художник покажет жизнь с ее страстями, борьбой, трудом. Лирический строй, прочно овладевший душой мастера, даст ему возможность создать поэму о людях Революции.

Евсею Евсеевичу Моисеенко шестьдесят лет. Сделано много. «Около тысячи работ у меня»,— говорит он. Силы есть, и дорога перед ним широкая, идущая в гору, к новым и новым свершениям. Его крестьянская рука крепка, большие замыслы теснятся в голове. Прожитые годы — лишь отметина на плодоносном древе его жизни.

КНИГА О ЖОРЖЕ СИМЕНОНЕ

Имя Жоржа Сименона хорошо известно советским читателям. У нас переведены многие его романы, публиковались выдержки из дневников писателя, а также интервью с исследователями его творчества. И все же для многих Жорж Сименон остается загадкой, нередко его фигура отождествляется с образом знаменитого полицейского комиссара Мегрэ. Слава этого литературного героя даже переросла славу его создателя. Между тем Мегрэ, этот спаситель «маленького человека» в буржуазном обществе, очень мало что может изменить при существующем порядке вещей. Спасая человека от угрозы, нависшей над ним, разоблачая всякого рода подлецов, Мегрэ никоим образом не покушается на существующий строй. Герой Сименона выступает только против чрезмерности, против отклонений от норм буржуазной жизни, а не против самих норм.

Несомненный интерес представляет первая в нашей стране книга о творчестве Жоржа Сименона — «Комиссар Мегрэ и его автор» Н. Модестовой. Автор исследования подробно прослеживает основные вехи творческого пути писателя, подмечает особенности его художественной манеры, относящиеся к детективному жанру. Очень доказательно анализируются в книге те романы, в которых Сименон проникает во взаимоотношения человека и буржуазного общества, личности и социальных законов окружающего мира. К сожалению, мало внимания уделила Н. Модестова произведениям Сименона, изображающим распад буржуазной семьи, рисующим жизнь молодежи, хотя многие произведения писателя посвящены именно этим проблемам.

Но весь анализ, выполненный Н. Модестовой на высоком профессиональном уровне, убедительно складывается в вывод, что реалистический метод, характерный для творческой манеры Сименона, позволяет писателю создавать в детективах и психологических романах достоверную картину жизни и нравов современного французского общества.

Николай САФОНОВ

Н. А. Модестова. Комиссар Мегрэ и его автор. Издательство Киевского университета, 184 стр.

ПОСЛЕДНИЙ ПОРТРЕТ

Этот портрет Н. Н. Гончаровой-Пушкиной-Ланской был гравирован известным гравером, профессором В. В. Матэ по фотографии, сделанной в Ницце в 1861 году. Фотография принадлежала князю В. М. Голицыну. Он встречал Наталью Николаевну в Ницце во время ее заграничного путешествия вместе со вторым мужем — генералом П. П. Ланским. По свидетельству князя, и тогда Н. Н. Ланская была удивительно хороша собой.

Конечно, гравюра, выполненная по весьма несовершенной фотографии, не может передать живого очарования этой легендарной женщины, но всмотритесь в портрет. Светлый, высокий лоб, внимательные глаза, изящные, тонкие черты лица. Во взгляде достоинство и затаенная боль. Это печать пережитого и знак снедавшей Ланскую болезни. Ей оставалось жить два года.

В 1899 году к 100-летию со дня рождения А. С. Пушкина экспонировалось на юбилейной выставке пять изображений его жены.

Эта не попавшая на выставку фотография завершает галерею портретов Натальи Николаевны.

Н. РАБКИНА,
кандидат исторических наук

Джеймс ОЛДРИДЖ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

ДЖУЛИ ОТРЕ

ГЛАВА 3

Если можно вообще назвать время, когда Джули стал меняться, то началось это на пасху в год его тринадцатилетия — возраст, когда, согласно Ветхому завету, мальчик достигает зрелости и его торжественно посвящают в мужчины. Джули окрестил (или — на их евангелический лад — посвятил в мужчины) в нашей реке седовласый, серолицый евангелист, доктор Уинстон Хоумз, — он разъезжал взад и вперед по берегам нашей реки и с пылом насаждал евангелическую веру в городах и селениях. В Сент-Хелене он появлялся раза три-четыре в год.

Я уже знал его — он всегда останавливался в доме Джули. Но стоило ему неожиданно появиться, и я приходил в замешательство, потому что обычная отрешенность Джули удесятерялась и он наглухо замыкался в себе. Доктор Хоумз обычно подходил к нам, когда мы сидели на поленнице за домом миссис Кристо. Он надвигался по песчаной дорожке, точно грозная черно-белая тень (был он высок — ростом шесть футов три дюйма), и еще издали своим трубным гласом принимался вопрошать Джули, тверды ли его нравственные устои, хранит ли он в душе своей образ Христа? Блюдет ли чистоту духа? Помогает ли матери исполняться радости пред господом нашим?

Джули не произносил в ответ ни слова. Просто вставал и молча шел за доктором Хоумзом в дом: не хотел передо мной смириться, отвечая на его вопросы. Я вообще ни разу не слышал, чтоб он разговаривал с доктором Хоумзом, хотя, появляясь в доме миссис Кристо, тот становился хозяином в делах мирских и духовных.

В тот день Хоумз, как обычно, приехал в Сент-Хелен поездом из Ноя в черном, выцветшем и пропыленном костюме, с зеленым саквояжем и прикрепленной к нему ремнями парусиновой флягой. Вид такой, будто он только что с опасностью для жизни выбрался из безводной пустыни. Даже фляга наводила на мысль о долгом и трудном пути. Мне всегда так и представлялось: суровый, мучимый жаждой, он идет широким шагом, он вечно в пути, и это почему-то дает ему право, появляясь и исчезая, нарушать равновесие всех и вся.

На этот раз ежегодное религиозное бдение он устроил на территории сельскохозяйственной выставки, и там собрались все адвентисты и евангелисты нашей Прибрежной округи (а их были сотни). Я тоже хотел пойти посмотреть, чем они там занимаются, но отец мне запретил.

— Туда ходят либо чтобы делать то же, что они, либо чтобы насмехаться над ними, — резко сказал отец, — а я строго-настрого запрещаю тебе и то и другое.

И вот мы, десяток мальчишек, бродим вокруг высокого деревянного забора выставки и стараемся сквозь щели разглядеть, что же там происходит. Оттуда слышались все больше песнопения, иногда крики, даже смех, там славили Иисуса, взывали к Иисусу, возлюбленному спасителю. Чаще всего мерно, ритмично хлопали в ладоши. Настроение этих людей как-то передалось и нам — и мы ждали чего-то затаив дыхание, словно чувствовали: предстоит еще что-то,— а предстояло, и вправду, многое.

Отворились огромные ворота, и евангелисты с горящими взорами вышли стройными рядами, точно средневековая армия на марше. Впереди выступал доктор Хоумз, в правой руке у него было Евангелие, в левой — длинный посох. За ним следовали три открытые повозки, в каждую запряжена четверка отличных шайрских тяжеловозов. На каждой повозке по две скамьи, и на них по десятку грешников: их везли к реке, чтоб погрузить в воду и окрестить. Они были уже закутаны в белые простыни, в которых войдут в реку, а за ними пешком шли остальные евангелисты и адвентисты. На последней повозке, принадлежащей мистеру Иоу, сидели восемь взрослых и четверо ребят из нашего города, и на одной скамье с краю я увидел Джули. Вернее, только лицо Джули, широко распахнутые глаза и дрожащие губы. Все остальное скрывала простыня.

— Вон Джули! — удивленно выкрикнул кто-то.

Мы все расхохотались.

— Они его утопят! — заорал Боб Бентли. — Джули! Ты ж не умеешь плавать. Тебя утопят...

Джули даже не поглядел в нашу сторону. А я тогда как раз читал Рафаэля Сабатини, и потому мне казалось, Джули везут на казнь, и, похоже, так чувствовал и сам Джули.

— Джули! — крикнул Джеки Питерс. — Нравится тебе в этой простыне?

Раздалось еще несколько не слишком деликатных шуточек, а впрочем, никто и не думал этими выкриками обидеть Джули: ведь все мы знали его способность не замечать, в какой он попал переплет. Но я чувствовал: на этот раз он жестоко страдает — и ничего кричать не стал, хотя вместе со всеми следовал за процессией, когда под градом насмешек она двигалась по городу. Я так остро ощущал страдания Джули, что сперва даже не заметил его матери.

Миссис Кристо шла среди других женщин за последней повозкой. Почти на всех женщинах в этой процессии были дешевые хлопчатобумажные платья, словно форма, возвещающая об их евангелической бедности. Миссис Кристо, как всегда, была в черном. Ее миткалевое платье на любой другой женщине выглядело бы строго, но на ее смуглом, крепком, цветущем теле да еще при таком привлекательном лице даже черное казалось чуть ли не соблазнительным.

Джули то и дело оглядывался на мать, которая вместе со всеми пела, что Иисус — возлюбленный ее души. Но при этом она крепко сжимала задок повозки, словно то был сам Джули. Оба они словно не замечали никого вокруг, и, когда он оглядывался на мать, лицо у него было и яростное и беспомощное. А у миссис Кристо (или, может, мне это чудилось?) вид был испуганный и умоляющий, как будто она молча просила Джули пройти через все это ради нее.

— Старина Джули под простыней играет на гармонике! — крикнул кто-то, и мы все рассмеялись: нас так и подмывало смеяться.

У реки, возле большого моста, на берегу мелкой песчаной излучины, причастникам с пением и хвалами господу помогли сойти с повозок. Толпа, в том числе и сторонние наблюдатели, образовала большой полукруг, и под хлопанье в ладоши и возгласы «Аллилуйя!», «Приди ко Христу!» и «Спаси вас Христос» началось крещение. По одному их вводили в реку, где по пояс в воде стоял доктор Хоумз, высоко над головой держа библию. Посох свой он воткнул в речное дно; когда к нему подходил причастник, Хоумз дланью, держащей святую книгу, крепко ухватывался за посох, а другой рукой погружал грешника в воду. Погружал он каждого с силой, почти свирепо, пригибал голову, точно окунал ребенка. Делал он это три раза подряд, словно не на жизнь, а на смерть боролся с самим дьяволом, потом выкликал имя следующего причастника.

— Джулиан Кристо!

Шестерых, главным образом юношей, уже окрестили, и Джули стоял во главе следующей партии. Мне уже не хотелось смотреть, я видел, Джули чего-то боится, — насколько я знал, это с ним впервые. Он словно прирос к месту.

— Джулиан Кристо! Подойди и да спасешься во имя Христа! — прогремел Хоумз; так оглушительно взывают к пастве, кажется, только проповедники в Австралии и в Америке.

Путаясь в простыне, Джули брел с трудом, по лицу его текли слезы. И, зная Джули, я понимал: он плачет не просто от унижения — насмешки, даже самые злые, никогда его не задевали, — и уж, конечно, не от религиозного трепета. Унижена была какая-то иная сторона его души, и теперь мне хотелось только поскорей уйти и не видеть, что будет дальше. Глаза миссис Кристо тоже полны были слез и лицо все в слезах, но она продолжала петь, вернее, нараспев повторяла вместе со всеми одни и те же слова:

— Иисус спасет, Иисус живет, Иисус умер на Голгофе...

Я отошел подальше, но все слышал смех зрителей и знал: они потешаются над Джули. Мой младший брат Том — он не уходил и все видел — после рассказал: Джули уперся, не хотел, чтоб его окунали. Хоумз насильно, рывком поднял его, точно мокрого котенка, и трижды с силой, в радостном исступлении погрузил в воду, призывая Иисуса спасти неподатливого, но беспомощного грешника.

Любопытно, что сейчас мне вспоминается не столько неподатливость Джули в тот день и не слезы его, но сложные, запутанные отношения между сыном и матерью, — прежде я этого не замечал. Впервые заметил, когда Джули крестили, и с тех пор видел так ясно, что уж лучше бы вовсе не видеть.

По правде говоря, это стало смущать ме-

Продолжение. См. «Огонек» № 35.

ня куда больше, чем даже объятия миссис Кристо, и примерно через неделю после крещения, когда мы с Джули сидели у него за домом на поленнице, я вдруг почувствовал, что и меня втянуло в путаницу этих сложных отношений.

— Иисус любит маленьких мальчиков,— прошептала мне на ухо миссис Кристо, когда, наткнувшись на нас там, обхватила меня руками. Она все еще восторженно трепетала после того обряда. — Он за них отдал жизнь, Кит, — сказала она.

Джули отвернулся, но после спросил, что такое она мне прошептала. Я сказал, и он распорядился:

— Не говори своей маме, что́ она тебе сказала. Ничего не говори.

Моей маме? А что ей до этого?

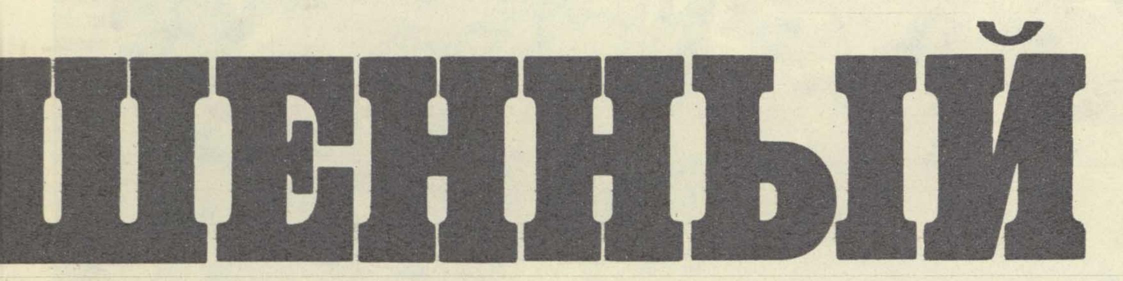
Я сделал вид, будто выбросил эти мысли из головы, но Джули догадался, что я невольно наблюдаю за их жизнью, вникаю в нее, строю догадки. Наверно, инстинкт тринадцатилетнего мальчишки подсказывал ему, что непривычная чувственность его матери изумляет меня, и он старался охранить ее, укрыть, спрятать от чужих глаз.

Этой своеобразной чувственностью был пронизан весь дом, она ощущалась даже среди квартирантов. Никто из них и в малой мере не наделен был волнующей красотой миссис Кристо. Но когда в шесть вечера они все вместе садились ужинать у нее в кухне, между ними, как меж котятами или щенятами одного помета, ощущалась некая телесная связь. Вне этого дома и Мэйкпис, и Бен Кэш, и Хэймейкер, и мисс Майл попрежнему казались мне самыми обыкновенными людьми. Но когда они собирались за столом у миссис Кристо и пили чай, ели колбасу, яичницу, лук, вареный картофель и горох, они переходили из обычного мира и окружения в свой, особый, где самый воздух иной.

— Готовы? — вопрошал Мэйкпис.

— Всегда готовы прийти к Иисусу, — хором отвечали они.

И за этим следовало обильное молитвословие, — казалось, это не общая молитва, скорей тут каждый в отдельности взывает к Христу, умоляя снять с него грехи. Диковинная литания Хэймейкера временами грохотала, как поезд, что не спеша въезжает на станцию, но мне вовсе не хотелось над ним смеяться, напротив, это производило на меня глубокое впечатление. И пение мисс Майл, которая умоляла господа не обойти ее любовью, тоже звучало очень убедительно. Никто не прятал носа в сложенные ладони, не закрывал глаза, как делали у нас

дома, следуя возвышенному викторианству моего отца. То был разговор один на один, прямо тут же за столом, и по понятиям, в которых я был воспитан, разговор довольно бесцеремонный и даже веселый. Но он, во всяком случае, куда больше способствовал хорошему аппетиту: ели они с превеликим удовольствием, и время от времени кто-нибудь произносил с полным ртом: «Господь нас любит», — и все остальные подтверждали: «Да, любит». Говорящий заглатывал очередную сосиску, а мисс Майл радостно, точно только что отведала меду, провозглашала:

— Я видела его воочию, и Бен Кэш тоже, я знаю.

Бен кивает.

— Да, видел. Я видел. Совершенно с вами согласен, мисс Майл.

Но больше всего они любили шутить и разыгрывать друг друга.

Вот Хэймейкер спрятал под стол большой каравай, который испекла миссис Кристо, и говорит:

— Сатана, хитрый змей, притаившийся в саду любови Христовой, украл хлеб. Весь утащил!

— Вот глупости, — вмешивается мисс Майл. — Сатана сидит с курами в курятнике и лакомится яичками.

Хэймейкер хохочет и вытаскивает каравай.

— Вас не проведешь, я так и знал, — говорит он.

Под конец трапезы мисс Майл изо всех сил старается удержать в руках нож и всетаки роняет его на клеенку.

— Он хотел вырвать у меня нож, — еле переводя дух, произносит она. — Чуть не выхватил у меня из рук. Я видела его хвост.

И все заливаются, точно малые дети. В тот раз мисс Майл так всех развеселила, что и я поневоле засмеялся.

Но миссис Кристо оставалась вне этого, она сидела во главе стола, как всегда блаженно улыбалась, неторопливо двигались ее полные, красивые руки. Она смеялась вместе со всеми, но и только. Джули ничего не видел и не слышал, мысли его витали в облаках.

— Хочешь еще сагового пудинга, Джули? — ласково спросила мисс Майл.

Он с трудом возвращается откуда-то издалека и отвечает, как всегда, отрывисто-бесстрастно, но довольно вежливо:

— Нет, спасибо, мисс Майл.

— Ну, я уверена, Китов животишко побольше твоего. Тебе положить, Кит?

Я соглашаюсь, хотя саго терпеть не могу.

Поев, все принимаются дружно, но бестолково убирать со стола, суетясь и мешая друг другу.

Тут Джули лягает меня, и, не спросив разрешения (у нас дома без этого бы никак не обойтись), мы выскакиваем во двор.

Во дворе мы затеяли единственную игру, в которую играл Джули, — своего рода «Вверх-вниз» прямо на песке. Или скорее мы бродили по лабиринтам, которые изобретал Джули. У него было поразительно развито геометрическое, пространственное мышление: крохотные песчаные канальцы он мысленно соединял в такую хитроумную путаницу, пробраться по которой было невозможно, но стоило Джули растолковать мне, как построен этот лабиринт, и оказывалось, все на редкость ясно и просто. Задачу Джули всегда ставил одну и ту же: пробраться по песчаным канальцам в середину лабиринта, ни разу не возвратясь на уже пройденную дорожку, все равно как в картинной галерее в Хэмптон Корте, — во время войны, когда меня занесла нелегкая на минное поле, я вспомнил этот его лабиринт и даже нашел страшноватое сходство.

— Не сюда! — кричал Джули, когда я направлялся не в тот каналец. — Неужели не видишь, куда он ведет?

— Не вижу! — огрызался я. — Эту чертову штуку придумал ты, а не я!

— Ну и что, — возражал Джули. — Тут все просто, как дважды два.

На самом деле это было совсем не просто, и мы все препирались и препирались, пока из дома не вышла миссис Кристо. Она застала Джули врасплох, посреди лабиринта, стиснула в объятиях и сказала:

— Вот твоя гармоника. Можешь сесть на колоду и поиграть Киту.

Джули, ни слова не говоря, взял аккордеон, но сразу опустил его наземь. Переждал, пока я получу свою долю объятий. Потом переждал, пока мать вернулась в дом. Потом подправил песчаные канальцы, которые она повредила. И наконец взял аккордеон и положил на колоду у нас за спиной.

Мне показалось было, он, и правда, сейчас заиграет. С минуту он глядел на аккордеон, перевел взгляд на меня. Потом выхватил из колоды воткнутый в нее топор, и я ахнуть не успел, как гармоника была разрублена надвое.

— Да ты что? — крикнул я. — Ты ж его разбил!

— Знаю.

— С чего это? Что на тебя нашло?

— Ничего, — ответил Джули, поднял топор и несколькими ударами прикончил инструмент.

— Фу ты, совсем сбесился! — закричал я: тошно было видеть, как что-то взяли и разбили вдребезги. Тошно еще и оттого, что я понимал: это он неспроста.

Джули пожал плечами.

— Мне эта штука больше ни к чему, — сказал он. — Никуда она не годится, терпеть ее не могу.

Много лет спустя я описал эту старую гармонику одному профессиональному музыканту, русскому аккордеонисту-виртуозу, и он тоже пожал плечами и сказал:

— Могу понять, почему он разбил инструмент. Для всякого, у кого есть музыкальное чутье, такая примитивная штука — одно расстройство. Это не столько инструмент, сколько игрушка.

Мы еще стояли над разбитой гармоникой, когда вновь появилась миссис Кристо — на широкой, мягкой ладони она протягивала нам роскошное угощение: два знаменитых своих сладких пирожка.

— Остаточки, — сказала она. И тут заметила загубленный аккордеон. — Джули! — воскликнула она. — Что ты наделал? Какой ужас! — За этим испуганным криком я вдруг, впервые за все это время, увидел ее не враздробь: крупное лицо, поразительное, облаченное в миткаль тело и всегдашняя всепрощающая улыбка, — увидел в ней человека. — Ты совсем его разбил.

— Я же говорил тебе, он мне больше не нужен, — спокойно сказал Джули.

Я думал, миссис Кристо сразу придет в себя и, как обычно, умоляющим голосом сделает Джули выговор. Но, к моему изумлению, по щекам ее скатились две крупные слезы.

— Как ты мог, Джули? Ты меня огорчил.

Перед непроницаемой стеной сыновнего противодействия миссис Кристо всегда отступала, но тут она смирилась не сразу.

— Еще немножко, и ты бы научился играть по-настоящему,— сказала она.

Она, конечно же, имела в виду, что он мог бы аккомпанировать их песнопениям.

— Ничего подобного,— резко возразил Джули.— Да и все равно его уже нет.— Вот и все объяснения.

Еще две крупные слезы упали в пыль у ног миссис Кристо, она горестно покачала головой.

— А мне так нравилось, когда ты играл.

Джули не ответил.

— Может, ты ее починишь, Кит? — взмолилась она.

— Да ведь все разбито вдребезги, миссис Кристо,— растерялся я.

У меня было то же чувство, что во время крещения. Я видел что-то такое, чего видеть не хотел. Я оказался свидетелем таких отношений между матерью и сыном, какие были для меня совсем непривычны, и даже сам отчасти в них запутался.

Но вот она обняла Джули, потом меня, и смущение мое прошло; мне жаль было миссис Кристо, хоть я чувствовал: это дурно, что я прильнул к ней и в мягкой тьме, от которой кружилась голова, слышал, как неторопливо стучит ее сердце.

Скоро она ушла, но мы с Джули больше не играли в лабиринт. Мы тихо сидели на корточках у поленницы и слушали наш австралийский летний вечер. Город мирно готовился ко сну, и мы знали, откуда доносится каждый звук, каждый шорох. За два

дома от нас миссис Коннели рубила дрова. В тиши топор при каждом ударе звенел как звонок. Поскрипывала педаль на велосипеде мистера Форда — он чуть ли не всех поздней возвращался с работы, с сортировочной станции. Пролаял пес — Рыжий Эллисона Смита. Ему ответил другой. Это бездомный Скребок, он всегда лает с подвыванием. Джули иногда подкармливает его колбасой, прибереженной от ужина. В старом своем «бьюике» проехал мистер Гарднер. Подрались воробьи и скворцы и затрепыхались, точно маленькие водяные гейзеры, и еще доносятся смех и пререкания мальчишек из семейства Андерсонов — они собрались под своим огромным перечным деревом, в него когда-то ударила молния.

— Мне пора, Джули,— сказал я. — А то дома будут ругать.

Он будто и не слыхал. Он всегда был неразговорчив, мы уже к этому привыкли, только изредка сдержанность ему изменяла, он обрушивал на нас бурный поток слов и снова замолкал.

Я надел сандалии и встал.

— Я пошел.

— Ладно,— пробормотал Джули. Он подбирал останки аккордеона, и я ждал — хотел посмотреть, что он станет с ними делать.

— Не надо было тебе его ломать,— сказал я; все то, чему меня учили дома, на миг взяло во мне верх.

Джули промолчал. Он подержал обломки в руках, потом бросил их в огонь, в тот самый мусоросжигатель, где мисс Майл спалила свои книги, а миссис Кристо обычно жгла всякий сор. Теперь слезы текли по лицу Джули, и уже тогда, глядя на него, я пытался понять, что же они означают. Раскаяние? Сожаление? Сознание вины? Гнев? Я терялся в догадках. Джули разве поймешь? Но, думается мне, полный значения обряд, который начался для Джули крещением, завершился в тот день, когда он сжег аккордеон. Конечно же, аккордеон много значил для Джули, не то не стал бы он проливать над ним слезы.

ГЛАВА 4

Я все думал, пошел бы Джули дальше, стал бы ломать голову над другим примитивным инструментом, над банджо, если бы однажды в субботу мы не взяли его с собой на городское гулянье, которое каждый год устраивали в излучине реки, на поляне среди зарослей в десяти милях от города? Тогда он впервые оказался на таком гулянье и тогда же впервые обратил внимание на Бетт (Эли-

забет) Морни. Или, вернее, это Бетт впервые обратила на него внимание, а она будет играть немалую роль в его жизни, и потому день этот стоит запомнить еще из-за того, что произошло тогда между ними.

Не помню, кто устраивал обычно эти праздники, кажется, благотворительный комитет, но молодежь Сент-Хелена съезжалась на высокий речной берег в легковушках, в грузовиках, в двуколках, на велосипедах, мотоциклах, верхом, многие даже приходили пешком.

Развлекались тут на городской и на сельский лад — все хорошо знакомые развлечения: состязания овчарок (собачьи бега), состязания дровосеков, бег в мешках, скачки, бокс, джаз и горские танцы. В три часа капитан Элвин Джоунз, пилот и герой времен первой мировой войны, поднимался в небо на своем личном «кеймеле» и над местом гулянья проделывал фигуры высшего пилотажа. Он делал до трех десятков петель, а потом, к ужасу всех лошадей, пролетал вверх колесами всего на высоте тридцати футов. Приземлялся он далеко в стороне и на самое гулянье не приходил — это с его стороны было бы проявлением дурного вкуса,— так что мы его и не видели иначе как вверх ногами, когда уши его летного шлема свисали, точно с ленты транспортера.

После этого, все еще обсуждая мастерство капитана, мы двинулись к танцевальной площадке — иначе говоря, к деревянному настилу, который привез сюда на грузовиках и установил Локки Мак-Гиббон и теперь взимал с каждой пары шесть пенсов за танец — за чарльстоны, блэк-ботомы, тустепы, уанстепы и танго. Танцплощадка пользовалась дурной славой, и это-то больше всего к ней и привлекало. Здесь собиралась наша неотесанная, шалая молодежь. То было поколение, идущее как раз перед нашим. И именно здесь два события переменили всю жизнь Джули.

На танцплощадке играл наш местный джаз «Веселые парни» под управлением Билли Хикки, который в обычные дни распоряжался на кооперативном лесном складе. Билли играл на кларнете. В оркестр входили еще старое пианино, труба в тоне ля-бемоль, литавры и банджо. Располагались музыканты в кузове одного из грузовиков, а когда мы пришли, у них как раз был перерыв и они смешались с отдыхающими парами, шутили, смеялись, поддразнивали друг друга, шумно веселились. Все толкались, пихались, казалось, сама их одежда заряжена озорством. Девушки — в коротких юбочках и все стриженые — либо с челкой, либо «под фокстрот». Вид у всех у них был восхитительно легкомысленный, словно не существовало для них сейчас никаких преград. На губах у всех — ярко-красная помада. Юнцы — в черных лаковых туфлях: тогда было модно носить их и днем и вечером. И там же я впервые увидел фашистское приветствие — все эти великолепные молодые люди передразнивали его. Что оно означает, они тогда не знали. Слыхали только, что Муссолини — итальянец и вроде шута, так почему бы и не позабавиться. Все они были с тоненькими черными тросточками, к рукоятке привязана куколка в шуршащих юбках — реклама всемирно известной фирмы игрушек.

Самой вызывающей среди наших девушек, которой все остальные пытались подражать, была Энни Пауэрс, о ней шла в ту пору дурная слава. Ярко накрашенные губы, лицо совсем не загоревшее, плотно облегающее шелковое платье, высокие каблуки, шелковые чулки, короткая стрижка, и, говорили, на балах и на танцах она напивается, а то и уходит с кем попало, лишь бы у него была машина или повозка, где можно заняться любовью.

— Больно тощая,— заявил Билли Бонд, когда мы внимательно оглядели ее простодушными мальчишескими глазами.

— Да ну ее! Ты лучше погляди на Бобби Бэрнса.

Бобби был дружок Энни, такой же пример для ребят, как Энни для девчонок. Мальчишки старательно ему подражали. Стиль у него был такой: широченные фланелевые брюки, белая рубашка, мягкий галстук, черные лаковые туфли, прилизанные, напомаженные волосы и позолоченные часы с браслетом. На танцплощадке вертелись и нетерпеливо топтались человек двадцать, но все наши взгляды были прикованы к Энни и Бобу. Они отхлебывали прямо из бутылки запрещенный джин — на гулянье не полагалось пить спиртное, так что сейчас мы видели первое звено порочной цепи, за которым следуют все прочие грехи: джаз, губная помада, любовь, увлечение ножками, хихиканье, ухаживание, перешептывание, курение, игривые шуточки насчет секса, секс — вот что страшней всего. В ту пору танцплощадка значила для нашей нравственности не меньше, чем монастыри для раннего христианства в Европе.

— Смотри, Джули-то,— сказал Доуби (наш лучший ныряльщик) и подтолкнул меня локтем.

Джули отошел от нас к грузовику музыкантов, и стоял, и глядел на оставленные там инструменты.

— Джули! — окликнул Доуби.— Будешь там околачиваться, угодишь прямиком в ад. Поди подожди нас у чайного стола.

Джули словно и не слышал, а я отделился от нашей компании и пошел посмотреть, чем это он так заинтересовался. Он разглядывал инструменты, но и не пробовал их трогать, даже сцепил руки за спиной, словно удерживался от искушения, а то и от чего похуже.

— Как это называется? — спросил он меня, кивком показав на кларнет.

Я сказал.

— А флейта тогда что?

— Флейту держат по-другому, и она гораздо меньше,— ответил я.

Тут я сообразил, что Джули впервые видит вблизи музыкальные инструменты, раньше он лишь раз мельком видел наше пианино да поглядывал на трубы городского духового оркестра. А банджо и кларнета, наверно, и вовсе никогда не видал.

— Это банджо? — спросил он меня.

— Да.

— А как на нем играют?

— Целлулоидной пластинкой или пальцами,— сказал я.— Пощипывают струны. Неужели в кино не видал? — Только ляпнув это, я вспомнил, что Джули в жизни не был ни на одном фильме и, наверно, ни разу не слышал патефона, разве что случайно, проходя мимо магазина или чужого дома. Все это в библейском квартале было запрещено, даже радиоприемники, которые тогда уже прочно утвердились в нашем городе.

— Переверни,— распорядился Джули, указывая на банджо.

— Сам переверни,— ответил я.

— Не хочу его трогать,— пробормотал Джули.— Переверни, Кит.

Я перевернул старый, в пятнах и щербинах инструмент, на котором не играл, а кое-как бренчал Уитерс, по прозвищу «Банджо».

— Только и всего? — спросил Джули.

— Ну, ясно. А ты чего ждал?

— Сам не знаю,— ответил Джули, на бледном лице его застыло удивление, словно он слыхал про банджо и ждал, что оно куда лучше. Потом, не в силах дольше противиться искушению, он протянул руку и лихорадочно щипнул одну за другой все четыре струны.

— Одной не хватает,— сказал он, показав на пустое место, где должна была быть пятая струна.

Позднее я узнал — а тогда и понятия об этом не имел,— что, когда джазисты играют на пятиструнном банджо, они пятой струной обычно не пользуются.

— А вот и сам Банджо-Уитерс,— шепнул я Джули.— Попроси, пускай он тебе покажет, как играть на этой штуке.

Джули сразу ушел в себя, словно я предложил ему затеять разговор о вере. На самом-то деле я просто поддразнивал его, к тому времени я уже знал: о музыке он никого спрашивать не станет. Никому он не приоткроет эту дверцу своей души.

— Пошли,— торопливо сказал он, видя, что музыканты возвращаются. И взбежал по склону некрутого холма.

Пятеро «Веселых парней» заняли свои места в грузовике, отзвучала разноголосица настраиваемых инструментов. И пошло. Что они исполняли, не знаю, я никогда не разбирался в модных джазовых мелодиях. Но я знал: тут были и импровизации, и выученное, и подобранное ощупью, например, чарльстон; помню, я скоро потерял интерес к музыке и стал глядеть на Энни Пауэрс и на всю переполненную танцплощадку, а Энни выплясывала чарльстон, пригнувшись, что твой борец на ринге. Танцевала грубо — настоящий тогдашний чарльстон, совсем не тот худосочный и миленький танец, в какой его пытаются превратить нынче. Я глянул на Джули — как-то он переносит эту заряженную грехом площадку (а она так и дышала грехом и выглядела грешно, и веселье на ней было от греха). Но Джули не сводил глаз с музыкантов. Он подошел ближе, и притягивало его не банджо, а кларнет.

Билли играл совсем неплохо, однако не переоценивал себя. Но его воодушевляла страстная вера в себя самого и в своих «Веселых парней».

— Что это он выделывает? — недоверчиво спросил Джули, глядя, как Билли то опускает свой кларнет до пола, то задирает в небеса.

— Да ведь это джаз,— с досадой ответил я.— В джазе всегда так играют.

Оторвать Джули от оркестра было невозможно. Мне хотелось пойти посмотреть, как наш ныряльщик Доуби будет прыгать в реку с эвкалипта, но Джули только отмахнулся от меня.

— Отстань,— сказал он.— Как Доуби прыгает, я уже видел.

Ну, я ушел и, как бывает на всяких сборищах, когда проводишь время то с одним, то с другим, про Джули и думать забыл, а часов в шесть вдруг вижу: он сидит на склоне холма, а на песке перед ним нарисованы струны банджо. И даже поперек положены коротенькие палочки, обозначающие лады. Стало быть, Джули все-таки предпочел кларнету банджо. Больше того, он нарисовал и недостающую пятую струну, октавную, видно, она нужна была ему, чтобы полнее представить возможности инструмента, поверить его своей собственной алгеброй.

— Ну, спросил Уитерса, как на нем играть?— снова поддразнил я.

— Нет,— ответил Джули.— Он сам-то играет не по-настоящему. Ничего он не понимает. Вот посмотри...— На пяти нарисованных на песке струнах Джули стал всеми пятью пальцами разыгрывать какие-то хитроумные упражнения и вдруг спохватился — ведь он обнажает передо мной душу!— вспыхнул, вскочил и ногой стер с песка струны. — Ты домой скоро? — спросил он.

— Не знаю. Но пойду поищу, на чем добираться. Мне надо вернуться дотемна.

— И мне,— сказал Джули.— Только, наверно, ничего нам сейчас не найти.

— Ну, уж как-нибудь.

Оба мы знали: дома нам достанется. На гуляньях у реки часто тонут; конечно, и моя мама разволнуется, если я не вернусь засветло, будет стоять у калитки и ждать. Но думал я больше о том, каково сейчас миссис Кристо: ведь Джули не умеет плавать, а она знает, он в любую минуту может выкинуть что-нибудь безрассудное. И еще за другое ее жалко: наверно, она огорчается, что Джули участвует в таком греховном развлечении.

Мы стали искать грузовик, который отправлялся бы прямо сейчас. Как раз уезжал мистер Пулин, владелец гаража, но в его грузовике уже яблоку было негде упасть.

— Попытайте счастья у мясника Морни,— посоветовал кто-то.

— А где он? — крикнул я вслед отъезжающему грузовику Пулина.

— Где сосисками торговал,— отозвался кто-то.

У мистера Морни были лучшие в городе сосиски и колбасы. Был он к тому же наилучший мясник — человек богобоязненный, очень порядочный, он не просто торговал самым лучшим мясом, но был к тому же ве-

ликодушен и честен; ходил он всегда в войлочной черной шляпе, так как был единственным в городе квакером. Жена его умерла, а свою дочь Бетт он считал самой добродетельной девушкой на свете. Про городских наших нечестивцев всегда говорили, что одной ногой они уже в аду, так вот про Бетт говорили, что ее косички уже в раю. Она у нас была замечательная, умница-разумница, самая примерная — во всей школе самая первая ученица, чистая душа, не кривляка, правдивая, бесхитростная, самая хорошенькая и всеми любимая. Потому-то мы держались от нее подальше. Ни один мальчишка не рисковал связываться с таким воплощением всевозможных добродетелей.

Однако в тот день прихоть случая связала с ней Джули. Мы искали мистера Морни и его грузовик, и тут за грудой сложенных столов, которые должны были погрузить на автомобиль, поднялся какой-то переполох.

— Пошел вон! Вон! — пронзительно кричал кто-то.

Потом яростно залаял и зарычал пес, мы кинулись на шум, и, когда подоспели, там уже в страхе визжали и плакали пять или шесть девчонок. Одна из них, Бетт Морни, прижалась к грузовику, а на нее наседал свирепый пес с оскаленными зубами и жесткой, ощетиненной шерстью.

— Да это ж Скребок! — крикнул я.

Скребок, бездомный, вечно запуганный, всеми гонимый, казалось, вот-вот вцепится девочке в горло. Еще никто из нас не видал бедолагу Скребка в такой ярости. Он всегда ходил, поджав хвост, старался ко всем подольститься, сейчас я подивился: какому дурню пришло в голову притащить его на гулянье? А может статься, он сам сюда приковылял?

— Ударила его чем-нибудь, наверно, — сердито сказал Джули, а Скребок все лаял на Бетт, все рычал. Таким я видел его впервые и впервые заметил, какой он огромный и странный зверь — причудливая помесь колли, динго, восточноевропейской овчарки и австралийской овчарки.

— Шестом его! — гаркнул Пэт Бизли.

Пэт Бизли был в нашем городе и сам вроде Скребка — из отверженных. Совету его никто не последовал, он сам схватил длинный шест, размахнулся и стукнул не успевшего увернуться Скребка по крестцу. Тот взвыл от боли.

И тут Бетт сглупила. Кинулась удирать. Обежала грузовик, взлетела на невысокий бугор. Рыча еще свирепей, Скребок кинулся за ней, а мы — на почтительном расстоянии — за ним, все, кроме Джули: не обращая внимания на оскаленные зубы и рычание, он отчаянно пытался ухватить Скребка за хвост, за шею, за уши.

— Назад! — кричал он на Скребка. — Назад!

Они со Скребком были старые друзья, но всем нам слепая вера Джули в их дружбу казалась чистым безумием. Скребок нацелился огромными своими клыками на лодыжки Бетт, но тут Джули кинулся на пса всем телом, сумел обхватить его за шею и удержал.

— Они ж убьют тебя, — говорил он Скребку. — Убьют, понимаешь? Угомонись лучше! Угомонись!

На мгновение мне показалось: Скребок вопьется зубами ему в горло. Их сейчас было не расцепить. Но Скребок замер, лапы его одеревенели, в страшной гримасе он оскалил пасть уже у самого лица Джули, а потом нехотя покорился и позволил Джули оттащить себя в сторону.

— Чем это она тебя стукнула? — возмущенно говорил Джули и все тащил пса за шею, и ясно было: он куда больше тревожится о Скребке, чем о Бетт, которая совсем побелела и притихла от страха. В ее широко раскрытых глазах застыл ужас, и казалось, она просто не в силах оторвать взгляд от сплетенных воедино Скребка и Джули.

— Ну иди, иди... — все уговаривал Джули рычащего пса, держа его за шею и не обращая внимания на всех нас, столпившихся вокруг перепуганной Бетт.

— Проклятый дворняга, — сказал Пэт Бизли. — Вечно путается под ногами. У меня в машине пистолет, и сейчас самое время прикончить этого пса.

Но Джули отвел уже Скребка подальше и теперь спокойно подтолкнул его и сказал:

— Пошел домой. Пошел, а то тебя пристрелят. Пошел. По-шел! — прикрикнул он.

Скребок, наконец, понял. Он прижал уши, коротко прорычал и неуклюже затрусил к густым зарослям.

А мы все тем временем вслух сочувствовали Бетт, которая медленно приходила в себя.

— Я ничего, — твердила она. — Он меня не укусил. Ничего со мной не случилось. Это все пустяки.

Подошел Джули и сердито бросил ей:

— Что ты ему сделала? За что ударила?

Бетт посмотрела на него круглыми глазами.

— Я ничего ему не сделала, Джули, — возразила она.

— Уж наверняка что-нибудь да сделала, — настаивал Джули. — Наверно, пнула его ногой.

— Отвяжись от нее, — обозлился Пэт Бизли. — Виноват во всем паршивый пес, вечно он пакостит, это все знают.

Мы пытались убедить Джули, что виноват Скребок: ведь наша Бетт просто неспособна никого задеть или обидеть.

— Он сунул нос в корзину, в которой отец привез колбасу, — огорченно сказала Бетт, — и я велела ему уходить. Вот и все, Джули. Я только сказала ему: «Уходи».

— А не покормила почему? — спросил Джули. — Он просто хотел есть.

Виноватая, озадаченная, испуганная Бетт принялась кусать губы. Потом у нее из глаз выкатились две огромные прозрачные слезы. Кажется, Джули всегда заставлял женщин проливать вот такие, с горошину, слезы — и тут он с отвращением пошел прочь; Бетт — за ним, она даже схватила его за руку.

— Я ж вовсе не хотела его обидеть. Вот честное слово, Джули...

Я не мог удержаться от смеха. Только Джули способен был вот так обернуть невинность в вину, пусть даже и невольно. Но Джули все еще не остыл от гнева и не отвечал ей, и тут появился сам мистер Морни — он шел от реки, где мыл огромные черные сковороды. Он сразу же принялся расспрашивать нас, что случилось.

Последовали объяснения, но я уже не слушал, мне хотелось только одного: поскорей добраться домой. Я даже не очень-то защищал Джули и Скребка, когда девчонки и Пэт Бизли рассказали мистеру Морни, как было дело.

— Ну, ладно, — сказал он, — теперь уже все позади...

— Можно, мы с Джули поедем в город в вашем грузовике, мистер Морни? — поспешно спросил я.

— Хорошо, Кит. Только сперва придется вам погрузить столы. А я сложу палатку, положу ее у заднего борта, и вы сможете на нее сесть.

Две сестры Каррингтон, которые на праздниках неизменно разливали чай, старые девы с вечно красными ушами, должны были ехать в кабине вместе с мистером Морни, а значит, Бетт поедет с нами в кузове.

Всю дорогу Бетт беспокойно поглядывала на Джули, озадаченно хмурилась, словно молча просила простить ее или хотя бы выслушать. И в этом взгляде отразились все их будущие отношения. Сколько лет потом я видел — так смотрела Бетт всякий раз, как они оказывались вместе. И в тот день Бетт всю дорогу почти не сводила с Джули глаз, а он вовсе не замечал ее, он впитывал прерывистую, судорожную тряску старого грузовика, словно дрожь эта была ближе его истинным чувствам и его музыкальной алгебре, чем миловидное, встревоженное, простодушное личико Бетт.

Перевела с английского
Р. ОБЛОНСКАЯ.

Продолжение следует.

ЗОР

Иван ТАРБА

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Тишина на земле.
И планета
Вся покрыта густой пеленой,
Но настойчиво лучик света
Пробивает проход сквозной.
Солнце катится за перевалом,
Не решаясь взлететь в небеса,
И большим
Кружевным покрывалом
Опадает на землю роса.

В этот час
Ночь еще на исходе,
Но уже подступает рассвет...
Кто-то чуткий
Неслышно бродит,
Оставляя росистый след.
Может, ищет он,
Где сохранилась
Неиспользованная земля,
Но по всем по долинам
Разлились
Половодьем зеленым
Поля.

И когда, набродившись,
Устало
Он садится,
Закрыв глаза,
То большим
Кружевным покрывалом

И МОЕГО СЕЛА

Опадает на землю роса.
Словно бисер,
Она рассыпает
Капли звонкие на лету.
И в ответ чайный куст
Раскрывает
Лепестковую красоту.

Пелена уменьшается, тая.
Миг...
Другой...
И на нет сошла...
Спят, заслуженно отдыхая,
Люди милого мне села.
Лишь луна не имеет покоя,
Выполняя ночные труды:
Освещает село родное,
Виноградники и сады.
Я настолько люблю
Эту землю,
Беслахубу,
Мое село,
Что, красоты другие приемля,
Знаю твердо,
Что мне повезло
В этом древнем селенье
Родиться
И до юности ранней жить.
Никогда не устану гордиться
И его бескорыстно любить.

Дорогая моя Беслахуба!
Чистым сердцем тебя любя,
Где б я ни был,
Мне очень худо,
Если долго не вижу тебя.
И друзья мои замечали
И не раз говорили о том,
Что твоих
И побед и печалей
Ясный свет на лице моем.
И когда по стране я летаю
И стихи в тишине создаю,
Безотрывную
Ощущаю,
Беслахуба,
Поддержку твою.
И когда подступают сомненья
И не знаешь,
Где правда,
Где ложь,
Беслахуба,
Мое вдохновенье,
Ты мне мужества придаешь.
Учишь,
Учишь меня неустанно
Правде века
И правде дня...

Воздух утренний тоньше и тоньше,
Невесомым,
Прозрачным стал.
И все больше людей,
Все больше
Тех, кто солнце само обогнал.
Много их,
Ранним утром готовых
Честно
День свой рабочий прожить...

Встань,
Мое откровенное слово,
И о них всей стране расскажи!
Не забудь и о тех поведать,
Кто потратил немало сил.
Чтобы к людям пришла Победа...
Только сам до нее не дожил.
Расскажи и о тех,
Кто умело
В нашем старом селе начинал
Это новое трудное дело
Как начало больших начал.
Был их труд,
Как святое горенье
Для людей в предрассветной
мгле...
Не забудь и о тех,
Чье служенье
Бескорыстно любимой земле.

Имена их не дымкой повиты —
В Красной книге всего села.
Не забыты они,
Не забыты.
Наша память их не обошла.
След их четко
По жизни проложен.
Так по полю легла борозда.
И другие,
Их славу умножив,
Эстафетой несут сквозь года.

Так давай поспеши,
Мое слово,
За народом, который поет...

Вот и солнце подняться готово
На рабочее место свое.

Что за жизни упорная воля
На работу выводит народ!
Ведь для них это поле,
Как море,
В берег волнами зелени бьет.
Склоны гор
Сплошь из чайных плантаций,
Лепестки пьют ночную росу,
Любоваться —
Не налюбоваться
На чудесную их красу.

Но невольно глаза отмечают,
Как на фоне земной красоты
Выделяются сборщицы чая,
Разрезая движеньем кусты.
Ни мгновения
Не отдыхая,
И стремительны
И легки,
Руки бабочками летают,
Обрывая с кустов листки.

Этот год был
Для чая особым:
Урожайным
На редкость был.
Словно золото высшей пробы
На кустах терпкий лист уродил.
Оттого и людская забота
Урожай поскорее собрать...

Вдруг я вижу знакомое что-то...
Ну а что —
Не могу понять!
То ль наклон головы,
То ль движенья
Мимолетные
Девичьих рук...
Мне напомнили эти мгновенья
Незабвенную молодость вдруг.

Юность, юность!
Ах, сколько закатов
Одиноко
В мечтах проводил
О девчонке,
Какую когда-то
С пылом первого чувства любил.
Юность, юность,
На память не сетуй,
Может быть, это был пролог!
Может быть, я иду по следу
Той, которую встретить не смог!
Может, первой любви виденье
Снова молодость мне вернет...

Нет, замри,
Мое стихотворенье!
Возвратись в настоящий год!

Слово,
Что мы с тобой будем стоить,
Коль с эпохой не станем дружить,
Если время свое непростое
Не сумеем в стихах отразить!
Значит, мы бесполезными будем,
Если людям не станем нужны...

Так пойдем поскорее к людям,
К славным труженикам страны.
С добрым утром,
С рассветом чудесным,
Дорогое мое село!
Чтобы создал я новые песни,
Ты к себе
Меня позвало.
И когда восхищенным взором
Я смотрю на родные места,
Понимаю:
В твоих просторах
Удивительная красота.
Понимаю:
Нет лучшей доли,
Чем быть сыном такой земли,
Чтобы люди,
и небо,
и поле,
Как товарищи,
В песню вошли.
И я верю:
Поэмы страницы,
О которой мечтает поэт,
Могут только в селенье родиться,
Где остался
Твой первый след.
Только там,
Где твое рожденье,
Где ты с детства
Был людям мил,
Начинается стихотворенье,
Чтоб вобрать в себя
Целый мир.
И когда станет звонкою лира,
Станет крепким
Твой голос вполне,
Ты обязан поведать миру
О родимой своей стороне.
Вот и я вдруг почувствовал остро
Жажду выполнить старый долг:
Рассказать о селе своем просто
Все, что знал,
Что увидеть мог.
А в долинах кипит работа,
С дружной песней кипит в ладу,
До седьмого,
Последнего пота —
Не беда, что спина в поту!

А на сочной траве пасется
Стадо крупное
Возле села.
Для него и зимой найдется
Корма вдосталь
И вдосталь тепла.

И на склонах зеленых предгорья,
По долинам по всем,
Там и тут,
Правит радостный и привольный,
Возвышающий душу труд.

И уже широко известно
В дальних далях Отчизны всей,
Что в домах наших
Лучшее место
Мы отводим для наших гостей.
И хозяин всегда приветит
И окажет достойный прием.
Для абхазца
Страшнее смерти,
Если гость обошел его дом.
И когда к нам на отдых
Наши
Братья
Будут со всей страны,
То достатком,
Как полной чашей,
Встретить мы их в дому должны.

День рабочий закончен.
И люди
Отдыхать по домам идут.
Но никто засыпать не будет,
Хоть закончен дневной их труд.
Стало тесно и шумно в клубе,
И поют,
И танцуют друзья,
Потому что в моей Беслахубе
Без веселья прожить нельзя.
Тот, кто цену труду узнает,
Меру отдыху познает...

Но к полночи
В селе засыпает
Трудовой беслахубский народ.

Спит село мое до рассвета,
Все покрыто густой пеленой.
Но настойчиво
Лучик света
Пробивает проход сквозной.
И над этим
Подлунным покоем
Сыплет трели свои соловей.

Беслахуба,
Село родное,
Будет в памяти вечно моей.
И, заботы иной не имея,
Все тревожусь сейчас о том,
Как я выплатить
Долг сумею
Перед этим моим селом!

Перевел с абхазского
Анатолий ПАРПАРА.

ВСТРЕЧИ
НА БЕРЕГУ ТИХОГО ОКЕАНА

Юрий ЖУКОВ

Фото автора

В Лос-Анджелес мы прибыли из Вашингтона после долгого беспосадочного трансконтинентального полета на гигантском самолете, вмещающем более трехсот пассажиров. Едва сошли на землю, как громкоговоритель ясно и четко сказал, что нас ждет представитель авиакомпании «Золотой берег» и что мы должны торопиться, так как через десять минут предстоит лететь дальше, в университетский городок Клермон, где нас ждет председатель комитета за развитие американо-советских отношений профессор Фред Нил.

Авиакомпания «Золотой берег» оказалась микроскопическим предприятием: она владеет девятиместным самолетом, который порхает, словно стрекоза, от одного городка Южной Калифорнии до другого. Мы как бы вернулись на сорок лет назад и заново испытали ощущения полета на высоте триста метров над землей в самолете, который качается в воздухе, как осенний лист, а затем на протяжении трех дней последовал ряд изумительно интересных встреч на Тихоокеанском побережье, точно и умело, с американской деловитостью организованных Фредом Нилом.

Началось со встреч с профессурой и студентами Клермонского университета. Это — скромное по сравнению с масштабами Тусона высшее учебное заведение, но и здесь немало факультетов, а профессора и студенты относятся к контактам с советскими людьми с величайшим интересом.

Помнится, мы целый вечер в маленьком, по-тропически легоньком домике Фреда Нила дискутировали с его коллегами, желавшими из первых рук узнать, как живут люди в Советском Союзе, какова у нас внешняя политика, каковы, по нашему мнению, перспективы разрядки, которую так яростно атакуют ее противники. Кое о чем приходилось спорить, многое приходилось разъяснять, терпеливо прокладывая путь через джунгли дезинформации, в которых заблудились некоторые из наших собеседников. Но ни разу в тот вечер я не ощутил предвзятого отношения или откровенной враждебности.

Зато в один из следующих дней мы хлебнули немалую дозу и предвзятости и враждебности, встретившись уже в Лос-Анджелесе с группой ученых, связанных с небезызвестной корпорацией РЭНД — «мозговым трестом», состоящим на службе у сил, враждебных разрядке.

В роли хозяина выступил профессор Роман Колковиц, принимавший нас в фантастически обставленном дорогом ресторане. Мы сидели в красивом зале, в прохладе искусственного климата, а за толстым стеклом у нашего стола пылали дрова в камине, создававшем уют для гостей.

Профессор Колковиц — выходец из Польши, долго служил в РЭНД, с которой и сейчас поддерживает связи. Но теперь он работает в Калифорнийском университете. Преподавание у него занимает немного времени: он читает лекции четыре часа в неделю. «Чем же вы заняты в остальное время, профессор?» — спросил я. Он ответил: «Мы ведем с помощью вычислительного центра военно-политические игры». «Какие именно?» «Ну, например, на прошлой неделе мы разрабатывали тему, как Советский Союз готовится обмануть западных партнеров, чтобы обеспечить себе в ходе переговоров о разоружении преимущественное положение». «А на этой?» «Сейчас готовится трехсторонняя игра по Африке: что произойдет, если Советский Союз, используя иностранные войска, предпримет захват какой-либо африканской страны. Требуется разработать возможные варианты реакции Соединенных Штатов на это».

Странные игры, не правда ли? Но вот, представьте, находятся же охотники до таких занятий, и участие в них, надо полагать, оплачивается высоко, иначе этот солидный профессор таким делом не занялся бы.

Вторым нашим собеседником был молодой профессор из Чикаго Джереми Асраэл,— его родители родом из Белой Церкви. Он неплохо говорит по-русски — год учился в МГУ по студенческому обмену, потом год стажировался в Ленинграде. Но сейчас, судя по всему, его интересы далеки от проблем истории: он работает в РЭНД по двухгодичному контракту, а тематика его — внешняя и внутренняя политика СССР.

Участвовали в нашей беседе и другие ученые того же профиля, в том числе профессор Ван Клив, ветеран РЭНД, работе в которой он отдал двадцать лет. Нам его представили как учителя Киссинджера и Шлесинджера. Теперь он политический советник сенатора Джексона.

Нетрудно догадаться, что собеседование на политические темы в этом обществе не страдало избытком конструктивности. Мы вновь услышали все то, что с утра до вечера повторяли дикторы и комментаторы американского телевидения, велеречивые ораторы, защищавшие в комиссиях конгресса раздутые до невозможности финансовые заявки Пентагона, многочисленные деятели, добивавшиеся в эти дни, чтобы либо демократическая, либо республиканская партия выдвинула их своими кандидатами на пост президента.

Снова и снова наши собеседники театральными голосами говорили о том, будто на них нагоняют страх военные приготовления Советского Союза, будто наши военные эскадры вот-вот поставят под свой абсолютный военный контроль все до единого моря и океаны, будто вся Европа и вся Африка сейчас служат ареной нашей экспансии. И во всем этом виновата проклятая разрядка.

— Как мы можем поддерживать разрядку, когда кубинцы готовятся пройти на советских танках через всю Африку? — восклицал с наигранной тревогой профессор Асраэл.

— Мы не можем не увеличивать наш военный бюджет, когда Советский Союз так усиленно наращивает свои вооружения,— откликался Ван Клив.

Никакие доводы, никакие аргументы нашими собеседниками не воспринимались,— они мне напоминали автоматы, совершающие одни и те же, всегда в точности повторяющиеся движения, заданные им перфорированной лентой. Их умы были запрограммированы корпорацией РЭНД, и мышление их механически воспроизводило задание. И вдруг мне подумалось, что те огромные деньги, которые расходуются в Соединенных Штатах на содержание таких «мыслящих фабрик», в сущности, выбрасываются на ветер, коль скоро заказчик получает не трезвый анализ обстановки, а лишь механическое воспроизведение его собственных, отживших свой век, стандартных антисоветских измышлений, словно отпечаток, сделанный копировальной машиной «Ксерокс».

Единственным, что заслуживало интереса в этой долгой беседе, было прозвучавшее в пылу полемики чье-то заявление о том, что влиятельные круги в Вашингтоне начинают рассматривать Китай в качестве «квазисоюзника» (то есть почти как союзника) и что пора-де, наконец, развязаться с Тайванем и серьезнее заняться далеко идущим сотрудничеством с Пекином.

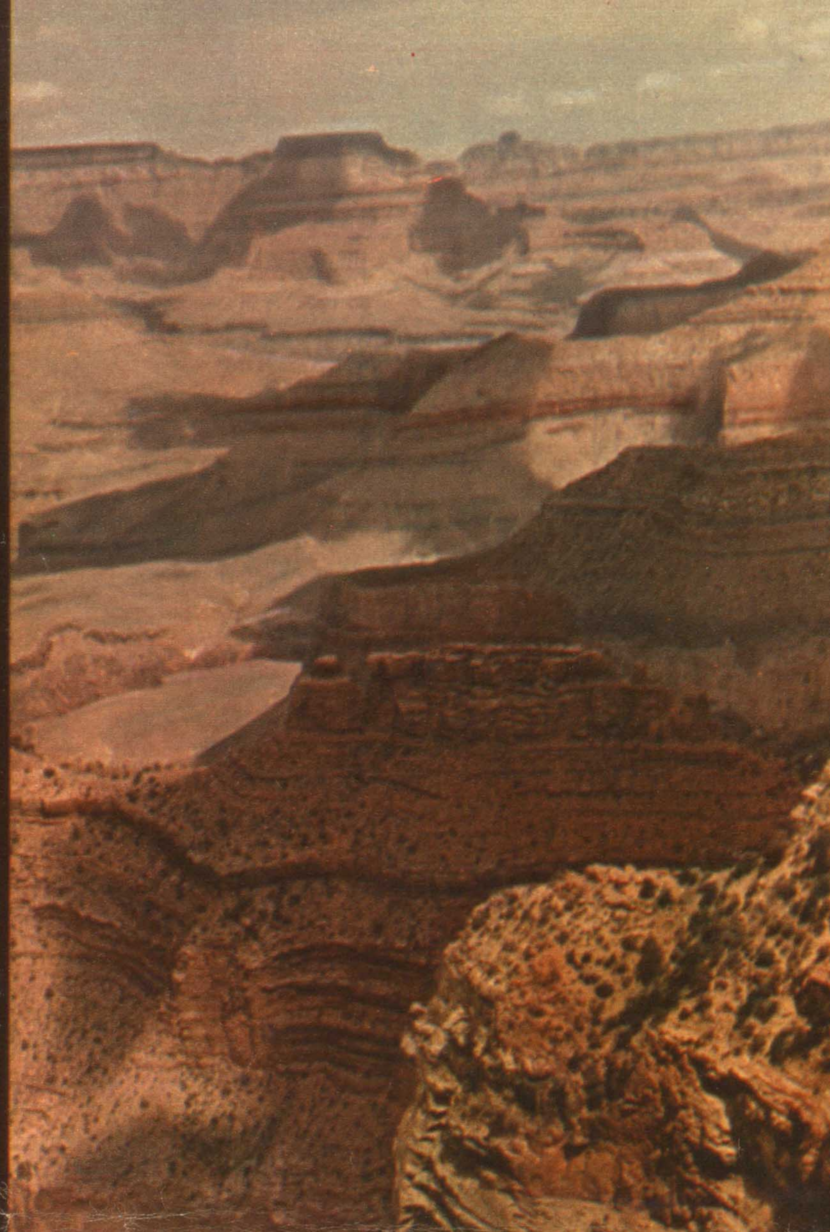
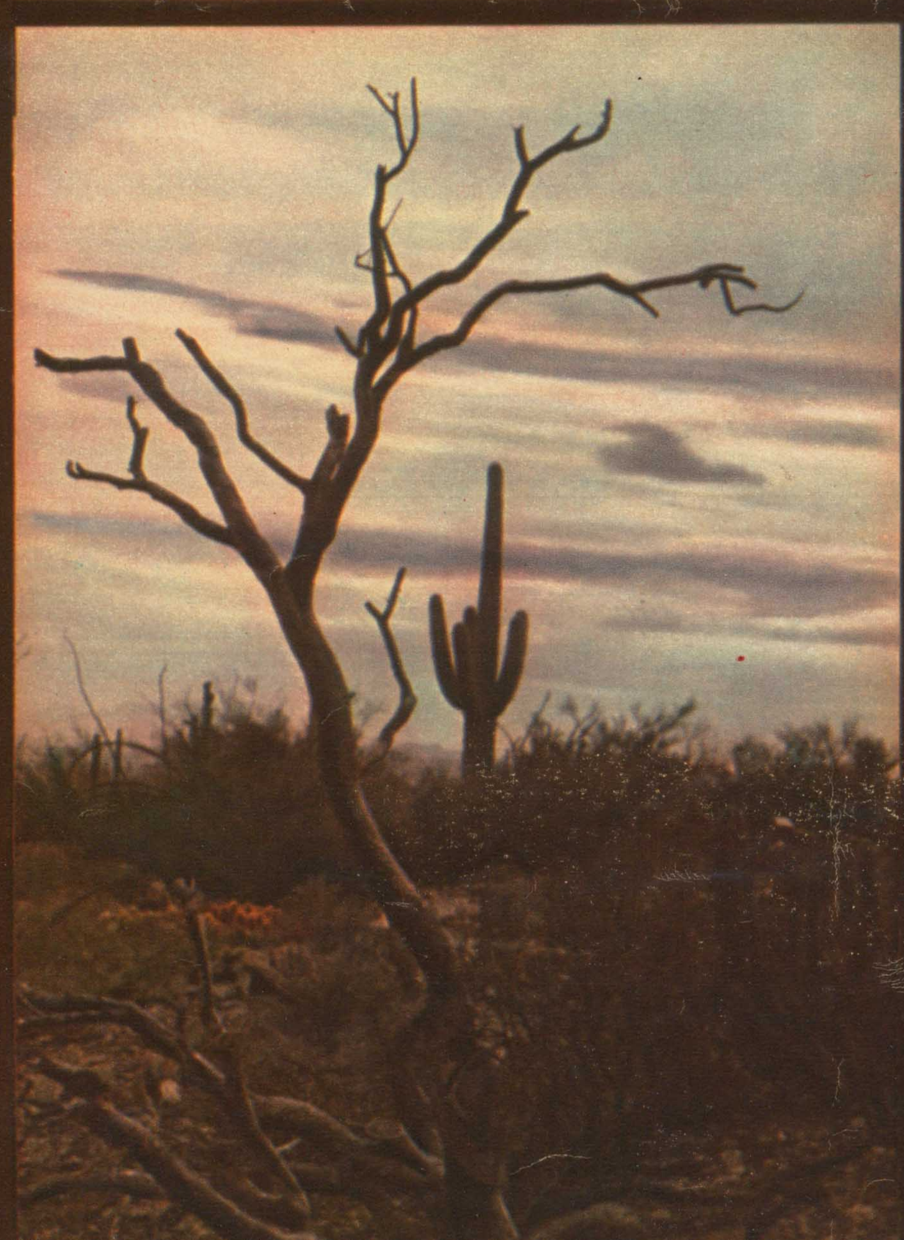
Правда, эта идея вдохновляла не всех наших собеседников. Были и такие, которые осторожно напоминали, что эта игра может оказаться рискованной...

Кончился этот наш «рабочий завтрак», как принято называть такие встречи в политических кругах, и мы вышли в дивный тропический сад, окруживший ресторан. Тихо журчал ручей, над ним склонялись усыпанные розовыми, фиолетовыми, алыми цветами ветви бугенвилей, шелестели перистые ветви пальм. Наши хозяева как-то сразу обмякли, стали приветливыми, заулыбались, словно давая понять, что служебная повинность уже отбыта и теперь уже можно пообщаться по-людски.

Профессор Асраэл, любезно вызвавшийся отвезти нас в отель на своей машине, с чувством вспоминал о своей учебе в Москве и в Ленинграде, говорил о том, что у него там осталось много друзей. Говорил, что мечтает когда-нибудь побывать в Белой Церкви, где жили его предки. А в ушах у меня все еще звучал его иной, резкий голос, которым он за полчаса до этого произносил абсурдные утверждения о том, что разрядка опасна, что она будто бы позволяет Советскому Союзу подчинять себе Африку...

И еще одна встреча, совсем не похожая на эту. Вечером за нами

Туристы ● Пейзаж Аризоны ● Чудо природы — Большой Каньон ● Сценка в парке.

CAR RADIO
Best

заехал наш друг Фред Нил, и мы помчались куда-то далеко-далеко, вдоль берега Тихого океана.

Фред Нил рассказывал о работе своего комитета по развитию советско-американских отношений, в который входят уже восемьдесят виднейших представителей бизнеса и политических кругов. Усиление нападок на разрядку, новое развитие антисоветской пропаганды, которая не брезгует самой грубой ложью ради дешевого успеха,— все это, конечно, осложняет работу комитета. И все же он продолжает действовать, поддерживая тех деятелей, которые, идя наперекор антисоветчикам, мужественно выступают за дальнейшее конструктивное развитие американо-советских отношений.

— Несмотря ни на что,— говорил Фред Нил,— американцы в массе своей за это. Они не хотят возвращения к «холодной войне». Не хочет этого, в частности, наша интеллигенция. Сейчас вы в этом убедитесь...

Он затормозил машину у обширной усадьбы, раскинувшейся у самого моря, прямо у воды. Надо быть весьма зажиточным человеком, чтобы приобрести такой завидный участок земли, которая здесь, в предместьях Лос-Анджелеса, ценится весьма дорого. Навстречу нам вышел высокий седой человек с приветливой улыбкой.

— Пол Зиффрен,— представился он. Этот шестидесятитрехлетний адвокат, представляющий интересы крупнейших кинокорпораций Голливуда, играет, как мы потом узнали, немаловажную роль и в политике.

В этот вечер он пригласил к себе на встречу с гостями из Москвы руководителей крупнейших компаний, кинорежиссеров, знаменитых артистов. В распахнутые настежь двери его гостиной, выходящие прямо на океан, врывались теплые порывы влажного соленого ветра, влетала пена с океанских волн, колебались огни зажженных на столах свечей. С некоторыми из гостей Зиффрена мы были уже давно знакомы.

Знаменитый киноартист Грегори Пек вспоминал, как в конце пятидесятых годов он приезжал в Москву на премьеру кинокартины «На берегу». Это был острый политический фильм, разоблачавший угрозу термоядерной войны. Он играл в этом фильме главную роль. Последним кадром в фильме был плакат: «Еще не поздно, братья...».

Сейчас Грегори Пек готовится сниматься в новом фильме — о генерале Дугласе Макартуре, который, как известно, хотел использовать ядерное оружие в Корее, но был отстранен от командования войсками: правительство США в последнюю минуту решило не идти на риск ядерного конфликта, который мог стать мировым,— это был острейший период «холодной войны». Что получится из этого фильма, пока сказать трудно. Кое-кто, вероятно, хотел бы, чтобы он прославил Макартура как доблестного американского генерала. Пек этой идеи отнюдь не разделяет. Но как сложится дело, покажет будущее...

Все наши беседы в этот вечер были исключительно дружественными. Зиффрен торжественно произнес проникновенную речь о важности сохранения и укрепления американо-советского сотрудничества. За весь вечер ни один из наших собеседников не сказал нам ни одного колкого слова, не задал ни одного вопроса, навеянного назойливой и всюду проникающей антисоветской пропагандой. А ведь здесь собрались люди, в сущности, весьма далекие от нашего круга идей, предпочитающие свой образ жизни и прочно связанные с чуждой нам политической и социальной системой.

О чем же это говорит? Только о том, как глубоко проникает в сознание мыслящей американской интеллигенции, в том числе и кровно связанной с крупной буржуазией, понимание необходимости мирного сосуществования и больше того — дружественного сотрудничества с нами.

О ЧЕМ ДУМАЮТ ЛЮДИ БИЗНЕСА

Американские бизнесмены, деловые люди, как их принято называть... О чем они думают сейчас, какие позиции занимают в тех спорах вокруг разрядки, которые буквально раскалывают Америку? Ну что ж, я полагаю, что будет правильно сказать, что и бизнес, как и вся Америка 1976 года, отнюдь не однороден.

Есть среди бизнесменов ярые враги мирного сосуществования, это они помогли, например, бывшему киноактеру Голливуда, ставшему впоследствии губернатором Калифорнии, Рейгану устроить, как иронично выразился обозреватель «Нью-Йорк таймс» Джеймс Рестон, «самое забавное представление в городе». «С тех пор, как Джули Эндрюс (известная певица) стала Элизой Дулитл в фильме «Моя прекрасная леди», еще не происходило столь забавного и невероятного превращения,— зло писал Рестон 5 мая.— В качестве театрального представления это самая лучшая роль, которую когда-либо играл Ронни (то есть Рейган). Но в политическом представлении, хотя Рейган и получил хорошие отзывы в Техасе и других местах, он явно побежден и даже посмешище».

Я согласен с Рестоном в оценке личных достоинств этого господина, но думаю, что рассматривать Рейгана как «явно побежденного» и даже как «посмешище» — значит недооценивать темную силу американской реакции, которая регулярно, с машинной точностью, порождает такие мрачные фигуры, как Маккарти, Голдуотер, Уоллес, а теперь вот и Рейган. Воротилы монополий, наживающие огромные капиталы на гонке вооружений, деньги на ветер не бросают, и своего Ронни они выпустили на политическую арену отнюдь не для того, чтобы полюбоваться «самым забавным представлением в городе».

Феномен Рейгана, как ранее феномен сенатора Джексона,— выразительное напоминание о том, что в недрах американского бизнеса все еще ворочаются, сотрясая политическую поверхность Америки, весьма опасные тектонические силы.

Но есть в американских деловых кругах и совершенно иные силы, действующие по-другому. Конечно, было бы наивно думать, что эти силы вдруг прониклись сочувствием к социализму и готовы бескорыстно помогать нам прокладывать путь к высотам коммунизма. Но они более трезво смотрят на современное положение в мире и приходят к выводу о том, что времена, когда можно было позволять себе открытую конфронтацию, вроде высадки американских войск во Владивостоке на помощь адмиралу Колчаку, давно миновали и уже никогда не вернутся.

Стало быть, надо действовать по-иному. Надо идти на сотрудничество с Советами. Одни связывают с этим макиавеллистические расчеты на то, что, быть может, удастся таким путем обеспечить проникновение «вируса частной инициативы» в Советский Союз, оказать влияние на «советскую технологическую элиту» и побудить ее встать на путь реставрации капитализма. Другие считают эти замыслы утопией и ахинеей и просто-напросто думают, что коль СССР ни на кого нападать не собирается и занят мирным строительством, то на деловом сотрудничестве с ним можно неплохо заработать, не нанося ущерба национальным интересам Америки.

Нам в этот раз не довелось встречаться с теми деятелями американского бизнеса, которые занимают непримиримые позиции и отказываются сотрудничать с Советским Союзом. Зато у нас было немало встреч с теми, кто выступает за взаимовыгодные связи с нами.

Вспоминается Нью-Йорк. На пятидесятом этаже в небоскребе делового центра советских гостей принимают за «деловым завтраком» Саймон Чилевич, глава торгового дома «Чилевич и сыновья», и его партнеры. Длинноволосый, седой, очень подвижный, хозяин фирмы говорит по-русски: его родители уехали из России без малого шестьдесят лет тому назад. «Чилевич и сыновья» ведут теперь обширную торговлю с Советским Союзом, их специальность — экспорт и импорт. Сам Саймон Чилевич впервые побывал в Москве в 1957 году, с тех пор прилетал к нам девяносто два раза.

— В 1957 году,— говорит он,— на встречу со мной в гостиницу «Националь» явилось всего несколько человек. В прошлом году, когда я там же устроил прием, пришло двести пятьдесят советских гостей — наша фирма заработала доверие. Вы знаете, это, может быть, покажется смешным, но я плакал от волнения...

В тот же день вечером — встреча в гостинице «Уолдорф Астория» с бизнесменами совершенно иного круга: нас принимают видный юрист Майкл Форрестол из адвокатской конторы «Ширман энд Стирлинг», ведущей дела фирм, сотрудничающих с Советским Союзом, и бизнесмен Джеймс Генри Гиффен, президент крупной корпорации «Армко интернэшнл», активно сотрудничающие с СССР в осуществлении поистине грандиозных экономических проектов.

Оба они люди еще молодые, очень динамичные, разбитные, и у каждого по-своему любопытная биография. Форрестол — сын покойного министра обороны, прославившегося в годы «холодной войны» своей неукротимой и неистребимой враждебностью к Советскому Союзу; как, вероятно, помнит читатель, под конец у него помутился разум и он покончил с собой, выбросившись из окна госпиталя с криком: «Русские танки вступают в Вашингтон!»

Папа готовил и сына к военной карьере: он дал ему соответствующее образование и устроил помощником военно-морского атташе в американском посольстве в Москве. Блестящее начало карьеры для юноши! Но Майкла она не заинтересовала. После смерти отца он ушел в бизнес.

Гиффен из семьи совершенно иного рода. Его дядя — знаменитый помощник Рузвельта Гопкинс, игравший столь важную роль в годы второй мировой войны, когда он поддерживал связь со Сталиным как доверенное лицо американского президента. «У нас в семье,— сказал Гиффен,— хранится сто пятьдесят кубических футов архива нашего дяди». Сам он этим архивом не интересуется — дела давно минувших дней...

Но вот что интереснее всего — сейчас оба эти молодых бизнесмена, хотя они происходят из семей совершенно различного круга, являются друзьями и, главное, оба убежденные сторонники делового сотрудничества с Советским Союзом.

Мы сидели весь вечер в старомодном, богато украшенном зале «Уолдорф Астории», как водится, при зажженных свечах. На эстраде неистово громыхал оркестр, способный, казалось, перекрыть рев моторов реактивного самолета, а Форрестол и Гиффен, пересиливая своими молодыми, зычными голосами эти медные вопли, говорили и говорили о том, как важно, наперекор всем чертям, сохранить разрядку и укрепить деловое сотрудничество с СССР.

Гиффен рассказывал о многообещающих связях «Армко» с нашими внешнеторговыми и промышленными ведомствами. Эта мощная корпорация готовится поставлять нам оборудование для бурения глубоких нефтяных скважин в дне Каспия — под двухсотметровым слоем воды. Техника эта дорогая, сложная, но она быстро окупится, как доказывает опыт эксплуатации залежей нефти под дном Северного моря...

И еще встречи с бизнесменами — на сей раз в Рио-Рико, в штате Аризона. Здесь проходила очередная Дартмутская конференция советских и американских деятелей. На этих конференциях, проводимых поочередно то в СССР, то в США, активно участвует, начиная с 1962 года, председатель одного из трех крупнейших банков Америки, «Чейз Манхэттен», Дэвид Рокфеллер. Регулярно участвует в них и руководитель крупнейшей корпорации «Пепсико» Кендалл.

На этот раз к ним примкнул Уильям Миллер, председатель правления еще одной весьма крупной корпорации «Текстрон» — это гигантский конгломерат фирм с большим годовым оборотом, значительную долю которого составляют сделки на производство и продажу вертолетов: корпорация выпускает полторы тысячи этих винтокрылых машин в год. «Текстрон» изготовляет и электронное оборудование, и сани с реактивными двигателями для арктических районов, и крепежный материал, и пилы для лесозаготовок — все, что угодно, на чем можно хорошо заработать.

Американцы путешествуют ● На пороге дома ● Лос-Анджелес. Беверли-Хиллз ● Тусон из окна автобуса ● Диснейленд.

Все трое — Рокфеллер, Кендалл и Миллер — были самыми прилежными и внимательными участниками встречи. Каждое утро, поиграв в теннис и поплавав в бассейне, они появлялись за ранним завтраком, одетые по последней американской моде, требующей нынче невероятной пестроты одежды.

Наскоро перекусив в кафетерии самообслуживания, мы шли на свои заседания. Рокфеллер, Кендалл и Миллер активно участвовали и в пленарных сессиях конференции, и в работе комиссий, и в выработке итогового коммюнике. Они неизменно подчеркивали свою заинтересованность в разрядке и желание развивать экономическое сотрудничество с Советским Союзом. И надо сказать, что все трое уже доказали на деле, что эти желания не ограничиваются словами.

НЕБОСКРЕБ НА ПЯТОЙ АВЕНЮ

На самой роскошной, что называется, показной улице Нью-Йорка — Пятой авеню — близ Сентрал-парка высится сравнительно недавно сооруженный небоскреб американской автомобильной корпорации «Дженерал моторс». Шестой этаж этого небоскреба арендует советская закупочная комиссия, созданная для развития деловых отношений с Америкой. Руководит ею опытный советский инженер Георгий Щукин.

Свой трудовой путь Щукин начинал когда-то на 1-м Московском часовом заводе: был начальником цеха, работал секретарем комсомольской организации. Потом его, как активного производственника, командировали в Академию внешней торговли, а в 1963 году он был послан в свою первую зарубежную командировку в Нью-Йорк. Работал успешно целых четыре года. Вернулся в Москву, был назначен на ответственный пост в Министерстве внешней торговли, а теперь вот снова в Нью-Йорке — во главе советской закупочной комиссии, объем работы в которой огромен и растет из месяца в месяц.

Над рабочим столом председателя комиссии висит портрет Ленина. Рядом на тумбочке модель автомобиля «КамАЗ» — для завода в Набережных Челнах комиссия закупила большое количество оборудования. Здесь же табличка, которую было бы недурно установить и во многих наших учреждениях на родине,— на ней только одно слово: «Думай!»

Тут, на шестом этаже чужого небоскреба, много думают, обстоятельно взвешивая все «за» и «против» по каждой готовящейся сделке. Ведь речь идет об очень крупных соглашениях — на десятки, а иногда и на сотни миллионов долларов, и крайне важно все учесть, все оценить, выбрать наилучшее и соблюсти должную выгоду для государства.

Георгий Щукин, вспоминая о том, что уже сделано за три с лишним года работы, потирает ладонью высокий лоб и немного смущенно улыбается:

— Да, начало положено неплохое. Трудно ли было? Конечно, дьявольски трудно. Вспомните хотя бы историю с торговым соглашением, которое было подписано осенью 1972 года. Нас уверяли, что сразу же вступит в силу, будет действовать принцип наибольшего благоприятствования в торговле, Государственный экспортно-импортный банк предоставит кредиты и так далее. А что получилось, сами знаете. Сенатор Джексон и его приятели по наущению противников разрядки торпедировали это соглашение, и нам пришлось начинать работу в сильно осложненной обстановке...

И что же? Выход из положения был найден благодаря тому, что американские банки и фирмы, заинтересованные в развитии экономических связей с Советским Союзом, пошли против течения и, вопреки всем возникшим сложностям, сумели обеспечить выполнение многих договоренностей, о которых шла речь в 1972 году.

Первым опытом крупномасштабного сотрудничества явилось размещение заказов для Камского комплекса заводов по производству большегрузных автомобилей,— комиссия заключила 121 контракт с крупнейшими американскими фирмами, которые не только с радостью согласились поставить нам оборудование, но и пригласили советских людей познакомиться с тем, как оборудование подобного типа работает на их собственных предприятиях. В Соединенные Штаты с этой целью было направлено семьсот наших специалистов и рабочих. Сто двадцать человек изучали процесс литья на заводе «Пульман Суиндел» в Питсбурге, большие группы наших людей поработали в Детройте на заводе «Саттер», где изготовляются стержни для литья, и на предприятии в Кливленде, где используются такие же автоматические линии для формовки литья и такая же монорельсовая система для подачи расплавленного металла, какие закуплены для КамАЗа.

Между прочим, когда русские специалисты приехали в Кливленд, они увидели там вывешенный рабочими плакат с красноречивой надписью, говорящей о многом: «Спасибо русским, которые дали нам работу и хлеб». Не следует забывать, что наши заказы размещались среди американских фирм в разгаре экономического кризиса, вызвавшего резкое падение занятости.

А заказы эти, даже по американским масштабам, были немалые. Напомню, к примеру, что литейный завод КамАЗа, спроектированный по последнему слову техники американскими и советскими специалистами и оснащаемый теперь самым современным американским оборудованием, будет давать 550 тысяч тонн готового литья в год — это самый крупный в мире завод такого типа. Пока что самый крупный литейный завод для производства автомобилей у Форда, но он дает на 100 тысяч тонн литья меньше.

— Ну вот,— сказал товарищ Щукин, пододвигая поближе объемистые папки, лежавшие на краю стола,— а теперь мы занимаемся размещением контрактов на осуществление новой сделки, которую американские газеты прозвали «контрактом века». Вы слыхали, конечно, о заключении соглашения с компанией «Оксидентал петролеум» о строительстве группы огромных химических заводов в районе города Тольятти и о сопряженных с этим проектах. Общий объем этой сделки, выполнение которой рассчитано на двадцать лет, составит двадцать миллиардов долларов. Двадцать миллиардов. Это большая сумма...

О «контракте века» уже писали и наши газеты. Все же я напомню о некоторых его деталях. Американские фирмы поставят нам оборудование для строительства группы мощных аммиачных заводов — аммиак будут здесь получать из природного газа. Стоимость оборудования, которое уже закуплено у компании «Кемико», будет возмещена частью продукции этих заводов, когда они вступят в строй. Но это еще не все. Предполагается, что в дальнейшем мы будем продавать аммиак американцам, которые в нем нуждаются для удобрения своих полей, а мы в обмен на этот аммиак будем получать у них суперфосфорную кислоту, которая нужна для наших полей.

В этой связи уже проектируется грандиозная система доставки этих химических товаров из СССР в США и из США в СССР. Из Тольятти в Одессу и Вентспилс — порт на Балтике будут проложены крупнейшие и самые длинные в мире аммиакопроводы. Трубы будут прокатывать из специального сплава, на который аммиак бессилен оказывать свое коррозирующее воздействие. Из такого же специального сплава американские фирмы соорудят по нашему заказу насосы и компрессоры, которые по трубопроводу будут перекачивать аммиак.

В Одессе и Вентспилсе предстоит построить специальные склады для хранения аммиака до отправки в США и фосфорной кислоты, которая будет прибывать оттуда. Но и это еще не все: предстоит быстро спроектировать и построить особый танкерный флот, который в одном направлении будет везти через Атлантику аммиак, а в другом — суперфосфорную кислоту. И самое главное — все это предстоит сделать очень быстро: взаимные поставки должны начаться уже в 1978 году.

Любопытная деталь советско-американских торговых отношений: мы в Нью-Йорке не только покупатели, но и продавцы. Американские бизнесмены, знающие толк в технике, все охотнее и все в большем количестве закупают сейчас у нас не только сырье, но и оборудование — примерно на три с половиной — четыре миллиона долларов в год.

— Это не так уж много,— замечает Георгий Щукин,— но, как говорится, лиха беда — начало. Чем дальше, тем больше наш экономический обмен будет становиться уравновешенным...

Расширению советско-американского делового сотрудничества помогает Советско-американский торгово-экономический совет — своего рода общественная организация, во главе которой стоят председатель американской корпорации «Пепсико» Дональд Кендалл и заместитель министра внешней торговли Советского Союза В. С. Алхимов.

Рабочим руководителем этого совета — его президентом — в Соединенных Штатах является Гарольд Скотт, а в Советском Союзе отделением совета руководит его вице-президент М. Н. Грибков. Совет помогает американским бизнесменам и представителям советских организаций устанавливать рабочие контакты, представляет в их распоряжение необходимую информацию, организует промышленные выставки...

— У нас нет недостатка в предложениях с американской стороны,— говорит, улыбаясь, председатель советской закупочной комиссии.— Вот, поглядите...— И он достал из стола груду отлично переплетенных, с золотым тиснением, напечатанных на русском языке объемистых заявок торговых фирм, предлагающих самые разнообразные проекты, в которых они заинтересованы.— Стало быть, возможности сотрудничества здесь большие. Важно лишь, чтобы конгресс перестал тормозить это сотрудничество и создал нормальные основы для торговли — мы должны получить наконец принцип наибольшего благоприятствования в торговле и нормальные кредиты без всякой дискриминации. Американцы в этом заинтересованы не меньше нас...

* * *

Да, сложна, очень сложна и необычайно пестра реальность Америки 1976 года. В круговороте кипучей политической активности, подогретой к тому же предвыборной лихорадкой, непрерывно сталкиваются прямо противоположные тенденции: за разрядку и против разрядки; за сокращение военных расходов и против их сокращения; за дальнейшую нормализацию отношений с Советским Союзом, начатую в 1972 году, и против этой нормализации.

Налицо объективная возможность для того, чтобы процесс разрядки протекал нормально, без лишних осложнений и препятствий, носящих чаще всего искусственный характер. Но нельзя сбрасывать со счетов и все еще сильно действующий субъективный фактор — упорное и злобное сопротивление разрядке со стороны все еще весьма мощных сил, которым куда больше по душе привычный им климат «холодной войны».

Разумным, мыслящим трезво и реалистично американцам предстоит сделать еще очень многое, чтобы преодолеть сопротивление этих сил. Но уже то, что мы увидели и узнали в этой поездке, вселяет надежду на лучшее. И очень хорошо сказал об этом инициатор и бессменный организатор регулярных встреч между представителями американской и советской общественности, редактор журнала «Сатердей ревью» Норман Казэнс в последний вечер нашего пребывания в Рио-Рико, когда мы расставались:

— Человечество делится на тех, кто мрачно и безнадежно глядит на все окружающее, не надеясь на конструктивное изменение вещей, и на тех, кто всегда надеется на лучшее. Мы с вами принадлежим к этой второй половине человечества.

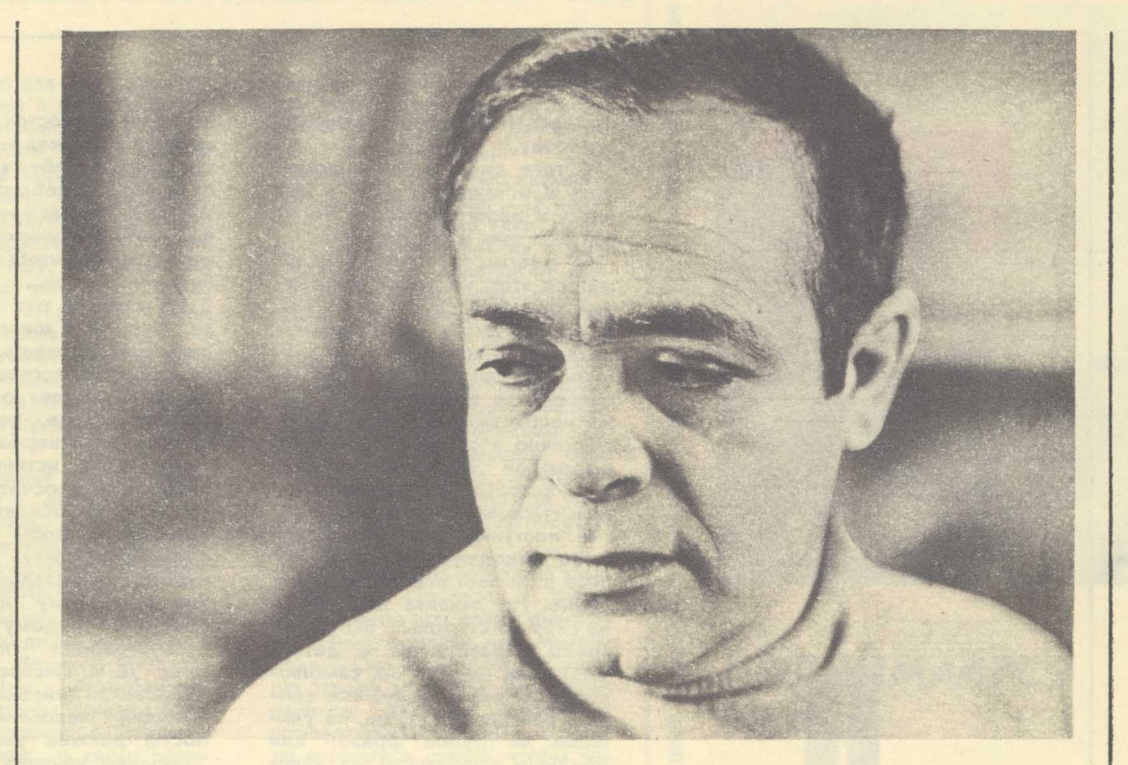
Хочу сказать вам,— продолжал он, обращаясь к советским представителям,— что и здесь, в Америке, мы делимся вовсе не на республиканцев и демократов, а на тех, кто утратил надежду на лучшее будущее, и на тех, кто верит в это лучшее будущее. Я принадлежу к партии надежды, и партия эта, уверяю вас, растет и будет расти.

Порукой тому — наши регулярные встречи, представляющие собой уникальный в своем роде мощный завод, вырабатывающий надежду, этот самый лучший на свете продукт творческого общения людей!

Ну что ж, я думаю, что все мы с этим согласны.

Нью-Йорк — Рио-Рико — Вашингтон — Лос-Анджелес — Нью-Йорк — Москва, май — июнь 1976 года.

Георгий **МДИВАНИ**

ГЕРОИ ИМРАНА КАСУМОВА

Всегда интересны встречи с Имраном Касумовым, происходят ли они на страницах его прозаических произведений или на театральной сцене, кинематографическом либо телевизионном экране, на страницах газет, журналов или на трибуне больших литературных форумов, наконец, просто с глазу на глаз. Эти встречи запоминаются надолго потому, что яркое художественное и публицистическое дарование писателя обогащает новизной взгляда на жизнь, на людей, на события.

Имран Касумов умеет смотреть на мир по-новому, делая порою неожиданные, но предельно точные о нем выводы.

В литературу Касумов пришел еще до войны и с тех пор прошел большой путь. Десять пьес, повести и рассказы, два романа, созданных в соавторстве со старым его другом азербайджанским писателем Гасаном Сеидбейли, множество сценариев, глубоких статей, исследований, очерков, эссе... Он работает в самых разных жанрах, великолепно владея и прозой и сценическим письмом. Если же вникнуть в существо всех этих, разных по внешним признакам произведений, легко установить, что в совокупности они объединены горячей влюбленностью автора в нашу действительность, в великие свершения людей труда, в их нравственное богатство. О чем бы ни писал Касумов — о бакинских нефтяниках (а им он посвятил большую часть своего творчества); повесть об отважной азербайджанке, участнице борьбы против фашизма в Испании, погибшей затем в рядах бойцов французского Сопротивления; трогательное эссе о бакинском периоде творчества Есенина; документальный фильм о своем земляке, знаменитом спортсмене,— он всегда остается драматургом в широком значении этого слова, находя острую конфликтную ситуацию, сосредоточивая вокруг конфликта противоборствующие в потоке жизни мысли и поступки героев, утверждая высокий коммунистический идеал в схватках непримиримой классовой борьбы.

Особенно наглядно это проявляется в сценических произведениях Имрана Касумова. Они пронизаны духом истинного новаторства, которое заключается не в формальных поисках, не в том, чтобы играть спектакль в декорациях или без декораций, одеть героев в костюмы своей эпохи или нарядить их в джинсы и куртки. Новаторство — всегда в идейной и художественной сути пьесы и спектакля, в их содержании. Верный принципам подлинного новаторства, писатель, воспевая героику трудового народа, ищет — и с успехом находит! — и новое содержание и новые формы современной драматургии. Сама жизнь его героев немыслима ни в каком другом социальном обществе, кроме нашего, советского. А ведь не секрет, что некоторые современные пьесы могут быть легко приспособлены к постановке на сценах театров любой страны, независимо от ее общественного строя. В подобных пьесах часто нет идейного адреса — основного условия для создания художественного произведения. Пьесы Касумова «Заря над Каспием», «Зачем ты живешь», «Человек бросает якорь», «Мы так недолго живем», «Начало сказки», «Шире круг» открыто тенденциозны. Автор не скрывает желания сообщить зрителю о своих политических воззрениях. Именно идейная тенденциозность (надо ли уточнять, что коль скоро мы говорим о художнике, то непременно подразумеваем и мастерство художника) сделала Касумова одним из популярнейших современных драматургов.

Имран Касумов суров к себе. В своих произведениях он стремится сказать сокровенное слово, которое западет в читательскую душу, слово, способное облагородить человека; рождая желание подражать герою.

Сколько нареканий претерпела эта мысль — «желание подражать герою». Но она полна высокого смысла, она определяет впечатляющую силу образов Имрана Касумова. С ними не расстаешься после прочтения книги, окончания спектакля или фильма: они остаются жить в душе, как добрые наши знакомые. Да и как иначе относиться к ним, если они являются обобщенными образами реальных людей. Таков Рамиз из пьесы «Человек бросает якорь» — инженер, который пришел работать в море во главе рабочей бригады, до него возглавляемой погибшим в ураганную ночь молодым мастером Джавадом... В пьесе «Шире круг» медсестра Аля — характерный, типический образ, живое воплощение душевной красоты советских женщин с их нелегкой военной и послевоенной судьбой... Таков и герой романа «На дальних берегах» (написанного в содружестве с уже упомянутым Гасаном Сеидбейли, переведенного и на десятки языков народов СССР и на иностранные языки, а впоследствии инсценированного и экранизированного) — легендарный разведчик итало-югославских партизанских соединений Мехти Гусейнзаде, действовавший под кличкой «Михайло» на побережье Адриатического моря,— реальное лицо, бакинский языковед.

Я видел толпы молодых людей у монумента посмертно удостоенного звания Героя Советского Союза Мехти Гусейнзаде в Баку; подножие памятника всегда утопает в цветах.

Всемирно известными стали документально-художественные киноэпопеи, созданные Имраном Касумовым вместе с Романом Карменом: «Повесть о нефтяниках Каспия» и «Покорители моря»...

...Сегодня, когда возникли деловые связи между государствами с разным общественным строем, идеологическая борьба усложняется, как никогда. Буржуазная идеология весьма охотно предлагает сегодня — в частности и театральному искусству — свои рецепты, чтобы отвлечь внимание зрителя от самых насущных проблем и, напротив, привлечь его только к забавным, бессодержательным сюжетам.

Позиция Имрана Касумова не знает никаких уступок. Еще одно тому свидетельство — его дилогия «Французский гобелен» и «Итальянская мозаика», вызвавшая жгучий интерес широтою кругозора, точностью разговора о политических, идейных и художественных проблемах века.

В творческом облике Имрана Касумова органически сочетаются художник и общественный деятель. В своих выступлениях он всегда отстаивает принципы гуманизма, партийности и народности литературы. Неразрывные узы связывают писателя с его современниками: бакинскими рабочими, тружениками азербайджанских хлопковых полей и виноградников, учеными, воинами, молодежью.

Бывая в Азербайджане, беседуя с людьми самых различных возрастов и профессий, я неизменно слышу слова: «Имран Касумов? Он наша гордость!» Эта высшая оценка заслужена щедростью души художника, полнотой творческой самоотдачи.

Я мысленно всматриваюсь, думая об Имране Касумове, в те давние уже дни, когда он, совсем еще молодой, начинающий писатель, успешно входил в литературу. Ныне он вырос, стал одним из видных общественных деятелей нашей страны. Он член ЦК Компартии Азербайджана, руководитель литературной организации республики, секретарь правления Союза писателей СССР, делегат XXV съезда партии.

Партийная убежденность, характерная для творчества Имрана Касумова, умение держать руку на пульсе жизни позволяют надеяться, что писатель подарит нам еще много произведений, достойных нашего времени.

заметки педагога

Игорь ДРУЖИНИН

КАК СЛОВО Н
ОТЗОВЕТ

После уроков в школьном вестибюле меня остановил отец моей воспитанницы Валентин Петрович, ведущий инженер большого машиностроительного завода, эрудированный, начитанный человек, интересный и остроумный собеседник. На этот раз вид у него был расстроенный.

— Я к вам за советом. Не знаю, что с моей Машей приключилось. Будто подменили дочь. Смотрит на меня враждебно, не разговаривает уже который день. Начинаю расспрашивать, отвечает с рывка. Какая причина, не пойму. И матери ни слова не говорит. А ведь у нас были с ней очень хорошие, дружеские отношения. Маша делилась своими планами, много рассказывала о школе. Мы могли целыми вечерами спорить о книгах, о театральных постановках. И вдруг — как чужие. Чувствую себя бессильным перед ее молчанием. Может, вы поможете? Может, подскажете, что делать?

Только весной, перед самым выпуском, удалось мне узнать, отчего произошла размолвка Маши с отцом. Валентин Петрович возвращался домой и на лестничной площадке увидел дочь с группой ее одноклассников. То ли Валентин Петрович был чем-то расстроен, то ли слишком шумела молодежь, но он сказал резко и категорично: «Мария! Сейчас же домой! Нечего стены в подъезде обтирать!»

Казалось бы, что тут такого? Стоило ли обижаться на отцовское слово, пусть даже и суровое? Но среди юношей на площадке был тот, который нравился Маше. А может быть, и больше, чем нравился. И он засмеялся первый...

Девушка, еле сдерживая слезы, поднялась к себе. Гнев и возмущение переполняли ее: как мог отец, такой чуткий, умный и внимательный, как он мог так оскорбить и унизить ее при всех! Словно маленькую девчонку...

С того дня что-то надломилось в отношениях отца и дочери, и нелегок, ох, как нелегок был путь к примирению.

О многом заставляет задуматься этот, не такой уж редкий случай. В самом деле, мы, взрослые, очень часто говорим детям о необходимости уважать старших. Спору нет — требование закономерное. Даже необходимое. Мы очень болезненно и остро воспринимаем любой бестактный поступок, который оскорбляет людей старшего поколения, а такие поступки, увы, совершает наша молодежь. Это справедливо вызывает всеобщее осуждение. Но давайте посмотрим на себя со стороны... Всегда ли мы-то справедливы к детям, умеем ли щадить их самолюбие, выбираем ли нужные слова в разговоре с ними, не унижаем ли грубой фразой или обидным прозвищем их человеческое достоинство?

— Она у меня такая неспособная,— жалуется по телефону мать своей подруге.— Ну, просто дура!

Нет, конечно, мать ничего плохого не хотела сказать про свою десятилетнюю Наташу. Ей хочется, чтобы дочь побыстрее соображала и оценки из школы приносила получше. Но в сознании девочки остаются слова «неспособная», «просто дура», и так как они повторяются довольно часто, то постепенно Наташа проникается убеждением, что выше «тройки» ей никогда оценки не получить. «Я такая неспособная,— со всей серьезностью повторяет она учительнице через некоторое время.— И напрасно вы со мной бьетесь. Ничего из меня не получится!»

Мне никогда не забыть, как в бытность мою старшим воспитателем школы-интерната я всю ночь разыскивал сбежавшего из группы двенадцатилетнего Мишу. У одной из воспитательниц пропал шарфик. Она узнала, что в учительскую заходил Миша, и обвинила мальчика: «Ты взял!» И пусть не прозвучало слово «вор», но все-таки это было обвинение в краже, подросток не мог его вынести и сбежал — поскорее в деревню, к бабушке. Мы вернули его с Витебского вокзала. Шарфик нашелся — он упал за батарею. А в учительскую Миша заходил, чтобы позвонить больной матери...

Да, сколько раз за тридцать лет работы в школе приходилось мне убеждаться в словах В. А. Сухомлинского: «Ничто так не огрубляет юное человеческое сердце, не ожесточает его, как оскорбление». Забвение этой истины ведет к серьезным просчетам в воспитании. И не обязательно быть педагогом, чтобы действовать сообразно такту. Деликатное, чуткое, внимательное отношение к ребенку должно быть присуще каждому взрослому.

Выдающийся критик-демократ Д. И. Писарев говорил: «Человек, действительно уважающий человеческую личность, должен уважать ее в ...ребенке, начиная с той минуты, когда ребенок почувствовал свое «я» и отделил себя от окружающего мира».

Педагогический такт — понятие очень емкое и многогранное. В нем и умение найти ключ к сердцу ребенка, и понимание его психологии, и верная манера поведения с детьми. И в то же время нельзя представить правильное воспитание юной смены без умного, тактичного слова взрослого. Мудрое сочетание строгости и доброты — непременное условие действенности этогс слова — слова, которое может окрылить ребенка, заставит его поверить в свои силы.

Ученик задумался над решением сложной задачи. На какое-то мгновение верх взяла мысль: «Не справиться мне...» Он уже готов в отчаянии отодвинуть тетрадь, но подошедший учитель, угадав настроение мальчика, говорит ему: «Ты сможешь! Я уверен, что ты сможешь найти правильный ответ». И ученик решительно берется за карандаш, он должен оправдать это доверие, должен сам себе доказать: «Смогу!»

...Вижу в классе себя за учительским столом. В руках журнал пятого «А». Я начинаю первый в жизни урок. Целую неделю я сидел над конспектом. Подбирал предложения. Продумывал задания. Явился в школу задолго до звонка и заранее развесил грамматические таблицы. Казалось бы, предусмотрено все до мелочей. Но голос мой то и дело срывается, глаза застилает туманом, и даже обыкновенное слово «путешественники» я не могу от волнения сразу написать на доске. Я посматриваю непрестанно на часы, но стрелки словно застыли. А у меня в голове одна мысль: «Скорее бы звонок!» И где-то подсознательно ощущение провала и безнадежности: «Не получится из меня педагог, не получится!»

Поглядываю искоса на последнюю парту, где сидит завуч — старая, опытная словесница Глафира Васильевна Кузьмичева. Мне стыдно перед ней: ведь это она настояла на том, чтобы меня назначили в школу, лучшую в городе, а я так опозорился. Я хочу увидеть ее лицо, но Глафира Васильевна наклонилась и что-то пишет в свою тетрадочку. «Составляет перечень моих грехов и ляпсусов»,— в отчаянии думаю я.

Звонок выплескивает в коридор живую ребячью волну. Мы остаемся в классе вдвоем. С замиранием сердца я жду приговора. Но то, что услышал, поразило и потрясло меня. Глафира Васильевна ни словом не заикнулась о недостатках (а они были, и в преогромном количестве!), она говорила только о хорошем на моем уроке. Говорила с такой теплотой и лаской, что я едва сдержал слезы: глубокая, искренняя забота чувствовалась в обстоятельном, добром разборе урока начинающего педагога. И уходили прочь сомнения: «Может, не ту я выбрал себе профессию?» И хотелось, чтоб скорее наступило завтра — снова встретиться с пятиклассниками!

Нет, не будет преувеличением, если скажу: в тот день я впервые по-настоящему осо-

знал, что нет и не может быть для меня иной дороги, чем учительская тернистая дорога...

А как помогает умное слово старших воспитать у детей любовь к Родине! Русская песня, сказки и былины, рассказы бабушек и дедушек, отцов и матерей входят в душу ребенка задолго до того дня, когда перед ним раскроется книга. Пожалуй, каждый из нас мог бы сказать о себе стихами Александра Прокофьева:

Я знаю Россию по сказам,
Которые с детства слыхал,
В которых ни разу, ни разу
Великий народ не солгал...

Кому, как не нам, передать подрастающему поколению красоту родной речи, гордость за подвиги достойных сынов народа, стремление посвятить Отчизне «души прекрасные порывы». Каждое разумное и доброе слово взрослого дает чудесные всходы в сердце наших детей, отзывается в их судьбе хорошими и честными делами.

...Мой фронтовой товарищ Владимир Родин каждый свой отпуск проводил с сыновьями,

...АШЕ ...СЯ...

путешествуя по рекам Псковщины. Они плыли по лесным протокам, по извилистым луговым речкам, ночевали под открытым небом. Быт был неприхотлив, в дорогу брали самое необходимое, нередко лодку тащили волоком, и погода не всегда баловала, но испытания закаляли мальчишек. А главное — в пути всегда сопровождал их увлекательный рассказ отца о прошлом и настоящем псковского края, о героической борьбе партизан против фашистских захватчиков; о кропотливом и благородном труде хлеборобов и льноводов. Становились такими понятными названия старорусских деревень: Топоры, Засеки, Малинки — и прочитанные ночью у костра отцовские бесхитростные стихи:

И на душе моей светло,
Уйдет и грусть и боль,
Лишь вспомнишь тихое село
Над речкою Алоль...

Крепкая дружба между «отцами» и «детьми» зарождается в таких походах и поездках. Вот что пишет в своем сочинении восьмиклассник Юрий Яковлев: «Мой отец храбро сражался на кораблях Ладожской флотилии, бил фашистов под Невской Дубровкой, водил в атаки моряков. И я очень благодарен ему, что летом он меня провел по тем местам, где воевал. И раньше отец много рассказывал о себе, о своей фронтовой юности, и на Ладоге я столько услыхал от него, что мне теперь никогда не забыть его рассказы, никогда!»

Ни одна семья не похожа на другую, но в каждой, ручаюсь, взрослые смогут найти для детей нужное слово, такое, чтобы осталось в юном сердце навсегда.

Мне не забыть, как в нашей школе проходили встречи с участниками Великой Отечественной войны. Фронтовики, боевые ветераны пришли рассказать молодежи о трудном пути к Победе, о своих друзьях-однополчанах. Вместе с их воспоминаниями в зал словно ворвался горячий, пахнущий порохом ветер войны.

Вполне естественно, что юноши и девушки стали пристальней и внимательней приглядываться к людям, прошедшим через войну, учились видеть за внешне неприметным истинную — героическую — суть человека. Именно поэтому многие школьники обратились к биографиям своих близких — участников Великой Отечественной войны.

«Самые глубокие следы в моей памяти оставили рассказы отца,— писал в своем сочинении комсомолец Александр Соколов.— Он родился в небольшом поселке в Калининской области. Когда началась война, ушел на фронт добровольцем. Был простым рядовым, наводчиком-артиллеристом, но воинский путь его был славен. Со своим орудием он дошел почти что до Берлина. В одном из боев был тяжело ранен. Врачам большого труда стоило спасти руку от ампутации.

Когда отец рассказывал о войне, мне казалось, что это на меня ползут вражеские танки, что это мне нужно во что бы то ни стало удержать высоту...

Фронтовая дружба отца не прерывается и сейчас. Однажды он вернулся с родительского собрания в приподнятом настроении. Оказалось, что он встретил своего боевого друга, с которым у одного орудия прошел всю войну. Это был Анатолий Петрович Кургин, отец моего товарища, с которым мы учились в одном классе. Анатолий Петрович остался служить в армии и в наши дни обучает молодых солдат мастерству артиллериста. Мой отец избрал другую дорогу. Он стал кораблестроителем.

Прекрасна жизнь моего отца и его фронтовых друзей, хотя много испытаний, лишений и бед выпало на их долю. Но они по праву гордятся своей судьбой, а я, глядя на них, учусь умению дружить и трудиться, учусь любить нашу Родину».

О своем дедушке, с честью прошедшем ратный путь от Ленинграда до Берлина, а затем участвовавшем в разгроме империалистической Японии, с огромным уважением пишет Галя Антонова: «Он все отдал для победы над врагом и, если бы нужно было,— без колебания отдал и жизнь!»

А вот что рассказывает Людмила Воронова: «...У меня в комнате на стене висит портрет молодого человека в летной форме со Звездой на груди. Этот портрет моего дяди — Героя Советского Союза Виктора Федоровича Воронова — подарили ребята Зилупской средней школы, которая носит его имя. Он храбро сражался с фашистскими стервятниками. Погиб он в воздушном бою 12 июля 1944 года. В латвийском городке Зилупе, где упал его самолет, поставлен ему памятник».

«Моя мама не ходила в разведку, не держала в руках винтовку, но все равно она была в бою,— пишет Аня Михайлова.— Она дежурила на крыше завода во время вражеских налетов, тушила зажигалки, перевязывала раненых, а после вставала к станку, чтобы готовить мины для фронта. Впрочем, фронт был везде».

Иногда встреча с боевым прошлым родителей определяет и жизненное призвание старшеклассников. Свидетельство тому — сочинение Сергея Петрова:

«До поездки в гвардейскую часть, где служил мой отец, я никогда не думал о том, чтобы стать военным. Но этот вечер фронтовиков-ветеранов словно перевернул мою судьбу. Я видел, как плачут от радости свидания бывалые гвардейцы, не раз глядевшие смерти в глаза. Я слышал их воспоминания, с которыми не сравнится никакая книга о войне, никакой фильм.

Я никогда не забуду молодых бойцов, что стояли в почетном карауле у гвардейского знамени. Сколько достоинства, сколько гордости за свой боевой стяг на лицах солдат. И конечно же, поразил меня Музей гвардейской славы. Среди многих памятных экспонатов я увидел в витрине под стеклом комсомольский билет. С фотографии смотрит юный улыбающийся паренек. А на билет будто алую краску пролили. Алая кровь бойца. Большое и смелое сердце было у солдата: ведь комсомольский билет носят у сердца. В тот день я твердо решил подать заявление в военное училище, чтобы навсегда связать свою судьбу с Советской Армией, которая призвана стоять на страже мира и труда».

Подобные уроки мужества воспитывают в молодежи высокую гражданственность, патриотизм, сознание ответственности за судьбу своей Родины. Эти встречи побуждают и к практическим действиям, к конкретным общественно полезным делам.

Да, тактичность и чуткость по отношению к детям неотделимы от воспитания в них чувства ответственности, гражданственности, патриотизма. Растить активных, сознательных, убежденных строителей коммунизма — вот генеральная линия советской педагогики. И от того, как слово наше отзовется в сердцах детей, во многом зависит будущее страны.

Ленинград.

ПОДНИМАЕТСЯ ГОРОД

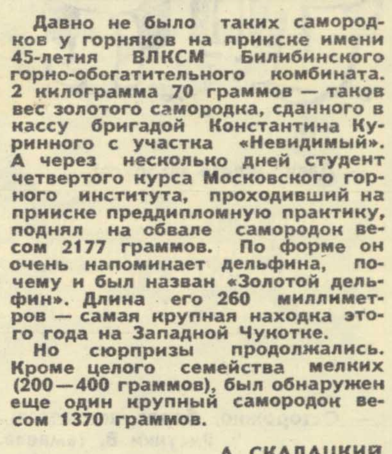
Бетпак-Дала пробуждается. В полынно-солончаковых низовьях реки Сарысу, там, где начинается Северная Голодная степь, создается Жайремский горно-обогатительный комбинат: в барханных песках поднимается новый город.

«Ускорить освоение Жайремской группы месторождений полиметаллических руд» — так записано в «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976 — 1980 годы». В первом году десятой пятилетки здесь, в степи, в строй действующих вступает рудник комбината.

М. УЧЕНИК

Джезказган.

Пробуждается Бетпак-Дала.
Фото Г. Ячменева.

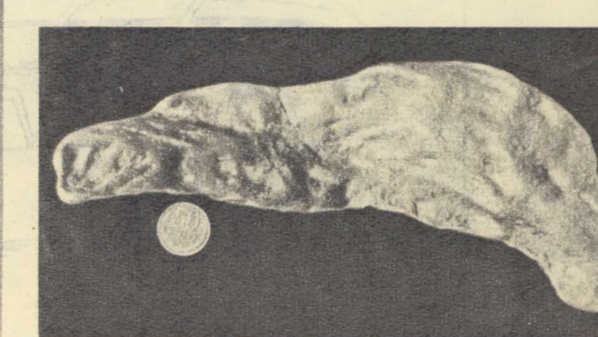
«ЗОЛОТОЙ ДЕЛЬФИН»

Давно не было таких самородков у горняков на прииске имени 45-летия ВЛКСМ Билибинского горно-обогатительного комбината. 2 килограмма 70 граммов — таков вес золотого самородка, сданного в кассу бригадой Константина Куринного с участка «Невидимый». А через несколько дней студент четвертого курса Московского горного института, проходивший на прииске преддипломную практику, поднял на обвале самородок весом 2177 граммов. По форме он очень напоминает дельфина, почему и был назван «Золотой дельфин». Длина его 260 миллиметров — самая крупная находка этого года на Западной Чукотке.

Но сюрпризы продолжались. Кроме целого семейства мелких (200—400 граммов), был обнаружен еще один крупный самородок весом 1370 граммов.

А. СКАЛАЦКИЙ
Фото автора.

Билибино,
Магаданской области.

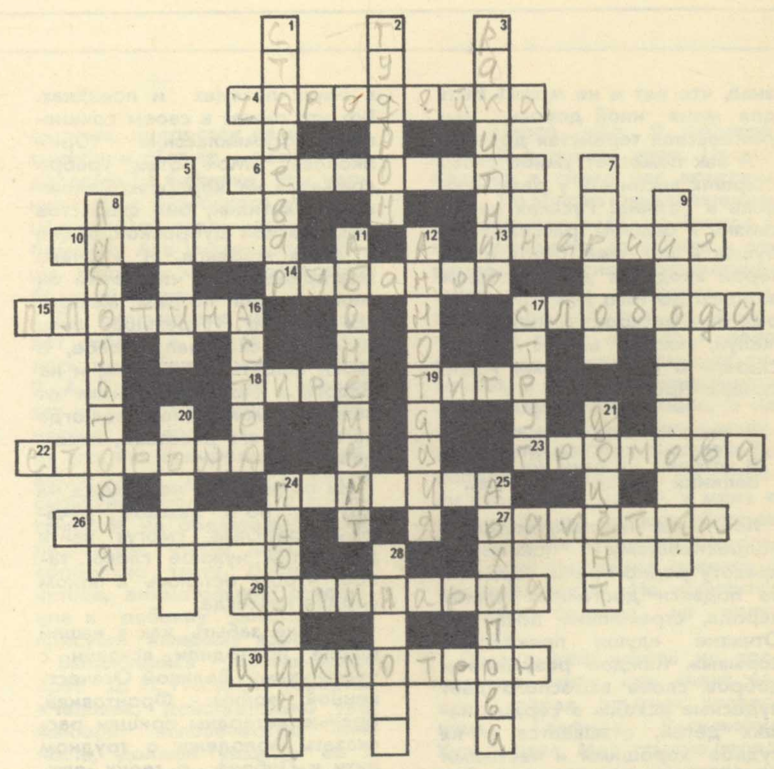
— Это бюро добрых услуг! Запишите условия задачи...
Рисунок Б. Боссарта.

— А ты все по старинке пьешь...

Замаскировался.

— Давно ждете автобуса!

— Осторожно, берег кончается!..
Рисунки В. Тамаева.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Опера П. И. Чайковского. 6. Медицинский прибор. 10. Пьеса Шоу. 13. Свойство тел сохранять состояние покоя или движения. 14. Столярный инструмент. 15. Гидротехническое сооружение. 17. Поселение в Древней Руси. 18. Знак препинания. 19. Хищное животное. 22. Отрезок прямой, ограничивающий геометрическую фигуру. 23. Персонаж романа А. А. Фадеева «Молодая гвардия». 24. Река в Камчатской области. 26. Спутник планеты Уран. 27. Спортивный инвентарь теннисиста. 29. Искусство приготовления пищи. 30. Ускоритель заряженных частиц.

По вертикали: 1. Специалист металлургической промышленности. 2. Материал для дорожных покрытий. 3. Ивовый кустарник. 5. Химический элемент. 7. Каменноугольный период. 8. Помещение для научных опытов и исследований. 9. Птица семейства утиных. 11. Документ, дающий право пользоваться местом в театре, на стадионе. 12. Краткая характеристика книги. 16. Цветок. 17. Старинное русское судно. 20. Город в Ферганской области Узбекистана. 21. Ученое звание. 24. Плотная ткань. 25. Солистка Большого театра, народная артистка СССР. 28. Морская промысловая рыба.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 35

По горизонтали: 5. Тарантелла. 8. Гиацинт. 9. Бутафор. 11. Евле. 13. Реклама. 15. «Апостол». 17. Бештау. 19. «Кружевница». 22. Орисса. 25. Радикал. 27. Калория. 28. Гете. 29. Куросио. 30. Сюрприз. 31. Калифорний.

По вертикали: 1. Статика. 2. Рулетка. 3. Кантеле. 4. Вербена. 6. Диплом. 7. Боксер. 10. Гектограф. 12. Полковник. 14. Моркока. 16. Петарда. 17. Бруно. 18. Улита. 20. Эпикур. 21. Япония. 23. Рагозин. 24. Слесарь. 26. Лесгафт. 27. Картинг.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Ансамбль «Вычегодские зори» Котласского целлюлозно-бумажного комбината.
Фото М. Савина.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В Тувинской АССР много полезных ископаемых. Там работают геологи. Большую помощь им оказывает гражданская авиация: самолеты забрасывают отряды в труднодоступные места, доставляют продовольствие, оборудование. На снимке: геологи прибыли на новую базу в долине реки Балыктыг-Хем. Фото Ю. Лунькова (гор. Москва. На фотоконкурс).

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

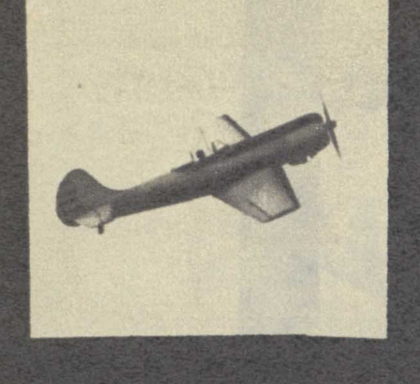
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 16/VIII — 1976 г. А 00703. Подп. к печ. 31/VIII — 1976 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2051. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 2693.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

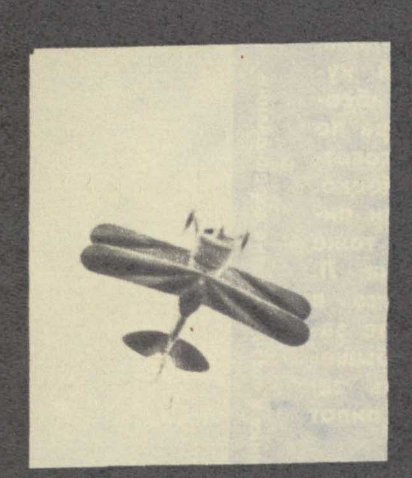

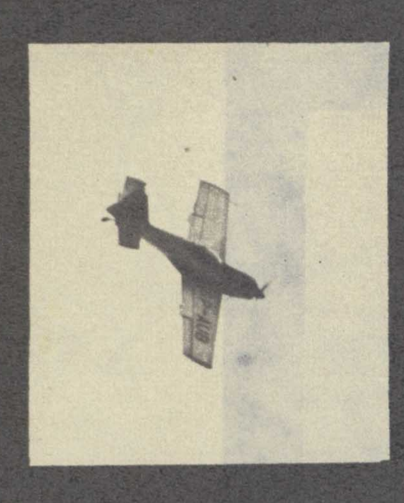
Советские авиаспортсмены — чемпионы мира.

А. ГОЛИКОВ
Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

ПОБЕДА В КИЕВСКОМ НЕБЕ

В киевском небе спортивные самолеты выполняли каскады замысловатых фигур. Здесь проходил VIII чемпионат мира по высшему пилотажу, в котором участвовали 68 пилотов из 15 стран. Они мерились силами там, где 60 лет назад русский авиатор П. Нестеров впервые совершил свою знаменитую «мертвую петлю». Теперь претенденты на звание абсолютного чемпиона должны безукоризненно точно и красиво выполнять множество фигур и эволюций высшего пилотажа, начало которым положила «мертвая петля».

Уже тренировочные полеты показали, что борьба будет острой и упорной. Хорошо подготовились пилоты ЧССР, Великобритании, ФРГ, Франции, Швейцарии. Очень сильно выглядела сборная США, которую возглавлял абсолютный чемпион этой страны Л. Лауденслегер. Американцы самоотверженно старались сохранить за собой Кубок П. Нестерова — главный приз за командную победу, который они удерживали с 1970 года. Впервые показывали свое мастерст-

Маршал авиации, трижды Герой Советского Союза А. Покрышкин на открытии чемпионата.

Самолеты участников чемпионата.

во на состязаниях такого высокого ранга спортсмены Австралии, Канады, Новой Зеландии.

Советская команда очень тщательно подготовилась к чемпионату. В ней наряду с опытными мастерами С. Савицкой и И. Егоровым были и молодые пилоты Е. Фролов, М. Молчанюк, Л. Немкова и другие. Выступали на новом пилотажном самолете «Як-50». Эту машину специально создали для чемпионата мира в конструкторском бюро, возглавляемом известным авиаконструктором А. С. Яковлевым. Зарубежные спортсмены прилетели на своих машинах, и зеленое поле аэродрома походило на выставку спортивных самолетов. Тут были американские малютки-бипланы «Питцспециаль», пластмассовые «Акростары» из ФРГ, французские «КАП-20 Л» и соперничающие с ними в элегантности очертаний чехословацкие «Злин-50 Л».

Команда-победительница, которой присуждался Кубок Нестерова, определялась по итогам выполнения известной обязательной программы и неизвестной, или, как ее часто называют летчики, «темного комплекса», а также программы произвольной. Советская команда завоевала Кубок П. Нестерова.

Почетный титул абсолютного чемпиона разыгрывался в последний летний день, когда определилась группа финалистов. В нее вошли более трети всех участников. И здесь успех сопутствовал советским спортсменам. Президент Международной авиационной федерации Б. Дюперье вручил большую золотую медаль, диплом и переходящий кубок Арести новому абсолютному чемпиону мира по высшему пилотажу — советскому спортсмену В. Лецко. Чемпионом мира среди пилотов-женщин стала тоже советская спортсменка Л. Леонова. Второе место в абсолютном первенстве занял И. Егоров из Куйбышева. Бронзовую медаль завоевал чехословацкий пилот И. Тучек.

Новый советский самолет для воздушной акробатики «Як-50» получил на чемпионате самые лестные отзывы.

На празднике в честь открытия соревнований.

Зрители.

Приз «За волю к победе», учрежденный журналом «Огонек», вручен команде из Швейцарии.

Пилот Иван Тучек — ЧССР.

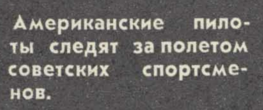

Пилоты из Австралии.

«Яки», на которых советские спортсмены победили.

Американские пилоты следят за полетом советских спортсменов.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663